

ISSN 2410-4205 (print)
ISSN 2949-2866 (online)

HISTORY:

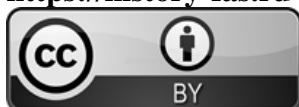
FACTS AND SYMBOLS

Istoriya: fakty i simvoly

Vol. 40 / 2024 / № 3

DOI: 10.24888/2410-4205-2024-40-3

<https://history-fas.ru>

Журнал основан в 2007 г. под названием Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Серия "История". В 2012 - 2014 г. журнал назывался «Запад-Россия-Восток: Археология. История. Философия. Юриспруденция».

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1).

Типография: Отдел издательской деятельности ЕГУ им. И.А. Бунина. 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1.

Выходит 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер: ПИ № ФС77-59752 от 7 ноября 2014.

Префикс DOI: 10.24888

Тираж журнала – 1000 экз.

«История: факты и символы» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области истории повседневности, истории, культурологии. Цель журнала – расширить представления о достижениях российской исторической науке в мировом пространстве. Редакционная политика журнала базируется на традиционных научно-этических принципах и подходах, выработанных отечественными мировым научным сообществом. Издание представлено научными работами аналитического, научно-исследовательского и научно-методического характера. Целевая аудитория журнала: мировое сообщество ученых-историков, преподаватели вузов, учителя, студенты, аспиранты и все интересующиеся вопросами исторической науки и смежных с ней дисциплин. Миссия журнала – синтез традиционных представлений об исторической науке, которые в силу обстоятельств еще довольно сильны в России, и новых направлений, разрабатываемых в русле исторической антропологии. Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. К публикации принимаются статьи на английском и русском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <https://hisfas.elpub.ru>

The journal was founded in 2007 under the name Bulletin of the Yelets State University. Series "History". In

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России»

Подписной индекс издания Ф64989

Цена свободная

Дата выхода в свет 20.09.2024

2012 - 2014 the publication was called "West-Russia-East: Archeology. Story. Philosophy. Jurisprudence". Founder and publisher: Bunin Yelets State University named

Printing house: Bunin YSU Publishing Department 399770, Lipetsk region, Yelets, st. Kommunarov, 28, 1. It is published 4 times a year (March, June, September, December)

Roskomnadzor registration certificate

PI No. ФС77-59752 dated November 7, 2014.

DOI prefix: 10.24888

The journal circulation is 1000 copies.

"History: Facts and Symbols" is a peer-reviewed academic journal, whose area of interest is advanced research in the field of the history of everyday life, history, cultural studies. The target of the journal is to expand the understanding of the achievements of Russian historical studies in the world. The editorial policy of the journal is based on traditional academic and ethical principles and approaches. The publication is represented by works of an analytical, research and methodological nature in various fields of historical studies, which are fundamental, applied and innovative. The target audience of the journal is the world community of historians, university professors, teachers, students, graduate students and all those interested in the issues of historical studies and related disciplines. The mission of the journal is a synthesis of traditional ideas about historical studies, which, due to circumstances, are still quite strong in Russia, and new directions developed in line with historical anthropology. Our task is to study a set of human cognitive and mental mechanisms from different eras. The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main academic results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published. Articles in English and Russian are accepted for publication. The full-text version of the journal is freely available on the journal's website and is hosted on the platform of the Russian Science Citation Index (RSCI) of the Russian Universal Scientific Library. Full information about the journal and the rules for preparing articles are available on the website: <https://hisfas.elpub.ru>

Subscription to the journal is carried out according to the catalog "Press of Russia"

Subscription index of the publication Ф64989

Free price

Publication date 20.09.2024

Адрес редакции: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770 Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, 1, тел. - 8 47467 60237
e-mail: nauka@elsu.ru

Право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

Условия использования материалов журнала

Пользователи соглашаются использовать материалы журнала исключительно в законных целях, в пределах, установленных законодательством Российской Федерации, не нарушая и не ограничивая права третьих лиц и не препятствуя использованию третьими лицами данного сайта в полном объеме. Все права на материалы, размещенные на страницах журнала и на сайте, принадлежат Федеральному государственному бюджетному учреждению Высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Editorial Boards address: Bunin Yelets State University, 28, 1 Kommunarov st., Yelets, Lipetsk region, 399770, tel - 8 47467 60237

e-mail: nauka@elsu.ru

The right to the original layout and design belongs to the journal, the copyright to the articles belongs to the authors.

Terms of use of journal materials

Users agree to use the materials of the journal solely for lawful purposes, within the limits established by the legislation of the Russian Federation, without violating or restricting the rights of third parties and without preventing third parties from using this site in full. All rights to the materials posted on the pages of the journal and on the website belong to the Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Bunin Yelets State University", unless another copyright holder is indicated in the imprint of the material itself.

Главный редактор: Д.А. Ляпин (Россия, ЕГУ им. И. А. Бунина).

Редакционный совет: В.Н. Глазьев (Россия, ВГУ), В.В. Канищев (Россия, ТГУ им. Г.Р. Державина), А. Колотари (Венгрия, Капошварский университет), В.А. Ливцов (РАНХиГС); В.П. Литвинов (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина), А.Б. Оришев (Россия, РГАУ – МСА им. К.А. Тимирязев), Н.А. Плавинский (Беларусь, Минск, БГУ), Б.У. Серазетдинов (Россия, Институт российской истории РАН).

Редакционная коллегия: А.В. Гладышев (Саратов, СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского), В.И. Горбачев (Новая Зеландия, Веллингтон, Университет Королевы Виктории), Н.Н. Грибов (Москва, Институт археологии РАН), В.С. Елистратов (Россия, МГУ им. М.В. Ломоносова), Н.А. Жиров (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина), О.В. Клевцова (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина), И.В. Крючков (Россия, СКФУ), М.М. Лоевская (МГУ им. М. В. Ломоносова), Ю.С. Овчинникова (Россия, МГУ им. М.В. Ломоносова), Н.Н. Петрухинцев (Россия, профессор, РАНХиГС), С.А. Романенко (Россия, РГГУ), Д.В. Сень (Россия, ЮФУ), Н.А. Тропин (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина), А.А. Чубур (БГУ им. И. Г. Петровского), Б.Л. Шапиро (Россия, РГГУ).

Editor-in-Chief – Denis A. Lyapin (Russia, Bunin YSU).

Editorial Council: Vladimir N. Glazyev (Russia, VSU), Vladimir V. Kanishchev (Russia, Derzhavin TSU), Atila Kolotari (Hungary, Kaposvár University), Vladimir A. Livtsov (Russia, RANEPА), Vladimir P. Litvinov (Russia, Bunin YSU), Alexander B. Orishev (Russia, Timiryazev RGAU), Nikolay A. Plavinsky (Belarus, Minsk, BSU), Boris U. Serazetdinov (Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences).

Editorial board: Andrey V. Gladyshev (Saratov, Chernyshevsky SNIGU), Valentin I. Gorbachev (New Zealand, PhD student, Victoria University of Wellington); Nikolay N. Gribov (Moscow, Institute of Archeology RAS), Vladimir S. Yelistratov (Russia, Lomonosov Moscow State University), Nikolay A. Zhiron (Russia, Bunin YSU), Oksana V. Klevtsova (Russia, Bunin YSU), Igor V. Kryuchkov (Russia, NCFU), Margarita M. Loevskay (Russia, Lomonosov MSU), Nikolay N. Petrukhintsev (Russia, RANEPА), Yulia S. Ovchinnikova (Russia, Lomonosov MSU), Dmitry V. Sen (Russia, SFU), Nikokay A. Tropin (Russia, Bunin YSU), Artur A. Chubur (Russia, Petrovsky BSU), Bella L. Shapiro (Russia, RSUH).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Михайлюк Т.В.</i> (Рязань)	ОБРАЗЫ СЕЛЬСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ «ЦЕЛИННОГО ПРОЕКТА» Н.С. ХРУЩЕВА (ПО ИСТОЧНИКАМ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ И МЕМУАРАМ СОВРЕМЕННИКОВ СОБЫТИЙ)	8
<i>Попов А.Д.</i> (Рязань)	А У НАС В КВАРТИРЕ ГАЗ... (ГАЗИФИКАЦИЯ В ПИСЬМАХ ТРУДЯЩИХСЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ 1950-Х ГОДОВ)	18
<i>Шапиро Б.Л.</i> (Москва)	«МАЛЕНЬКИЕ ДОМИКИ» МАРИ ГИМАР (1772) И АННЫ ДЕРВЬЕ (1789): МОДА, СТИЛЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ФРАНЦИИ	31

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

<i>Перов М.С.</i> (Воронеж)	«НЫНЕ БРАТСТВУ ПРИМЕТА ТО, НЫНЕ ТОТ ЗАПРОС – КРЕЧЕТЫ, СОБОЛИ, РЫБЕЙ ЗУБ»: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОСОЛЬСКИХ ДАРОВ В РУССКО-КРЫМСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА	44
--------------------------------	--	----

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

<i>Гуларян А.Б.,</i> <i>Филонов В.И.</i> (Орёл)	ИСТОРИЯ УТВЕРЖДЕНИЯ ДОМОВ ТРУДОЛЮБИЯ В МЦЕНСКЕ И ЕЛЬЦЕ (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)	52
<i>Ермаков О.В.</i> (Ставрополь)	ПОЛИТИКА РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ФИНЛЯНДИИ В 1897-1905 ГГ.: ПРАКТИКА КОНСОЛИДАЦИИ ИМПЕРИИ И ВЫЗОВЫ АВТОНОМИИ КНЯЖЕСТВА	62
<i>Кудланов К.Б.</i> (Курск)	УЧАСТИЕ ЧИНОВНИКОВ В СИЛОВЫХ КООПЕРАТИВНЫХ ЗАВЛАДЕНИЯХ ОДНОДВОРЧЕСКОЙ ЗЕМЛЁЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XVIII СТОЛЕТИИ	78

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

<i>Кулачков В.В.</i> (Брянск), <i>Гончарова И.В.</i> (Москва), <i>Чувардин Г.С.</i> (Орёл)	ЭВОЛЮЦИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА В 1920-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ)	89
---	--	----

<i>Меркулов П.А., Самородова Е.М. (Орёл)</i>	ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1990-Х ГОДАХ	102
--	---	-----

<i>Суслов А.Ю., Голосеева А.А. (Казань)</i>	ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР 1920-Х ГГ. В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ	122
---	---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Жиров Н.А., Логунова Н.В. (Елец)</i>	ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ И ИХ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ЧЕРНОЗЕМЬЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.	138
---	---	-----

<i>Ляпин Д.А., Прошунина Е.В. (Елец)</i>	К ВОПРОСУ О «ПОЧВЕННОМ ФАКТОРЕ» В ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ	146
--	--	-----

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	150
------------------------------------	------------

CONTENT

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

<i>Mikhailuk T.V.</i> (<i>Ryazan</i>)	IMAGES OF RURAL EVERYDAY LIFE OF N.S. KHRUSHCHEV'S "VIRGIN LAND PROJECT" (BASED ON MASS CULTURE SOURCES AND MEMOIRS OF CONTEMPORARIES OF THE EVENTS)	8
<i>Popov A.D.</i> (<i>Ryazan</i>)	AND IN OUR APARTMENT WE HAVE GAS... (GASIFICATION IN LETTERS OF WORKERS AS A REFLECTION OF THE URBANIZATION PROCESS OF THE 1950S)	18
<i>Shapiro B.L.</i> (<i>Moscow</i>)	"LITTLE HOUSES" OF MARIE GUIMARD (1772) AND ANNE DERVIER (1789): FASHION, STYLE AND ARTISTIC CULTURE IN NEOCLASSICAL FRANCE	31

ARCHEOLOGY AND HISTORY ISSUES OF ANCIENT Rus'

<i>Perov M.S.</i> (<i>Voronezh</i>)	"NOW THE BROTHERHOOD HAS THAT SIGN, NOW THAT REQUEST – GYRLFALCONS, SABLES, FISH TOOTH": ON THE QUESTION OF THE CONTENT OF AMBASSADORS' GIFTS IN RUSSIAN-CRIMEAN RELATIONS IN THE SECOND HALF OF THE 15TH CENTURY.....	44
--	--	----

CURRENT ISSUES IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

<i>Gularyan A.B.,</i> <i>Filonov V.I.</i> (<i>Orel</i>)	HISTORY OF THE ESTABLISHMENT OF HOUSES OF INDUSTRY IN MTSENSK AND YELTS (AN EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS)	52
<i>Ermakov O.V.</i> (<i>Stavropol</i>)	POLICY OF SPREADING THE RUSSIAN LANGUAGE IN FINLAND IN 1897-1905: THE PRACTICE OF CONSOLIDATION OF THE EMPIRE AND CHALLENGES TO THE AUTONOMY OF THE PRINCIPALITY	62
<i>Kudlanov K.B.</i> (<i>Kursk</i>)	PARTICIPATION OF OFFICIALS IN FORCE COOPERATIVE POSSESSIONS OF SINGLE-COURT LAND IN THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN THE 18TH CENTURY	78

SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON

<i>Kulachkov V.V.</i> (<i>Bryansk</i>), <i>Goncharova I.V.</i> (<i>Moscow</i>), <i>Chuvardin G.S.</i> (<i>Orel</i>)	EVOLUTION OF COMMON LAW IN THE 1920s. (BASED ON THE MATERIALS OF THE BRYANSK PROVINCE)	89
--	---	----

<i>Merkulov P.A., Samorodova E.M. (Orel)</i>	HISTORICAL EXPERIENCE OF IMPLEMENTING ECONOMIC REFORMS IN POST-SOVIET RUSSIA IN THE 1990S	102
--	---	-----

<i>Suslov A.Yu., Goloseeva A.A. (Kazan)</i>	INDIVIDUAL POLITICAL TERROR OF THE 1920S IN THE ASSESSMENTS OF THE RUSSIAN SOCIALIST EMIGRATION	122
---	---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Zhirov N.A., Logunova N.V. (Yelets)</i>	INFORMATION CAPABILITIES OF METRIC BOOKS OF ORTHODOX PARISHES AND THEIR ROLE IN THE STUDY OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN RURAL AREAS OF THE CHERNOZEM REGION AT THE END OF THE 18TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES	138
--	--	-----

<i>Lyapin D.A., Proshunina E.V. (Yelets)</i>	TO THE QUESTION OF THE "SOIL FACTOR" IN THE HISTORY OF CONSTRUCTION OF THE BELGOROD LINE	146
--	--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	150
--	------------

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ / ORIGINAL ARTICLES

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ / HISTORY OF EVERYDAY

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-8-17>

УДК 93(470)

ОБРАЗЫ СЕЛЬСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ «ЦЕЛИННОГО ПРОЕКТА» Н.С. ХРУЩЕВА (ПО ИСТОЧНИКАМ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ И МЕМУАРАМ СОВРЕМЕННОКОВ СОБЫТИЙ)

Т. В. Михайлюк,

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
ул. Свободы, д.46, Рязань, 390000, Россия*

Аннотация

Введение. В статье рассматривается образ повседневности первоцелинников – отрядов сельских тружеников, молодых комсомольцев и добровольцев, отправившихся в восточные районы СССР для освоения целинных и залежных земель в период хрущевского «целинного проекта». Преодоление трудностей и трудовой энтузиазм советских граждан, откликнувшихся на призыв и связанный с реализацией данного проекта, сконструировали в общественном сознании модель или образ советского сельского труженика целины. Этот образ хорошо просматривается в источниках массовой культуры и в опубликованных воспоминаниях современников событий. **Материалы и методы.** В данном исследовании применялись: сравнительно-исторический, историко-генетический и ретроспективный методы исследования. Автор проанализировал ряд изобразительных источников, мемуаров современников целинной кампании, кинокартин советского кинематографа, через призму которых попытался выявить основные черты повседневности сельского труженика-первоцелинника, выявить ключевые предпосылки и проблемы условий труда и быта, сформировавшие этот многогранный образ. **Результаты.** В проведенном исследовании показывается, что источники массовой культуры могут служить ценными источниками по изучению истории повседневности условий труда и быта сельских тружеников целины. В них ярко иллюстрируются все оттенки их повседневной жизни. Советские кинофильмы и художественные произведения отражают нелегкий трудовой путь и бытовую повседневность первых покорителей целины, запечатлевают их героические образы, выполняя одновременно агитационную функцию, направленную на повышение трудового энтузиазма среди советских трудящихся и молодежи. Мемуары и воспоминания современников целинной кампании помимо информации об истории повседневности тружеников целины, содержат критику последствий хрущевской целинной кампании, неблагоприятно отразившейся на развитии сельского хозяйства регионов центрального Нечерноземья. В целом, образы добровольцев-энтузиастов, молодых студентов-комсомольцев, простых советских людей, полных решимости внесения своей лепты для решения зерновой проблемы страны широко транслировались посредством советских кинолент и художественных картин. **Заключение.** Автор пришел к выводу, что

образ первоцелинника, включающий в себя «героику», повседневные трудовые и бытовые проблемы, преодолевавшиеся советскими людьми в тяжелейших природных условиях, отразились в современном массовом сознании в виде образа героя-первопроходца – покорителя природы. Первые успехи хрущевской зерновой кампании были обусловлены не только высоким уровнем плодородия почв, но и не в меньшей мере, уровнем трудового энтузиазма советских тружеников, осознанно обрекшими себя на материальные и бытовые трудности и лишения, связанные с освоением целины.

Ключевые слова: целина, первоцелинник, повседневность, совхоз, Н.С. Хрущев, бытовые практики, работник совхоза, сельский труженик

Для цитирования: Михайлюк Т.В. (2024). Образы сельской повседневности «целинного проекта» Н. С. Хрущева (по источникам массовой культуры и мемуарам современников событий) // История: факты и символы. № 3 (40). С. 8-17 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-8-17

Статья поступила: 19.03.2024

Статья принята в печать: 27.05.2024

Статья опубликована: 20.09.2024

© Михайлюк Т., 2024

**MAGES OF RURAL EVERYDAY LIFE IN N.S. KHRUSCHEV'S
“VIRCE LINE PROJECT” (ACCORDING TO SOURCES OF MASS CULTURE
AND MEMOIRS OF CONTEMPORARY EVENTS)**

*Tat'jana V. Mihajljuk,
St. Svobody, 46, Ryazan, 390000, Russian Federation
Yesenin Ryazan State University*

Annotation

Introduction. The article examines the image of everyday life of the first virgin lands - groups of rural workers, young Komsomol members and volunteers who went to the eastern regions of the USSR to develop virgin and fallow lands during the period of Khrushchev's "virgin lands project". Overcoming difficulties and the labor enthusiasm of Soviet citizens who responded to the call and associated with the implementation of this project constructed a model or image of the Soviet rural virgin land worker in the public consciousness. This image is clearly visible through the prism of sources of popular culture and in the published memoirs of contemporaries of the events. **Materials of methods.** This study used comparative historical, historical genetic and retrospective research methods. The author analyzed a number of graphic sources, memoirs of contemporaries of the virgin lands campaign, films of Soviet cinema through the prism of which, tried to identify the main features of the everyday life of a rural worker of the virgin lands, analyze the key prerequisites and problems of working and living conditions that formed this multifaceted image. **Results.** The study shows that sources of popular culture can serve as valuable sources for studying the history of everyday working conditions and living conditions of rural virgin soil workers. They vividly illustrate all the shades of their daily life. Soviet films and works of art reflect the difficult labor path and everyday life of the first conquerors of the virgin lands, capture their heroic images, while simultaneously performing a propaganda function aimed at increasing labor enthusiasm among Soviet workers and youth. Memoirs and memoirs of contemporaries of the virgin lands campaign, in addition to information about the history of the everyday life of virgin lands workers, contain criticism of the consequences of Khrushchev's virgin lands campaign, which adversely affected the development of agriculture in the regions of the central Non-Black Earth Region. In general, images of enthusiastic volunteers, young Komsomol students, and ordinary Soviet people deter-

mined to do their part to solve the country's grain problem were widely broadcast through Soviet films and feature films. **Conclusion.** The author came to the conclusion that the image of the pioneer, which includes "heroics", everyday work and everyday problems that Soviet people overcame in difficult natural conditions, was reflected in modern mass consciousness in the form of the image of a hero-pioneer - a conqueror of nature. The first successes of Khrushchev's grain campaign were due not only to the high level of soil fertility, but also, no less, to the level of labor enthusiasm of Soviet workers, who consciously doomed themselves to the material and everyday difficulties and deprivations associated with the development of virgin lands.

Keywords: virgin soil, everyday life, collective farm, Khrushchev, everyday practices, state farm, rural worker

For citation: Mikhailyuk T. (2024). Images of rural everyday life of the "virgin lands project" of Khrushchev (based on sources of mass culture and memoirs of contemporaries of the events) In *History: facts and symbols*, 3 (40), 8-17 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-8-17

Received: 19.03.2024

Revised: 27.05.2024

Published: 20.09.2024

© Mikhailyuk T., 2024

1. Введение

Экономика аграрного сектора вышла из Великой отечественной войны в очень изможденном состоянии и с почти полной потерей материально-технической базы и трудовых ресурсов. Первое послевоенное десятилетие аграрному сектору отводилась совсем не предрасполагающая к развитию роль поставщика сырья и дешевой рабочей силы. Для послевоенного периода восстановления разрушенной экономики характерен приоритет развития промышленности, а не сельского хозяйства. На решение первоочередных проблем послевоенной советской деревни, таких как: отставание животноводства, зерновой дефицит, низкий уровень производства картофеля и других видов сельскохозяйственной продукции, отводилось минимальное финансирование. Сталинская модель управления аграрным сектором носила очень жесткий характер: завышенные нормы сдачи зерна государству, высокие налоги с каждого крестьянского личного подсобного хозяйства, в том числе натуральные, игнорирование проблем голода в деревне в неурожайные годы, «крепостное положение» членов колхозов ввиду отсутствия паспортов у сельских тружеников. Сталинская аграрная политика имела экстенсивный характер производства и практически повсеместно исключала механизацию сельскохозяйственных процессов.

Зерновую проблему, по настоянию Н. С. Хрущева в 1954 г., было также намечено решить экстенсивным методом – способом расширения посевных площадей, а не интенсификацией аграрного производства, требующей огромных финансовых вложений в такие мероприятия как строительство предприятий производства минеральных удобрений, модернизация производства сельскохозяйственной техники, селекция агрокультур. В течение ряда лет, с марта 1954 г. и в последующее восьмилетие, были официально приняты постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которые были направлены: на увеличение производства зерна в 1954-1955 гг. за счет освоения целинных и залежных земель, на развитие колхозных и совхозных хозяйств и повышение их рентабельности, на решение проблем кадрового дефицита высококвалифицированных механизаторских специалистов в сельском хозяйстве, на улучшение торговли, общественного питания, медицинского и культурно-бытового обслуживания рабочих и служащих МТС и совхозов, на реализацию мер по строительству новых совхозов в районах освоения целинных и залежных земель, на постройку новых зернохранилищ, на усиление хлебозаготовок в

районах Сибири, Казахстана и Урала. Также проводились мероприятия по обеспечению своевременной уборки урожая и вспашки зяби в районах целинных и залежных земель. Вышеуказанные директивы были приняты и базировались на ожидании получения быстрого эффекта от «чистой» пашни, а также на массовом энтузиазме молодых комсомольцев, советского студенчества и трудящихся.

Историография изучаемой темы содержит оценки как положительного, так и отрицательного влияния целинной кампании на развитие аграрного сектора. Проблемы интенсификации сельского хозяйства, отсталости технической оснащенности, нецелевого использования и растраниживания финансовых ресурсов, которые направлялись на освоение новых земель и модернизацию старопахотных хозяйств, отсутствие достаточных средств для строительства необходимой инфраструктуры новых совхозов отражены в работах С. Н. Андреевкова, В. Н. Томилина, Е. Е. Темниковой [1; 2; 3; 7; 8; 9]. Вместе с тем ряд исследователей считает, что освоение целинных и залежных земель востока страны позволило увеличить размеры посевных площадей, что способствовало росту заготовок зерна, а также оказало благотворное влияние на развитие экономики, транспортной, жилищной инфраструктуры и на культуру Казахстана (Е.В. Пахомова, М.С. Фазылов)¹.

Образы советского сельского труженика-целинника достаточно ярко запечатлеваются в массовом сознании посредством источников массовой культуры. В ряде советских кинофильмов: «Иван Бровкин на целине» (реж. И. Лукинский, 1958), «Первый эшелон» (реж. М. Калатозов, 1955), «Это начиналось так...» (реж. Я. Сегель, Л. Кулиджанов, 1956), «Аленка» (реж. Б. Барнет, 1961), «Вкус хлеба» (реж. А. Сахаров 1979) показаны проблемы освоения целины, с которыми столкнулись первоцелинники в необжитых степях. Посредством произведений изобразительного искусства советских художников воплощены картины быта и условий труда на целине: «Только что женился. Целина» (В. Некрасов, 1955), «Раиса Михайловна Нивор, лучший хлебороб целины» (А.Г. Гуляев, 1955), «Молодожены-целинники» (Д.К. Мочальский, 1959), «Ухажеры» (Д.К. Мочальский, 1959), «На новые земли» (М.И. Самсонов), «Перед штурмом целины» (А.Н. Либеров), «Москвички на целине» (Р.Н. Галицкий), «Н.С. Хрущев на целине» (Р.Н. Галицкий), «Земля зовет» (Г.И. Бельцов, 1963), «На целину» (Г.А. Гончаров, 1968), «В новую жизнь» (Э. Ребане, 1959), «Будни целины» (А.М. Ратников, 1962), «Казахстана целина. Палатки» (Д. Шмелев), «Впервые на целине» (В.И. Масик), «Весточка из дома» (П.П. Блок)². Воспоминания современников целинной кампании иллюстрируют не только трудности, «героикоу» событий освоения новых земель, но также и ее критику. Эти источники содержат бесценный опыт по истории повседневности первоцелинников и достаточно широко очерчивают широкий круг аграрных и бытовых проблем работников в новых совхозах, основанных на целинных землях.

2. Материалы и методы

Объектом исследования является образ повседневной жизни сельского труженика первоцелинника в период хрущевской целинной политики середины XX века. В анализе образов повседневности первоцелинников использовались: сравнительно-исторический, историко-генетический и ретроспективный методы исследования. Источниковая база позволяет выделить три группы источников: советские кинофильмы, мемуары

¹ Пахомова, Е. В. (2007). *Обеспечение районов освоения целинных и залежных земель трудовыми ресурсами в 1954-1956 гг.: на материалах южного Урала*. Автореф. дис. канд. ист. наук. Оренбург, 261 с.; Фазылов, М. С. (1965). *Освоение целины в Казахстане и его роль в укреплении дружбы народов (1954-1965 гг.)*. Автореф. дис. канд. ист. наук. Алма-Ата, 18 с.

² Советское искусство. Галерея художников Советского Союза. URL: <https://ngasanova.livejournal.com/1397807.htm> (дата обращения: 20.05.2024).

современников и картины изобразительного искусства. Данные материалы содержат информацию о повседневной жизни первоцелинников – работников новых совхозов, основанных на целинных и залежных землях в СССР.

3. Результаты

В январе 1954 г. для решения острой зерновой проблемы в СССР под руководством Н.С. Хрущева было предложено использовать для распашки и выращивания зерновых культур целинные и залежные земли районов Урала, Поволжья, Сибири и Казахстана, т.е. такие земли, которые не использовались ранее в сельхозобороте и не требовали проведения предварительных мелиоративных работ. За счет расширения посевных площадей вектор развития советского сельского хозяйства приобретал экстенсивную, а не интенсивную направленность. В степные районы освоения целинных земель востока страны двинулись сотни эшелонов. Подъем целины и быт первоцелинников в необжитых землях был связан с такими трудностями как: почти круглосуточная работа в полях, жизнь в палатках в условиях бушующих снежных буранов и лютых морозов в зимний период и испепеляющей летней жары, бездорожья, нехватки машин, инструмента, строительных материалов. В своих воспоминаниях Л.И. Брежнев описывает безрадостную картину жизнеустройства одного из первых целинных совхозов - «Степняк» Кургальджинского района Казахстана, который он лично посетил в 1954 г. В совхозе отсутствовала питьевая вода, электричество, не было топлива и керосина, а также самых необходимых продуктов (круп, молока, соли). Часть скота, который выделили на этот совхоз - коров передавали на содержание в личные подсобные хозяйства для обеспечения семей с детьми молоком. Дома для жилья работников совхоза первоначально строили из кирпича-сырца, по описанию Л.И. Брежнева: - «...скверно, лепят дома без фундаментов, кое-как» [4, с. 66]. В фильме «Вкус хлеба» (реж. А. Сахаров, 1979) показана проблема поиска материала для строительства жилого поселка в необжитой степи. Первоцелинники изначально строили жилища из саманного кирпича, поскольку возведение зданий из строительного кирпича или древесины было невозможно ввиду отсутствия данных строительных материалов в отдаленных от центральных регионов местности. Саманный кирпич – это кирпич-сырец, состоящий из природной глины, соломы и примеси древесных опилок, который формируется вручную и высушивается на открытом воздухе. После постройки такие жилища и хозяйственные помещения для размещения скота обычно белили известью. Именно такой жилой поселок из небольших одноэтажных домов, еще не оборудованными необходимыми бытовыми удобствами (водопроводом, канализацией, санузлом) показан зрителю во второй серии фильма «Вкус хлеба». Ввиду дефицита качественного строительного материала в малообжитой степи помещения, построенные из кирпича-сырца, возводились за очень короткое время, но имели такие существенные недостатки как плохую теплоизоляцию и короткий срок эксплуатации. Для строительства жилья и производственных помещений, а также проведение работ, направленных на улучшение бытовых условий работников совхозов, использовалось время, остававшееся на отдых. В частности, в вышеуказанном фильме, показан эпизод, иллюстрирующий острую проблему нехватки необходимого строительного материала для постройки первых жилых домов первых совхозов на целине. Формовкой и просушкой кирпича-сырца занимались женщины в свободное от работы время. Один из персонажей данного фильма – секретарь целинного райкома партии Владимир Ерошин пытается убедить директора целинного совхоза «Бескрайний» Степана Сечкина, что руководству совхоза необходимо срочно изыскивать средства для обустройства жилья работников из промышленного строительного кирпича. По мнению Ерошина обеспечение работников нового совхоза благоустроенным жильем с хорошими бытовыми условиями будет способствовать здоровьесбережению сельских труженников, улучшению демографии в новых районах земледелия, и как следствие, молодежь перестанет массово покидать целину по причинам жилищно-бытовых неудобств («Вкус хлеба», реж. А. Сахаров 1979).

Эшелоны добровольцев-механизаторов отправлялись по комсомольским путевкам на освоение алтайских и казахских целинных и залежных земель со своими сельскохозяйственными машинами: тракторами и комбайнами. Достаточно ярко, а также идеологически обусловлена трансляция в общественное сознание образов добровольцев-энтузиастов – простых советских людей, полных решимости внесения своей лепты для решения зерновой проблемы страны периода целинной кампании, посредством советского кинематографа. Так, главный герой фильма «Иван Бровкин на целине» - Иван демонстрирует твердую решимость осваивать целину сразу после окончания службы в армии. Столкнувшийся с полным неприятием и непониманием своего решения в семье и в родном колхозе, демобилизовавшийся молодой сержант уезжает в Оренбургскую область. Первые трудности и сложности освоения новых сельскохозяйственных угодий такие как: нехватка сельскохозяйственной техники, отсутствие пригодных для жизни условий не пугают Ивана. Спустя полгода тяжелого и напряженного сельскохозяйственного труда он становится бригадиром тракторной бригады, получает жилой дом от совхоза и орден героя социалистического труда («Иван Бровкин на целине», реж. И. Лукинский, 1958). Образами героев фильмов «Первый эшелон» (реж. М. Калатозов, 1955), «Это начиналось так...» (реж. Я. Сегель, Л. Кулиджанов, 1956), «Аленка» (реж. Б. Барнет, 1961) зрителю показывается атмосфера стойкости характеров в преодолении трудностей советскими людьми в процессе освоения целинных земель. Условия весенней распутицы и суровых морозов Казахстана не пугают и молодежь, приехавшую по комсомольским путевкам. Не хватало сельскохозяйственной техники, особенно тяжеловесной, например, тракторов С-80. В 1954 г. доставка имеющейся сельскохозяйственной техники (тракторов ДТ-54, С-80) была сопряжена с тяжелыми условиями весенней распутицы, с сооружением переправ через реки, встречающимися на пути. Целыми колоннами, нередко используя самодельные паромы, самые опытные механизаторы доставляли свои машины к месту освоения новых земель. Часто тяжеловесные трактора срывались с самодельных паромов и люди, стоя по пояс в ледяной воде, спасали машины со дна рек. Известны случаи гибели в 1954 г. трудовой молодежи, механизаторов, которые произошли при переправе сельскохозяйственной техники через реки (Нестеренко Д., участник Великой отечественной войны, бригадир тракторной бригады) [14, с. 27]. Памятник, поставленный первоцелинниками студенту В. И. Струнникову, одному из героев фильма «Вкус хлеба», погибшему в ледяной воде при переправе отряда новопоселенцев через реку, символизирует героический образ отважной и активной студенческой молодежи, откликнувшейся на призыв советского правительства («Вкус хлеба», реж. А. Сахаров 1979).

Персонажи, изображенные на художественных полотнах советских художников – современников «целинной кампании»: «На целину» (Г. А. Гончаров, 1968), «На новые земли» (М. И. Самсонов), «Земля зовет» (Г. И. Бельцов, 1963), «В новую жизнь» (Э. Ребане, 1959) олицетворяют перед зрителем твердую решимость и негибкую волю первых покорителей целинных земель. Взгляды молодых людей на картинах Г.И. Бельцова «Земля зовет», М. И. Самсонова «На новые земли» уверенно и смело обращены в неведомую даль, в которой усматривается надежда на построение светлого будущего на бесконечных просторах огромной страны. Образы трудовой и бытовой повседневности, условия проживания первых поселенцев в палатках и вагончиках, временно поставленных посреди степи, отражены на картинах Д. Шмелева «Казахстана целина. Палатки», В. Некрасова «Только что женился. Целина». На данных художественных полотнах мы видим, что жилье первоцелинников в основном было оснащено нехитрой, но жизненно необходимой хозяйственной утварью. Это походные котелки для приготовления пищи на костре, различные емкости и чайники для запаса привозной воды питьевой воды. Чемоданы еще долгое время служили первоцелинникам в качестве замены платяных шкафов для хранения вещей и одежды. При хорошей погоде работники принимали пищу, играли свадьбы за накрытыми столами палаточного лагеря, разбитого в степи. Здесь создавались новые семьи, рождались и росли дети.

Палатки и временки служили в основном местом отдыха сельских тружеников, а также местом основного пребывания молодых мам с маленькими детьми. В разгар распахки и посевной большинство работников целинных совхозов питались и ночевали в поле. Сообща и дружно трудились вместе на целине русские и казахи, украинцы и белорусы, латыши и узбеки, армяне и грузины, молдаване и литовцы. Нередко там же, на целине, создавались крепкие семьи. Сюжеты художественных полотен: «Молодожены-целинники», «Ухажеры» Д. К. Мочальского, созданные в 1959 г., «Москвички на целине» Р. Н. Галицкого демонстрируют зрителю, что, несмотря на бытовую неустроенность работников первых целинных совхозов и отсутствие пригодного жилья, жизнь в малообжитых степях активно развивалась.

Как верно отметил Л. И. Брежнев в своей книге «Целина»: «Целинник – фигура историческая, определившая собой историческое время» [4, с. 34]. Имена героев и передовиков труда, воплощенные кистью советских художников, становились известны всей стране. На картине советского художника А. Г. Гуляева перед зрителем предстает образ сильной женщины-хлебороба, достигшей значительных успехов в труде по окончании первого урожайного года на освоенной целине. Ее могучая фигура, целеустремленный взгляд, который направлен вдаль, одновременно транслирует зрителю как удовлетворение от проделанной работы, так и легкую усталость. Образ могучей труженицы целины символизирует гордость за проделанный тяжелый труд при покорении новых земель, надежду на достижение еще больших результатов («Раиса Михайловна Нивор, лучший хлебороб целины». А. Г. Гуляев, 1955). Образ сильной женщины – хлебороба и покорительницы целины Р.М. Нивор перекликается с не менее могучим образом покоряемой целины, воплотившейся под кистью художника А.Н. Либерова «Перед штурмом целины». Сюжет данного произведения художественно построен на контрасте образа пока еще нетронутой земли перед распахкой. Основную часть картины занимает изображение степи и неба, символизируя их необъятность. Изображению жилых вагончиков первоцелинников, сельскохозяйственной техники отводится в данной картине не центральное место. Мрачный характер света и тени, наложенных художником мазков, усиливает ощущение масштабности целинного проекта. Ассоциации названия картины со штурмом, схожесть образов сельскохозяйственных машин с военной техникой призваны передать процесс освоения целины не иначе как в боевой битве за урожай («Перед штурмом целины» А. Н. Либеров).

Однако не все, кто приезжал на целину, решались остаться в новых совхозах на долгие годы. Не выдержав суровых испытаний труда и быта в малообжитой степи, отсутствия на первоначальном этапе на целинных землях пунктов медицинской помощи, детских садов и школ многие первоцелинники стремились уехать обратно. Проблемы неустроенности целинных поселков хорошо показаны в фильмах: «Это начиналось так...» реж. Я. Сегель, Л. Кулиджанов, 1956), «Аленка» (реж. Б. Барнет, 1961). Так, молодой врач-стоматолог, героиня фильма «Аленка» Эльза Калнынь, приехав на казахстанскую целину из Риги в поисках работы, столкнулась с проблемой отсутствия необходимых помещений и медицинского оборудования в местном медпункте. Другая героиня этого же фильма – девятилетняя девочка Аленка вынуждена покинуть своих родителей, чтобы продолжить обучение в школе близлежащего районного центра Арык, находящегося в 500 км от целинного совхоза. Молодой тракторист Завьялов, не выдержав первых трудностей обустройства в малообжитой степи, таких как: полное отсутствие мощной сельскохозяйственной техники и оборудования, тяжелые условия распахки целинной земли, ввиду ее чрезмерной заболоченности, покидает целинный совхоз «Степной». Некоторое время он скитается по другим сельскохозяйственным усадьбам в поисках более благоприятных условий труда и в итоге, не найдя себе подходящую работу, возвращается в Москву («Это начиналось так...», реж. Я. Сегель, Л. Кулиджанов, 1956).

Н.С. Хрущев в своих воспоминаниях о целине писал, что введением в оборот целинных земель были созданы перспективы заготовки товарного хлеба для удовлетворения потребности внутри страны, а также запросов зарубежных социалистических стран. Ввиду еще достаточно низкого уровня в данный период уровня агротехнологий, по мнению Хрущева, результат целинной кампании был достигнут лишь на треть. «Целина давала отдачу с большим коэффициентом, но мало. Это объяснялось недостаточно накопленным опытом, слабой обеспеченностью техникой и другими средствами, необходимыми для производства сельскохозяйственной продукции. Я имею в виду, прежде всего минеральные удобрения, средства борьбы с вредителями и механизмы для обработки почвы, приспособленные к целинным землям» [15, с. 322]. Министр иностранных дел СССР, первый заместитель председателя Совета министров СССР В.М. Молотов считал, что решение Н.С. Хрущева об освоении целины было преждевременным, поскольку нужно было нести колоссальные расходы в новых районах и сократить финансирование в уже обжитых сельскохозяйственных районах центрального Нечерноземья. Кроме того, в результате реализации целинного проекта проявилась проблема оттока рабочих сельскохозяйственных кадров и техники. Крайне трудное положение в стране, сложившееся в 1956 г. с кадрами в районах традиционного земледелия и с питанием населения, довольно ярко иллюстрирует выдержка из письменного обращения к Н.С. Хрущеву учительницы М. Николаевой: «...Люди живут плохо, ≤...≥ С продовольствием по всей стране очень туго. Фактически нормально питаться можно только в Москве. Во многих городах и магазинах преобладают крабы и зеленый горошек. В деревне почти не едят сахара. Главное то, что положение с питанием год от года не улучшается... Мы, Россия, везем мясо из Новой Зеландии! Посмотрите на колхозные дворы, на дворы отдельных колхозников – разорение. Отдельные успехи не меняют картины. Когда это было в истории, чтобы человек бежал от земли! А деревня наша обезлюдела» [5, с. 47]. Таким образом, воспоминания современников, советские кинофильмы и художественные произведения, посвященные целинной кампании, транслируют в современное массовое сознание все аспекты последствий на развитие советской экономики и аграрного сектора хрущевской целинной кампании.

4. Заключение

Экстенсивный путь решения зерновой проблемы в СССР периода хрущевского целинного проекта был задуман как мощный прорыв в области сельского хозяйства – самой критической отрасли экономики «сталинского» наследия за счет освоения целинных земель востока страны. Этот путь сопровождался и основывался как на мощной, предварительно подготовленной идеологической пропаганде: кинофильмы, художественные произведения, лозунги, так и на мощном трудовом энтузиазме советских людей – первоцелинников.

Художественные полотна, советские кинофильмы и воспоминания современников событий передают дух времени «хрущевской» целинной кампании, ярко иллюстрируют картины повседневности советских покорителей целины. В них четко просматриваются как трудности, так и «героика» событий, сопровождающих освоение ранее необжитых новых земель. Могучий «гуляевский» образ лучшего хлебороба целины Раиса Михайловна Нивор соразмерен не менее могучему «либеровскому» образу нераспаханной целины («Раиса Михайловна Нивор, лучший хлебороб целины», А.Г. Гуляев, 1955, «Перед штурмом целины» (А.Н. Либеров). Данные художественные картины призваны проиллюстрировать зрителю широкий масштаб советского целинного проекта. Преодоление таких трудностей, как нехватка сельскохозяйственной техники, зернохранилищ, зерносушилок, отсутствие складов для хранения собранного урожая, а также пригодных для жизни условий в суровой степи, детских садов, школ, медицинских учреждений на первоначальном этапе целинного проекта, - формирует в массовом сознании образы трудового повседневного подвига советского сельского труженика в битве за урожай. Фигура первоцелинника представляет собой неординарную фигуру своего исторического времени. Образы простых советских людей – доб-

ровольцев-энтузиастов, многие из которых впоследствии стали героями труда, являлись основными двигателями и локомотивами целинной кампании, основной целью которой являлось решение острой зерновой проблемы в СССР. Ее первые успехи были обусловлены не только высоким уровнем плодородия нераспаханных ранее почв, но и не в меньшей мере, уровнем трудового энтузиазма советских тружеников, осознанно обрекшими себя на материальные и бытовые трудности и лишения, связанные с освоением целины. Положительное влияние целинная кампания оказала также на социально-экономическое развитие ранее малообжитых районов Казахстана и Сибири. Однако преимущественно экстенсивная направленность аграрной политики советского государства в этих районах, имеющая цель получения больших урожаев в короткие сроки, и не учитывающая природно-климатические условия, приводили к ветровой эрозии почв. Медленное развитие социально-бытовой инфраструктуры на целинных землях являлись преимущественной причиной оттока трудовых кадров. Причины провала хрущевской целинной кампании осмысливались современниками данных событий и были отражены в их воспоминаниях и мемуарах.

Список источников и литературы

1. Андреенков, С. Н. (2016). *Зерновые совхозы на целинных и залежных землях востока СССР в середине 1950-х гг.* // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. №1. С. 404-411.
2. Андреенков, С. Н. (2019). *Колхозно-совхозная система СССР в 1946-1964 гг. в современной отечественной историографии* // Вестник Томского государственного университета. №58. С. 5-11.
3. Андреенков, С. Н. (2022). *«Целинный проект» 1954 года в Казахстане и Сибири: динамика производства зерна* // Крестьяноведение. Том. VII. №3. С. 89-105.
4. Брежнев, Л. И. (1979). *Целина*. М.: Политиздат. 79 с.
5. История Отечества в документах 1917-1993 гг. (1995). Часть IV-М.: ИЛБИ, 224 с.
6. Спицын, Е. Ю. (2019). *Хрущевская слякоть*. М.: Концептуал, 592 с.
7. Темникова, Е. Е., Томилин, В.Н. (2022). *Отечественная и зарубежная историография освоения целины* // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. №4 (64). С. 102-110.
8. Темникова, Е. Е. (2020). *Целина: провальный проект Н.С. Хрущева*. // Сборник научных трудов по материалам Третьей Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию профессора В.М. Важинского (1930-2010). Проблемы аграрной истории России. С. 134-137.
9. Темникова, Е. Е. (2020). *Целинная кампания Н.С. Хрущева: итоги изучения в современной историографии* // Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. IX Бартеневские чтения. С. 360-363.
10. Федоренко, О. И. (2014). *Село в условиях развития демократии 1953-1960 гг.* М.: Прометей. 78 с.
11. Хрущев, Н. С. (1999). *Время. Люди. Власть. Воспоминания в 4 книгах*. М.: Московские новости. 728 с.

References

1. Andreenkov, S. N. (2016). *Zernovyye sovkhozy na tselinnykh i zalezhnykh zemlyakh vostoka SSSR v seredine 1950-kh gg.* [Grain state farms on virgin and fallow lands in the east of the USSR in the mid-1950s.] in *Yezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy*, 1, 404–411. (in Russian).
2. Andreenkov, S. N. (2019). *Kolkhozno-sovkhoznaya sistema SSSR v 1946-1964gg. v sovremennoy otechestvennoy istoriografii* [Collective and state farm system of the USSR in 1946-1964. in modern domestic historiography] in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 58, 5–11. (in Russian).
3. Andreyenkov, S. N. (2022). «*Tselinnyy proyekt*» 1954 goda v Kazakhstane i Sibiri: *dinamika proizvodstva zerna* [«Virgin soil project» of 1954 in Kazakhstan and Siberia: dynamics of grain production] VII in *Krest'yanovedeniye*, 3, 89-105. (in Russian).
4. Brezhnev, L. I. (1979). *Tselina*. [Virgin Land]. Moscow, Politizdat. (in Russian).
5. *Istoriya Otechestva v dokumentakh 1917-1993gg.* (1995). [History of the Fatherland in documents from 1917-1993.] IV. Moscow, ILBI Press. (in Russian).
6. Spitsyn, Ye. YU. (2019). *Khrushchevskaya slyakot'* [Khrushchev's slush]. Moscow, Conceptual. (in Russian).
7. Temnikova, Ye. Ye., Tomilin, V.N. (2022). *Otechestvennaya i zarubezhnaya istoriografiya osvoyeniya tseliny* [Domestic and foreign historiography of virgin lands development] in *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki*, 34 (64), 102-110 (in Russian).
8. Temnikova, Ye. Ye. (2020). *Tselina: proval'nyy proyekt N.S. Khrushcheva* [Virgin Land: failed project N.S. Khrushchev] in *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Tret'yey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchenoy 90-letiyu professora V.M. Vazhinskogo (1930-2010)*, 134-137 (in Russian).
9. Temnikova, Ye. Ye. (2020). *Tselinnaya kompaniya N.S. Khrushcheva: itogi izucheniya v sovremennoy istoriografii* [Virgin Land Campaign N.S. Khrushchev: results of study in modern historiography] in *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchenoy 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne. IX Bartenevskiye chteniya*, 360-363 (in Russian).
10. Fedorenko, O. I. (2014). *Selo v usloviyakh razvitiya demokratii 1953-1960 gg.* [Village in the conditions of development of democracy 1953-1960]. Moscow, Prometey. (in Russian).
11. Khrushchev, N. S. (1999). *Vremya. Lyudi. Vlast'. Vospominaniya v 4 knigakh* [Time. People. Power. Memoirs in 4 books]. Moscow, Moskovskiye novosti publ. (in Russian).

А У НАС В КВАРТИРЕ ГАЗ...
(ГАЗИФИКАЦИЯ В ПИСЬМАХ ТРУДЯЩИХСЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ
ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ 1950-Х ГОДОВ)

А. Д. Попова,

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
ул. Свободы, д. 46, Рязань, 390000, Россия*

Аннотация.

Введение. В статье анализируется отражение процесса газификации в письмах граждан, направляемых в органы власти и периодические издания. Автором поставлена задача изучения различных аспектов газификации в период второй волны индустриализации 1950-60-х годов на материалах обращений граждан в органы власти. **Материалы и методы.** Были проанализированы письма, подаваемые должностным лицам, в государственные органы и периодические издания, как центральные, так и региональные. Использовались материалы ряда архивов – Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), Крымского государственного архива, Государственного архива Санкт-Петербурга, Государственного архива Рязанской области (ГАРО) Также были использованы письма, которые публиковались на страницах региональных газет: «Победа» (Феодосия), «Красное знамя» (Геленджик), «Керченский рабочий» (Керчь). «Коммунист» (Саратов), «Вечерний Ленинград» (Ленинград). Методом анализа, синтеза, сравнительного анализа были выделены основные коллизии проведения процесса газификации. **Результаты.** Автором выявлено, что процесс газификации проходил мозаично, на фоне весьма выдающихся успехов государства в осуществлении этой задачи, имело место много недочетов, порожденных спецификой советской плановой экономики. В частности, некоторые граждане не могли воспользоваться плодами газификации, так как дома сдавались с недоделками, и их устранению мешала бюрократическая волокита, сказывалась нехватка оборудования и комплектующих. **Заключение.** В статье делается вывод, что трудности осуществления модернизации были связаны со всеми недостатками решения других социальных и экономических вопросов. Также анализ писем показал, что решение этих вопросов отражает общий механизм взаимодействия общества и власти, проявляет единые для советского общества ментальные установки, в частности, большое доверие к авторитету высших должностных лиц в государстве и печатных изданиях.

Ключевые слова: письма к власти, газификация, повседневность, плановая экономика, периодика, урбанизация, общественное сознание.

Для цитирования: Попов А.Д. (2024). А у нас в квартире газ... (газификация в письмах трудящихся как отражение процесса урбанизации 1950-х годов) // История: факты и символы. № 3 (40). С. 18-30 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-18-30

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01217 «Советская повседневная жизнь в письмах граждан во власть 1950—70-х годов», <https://www.rscf.ru/project/24-28-01217/>

Статья поступила: 19.03.2024

Статья принята в печать: 27.05.2024

Статья опубликована: 20.09.2024

© Попова А., 2024

**WE'VE GOT GAS SUPPLY IN OUR FLATS...
(PEOPLE'S LETTERS ABOUT GASIFICATION AS A SIGH OF URBAN
DEVELOPMENT IN 1950S)**

Anna D. Popova,

St. Svobody, 46, Ryazan, 390000, Russian Federation

Yesenin Ryazan State University

Annotation

Introduction. The article examines the way people described the process of gasification in their letters to the authorities and periodicals. The author of the article aims at revealing various aspects of gasification that was carried out during the second wave of industrialization in 1950-60s, relying upon the appeals that people addressed to the authorities. **Materials and methods.** In particular, their letters to the governmental bodies and periodicals, both state and local, have been analysed. The data from a number of archives have been used, such as the State Archive of Krasnodar, the State Archive of Krimea, the State Archive of Saint-Petersburg and the State Archive of Ryazan. Moreover, the author has used letters that were published in such local newspapers as: *Pobeda* (Feodosia), *Krasnoye Znamya* (Gelenzhik), *Kerchensky Rabochy* (Kerch), *Communist* (Saratov), *Vecherny Leningrad* (Leningrad). With the help of analysis, synthesis and comparative analysis the main collisions have been determined. **Results.** The author has found out that the process of gasification was held in a mosaic way: even though the government managed it successfully, there were still a lot of faults with it, resulted from the peculiarities of Soviet planned economy. For example, some citizens couldn't get gas supply as their houses were poorly designed for it. The red tape prevented people from solving this problem, and there was a lack of necessary equipment. **Conclusion.** The article concludes that not only the modernization faced such challenges, they were typical of other social and economic issues as well. The analysis of letters has also shown that such problems help to understand how people and authorities used to interact, what moral values Soviet people shared, how much they trusted high rank authorities and printed media.

Keywords: letters to the authorities, gasification, everyday life, planned economy, periodicals, urban development, public conscience

For citation: Mikhailiuk T. (2024). Images of rural everyday life of the "virgin lands project" of Khrushchev (based on sources of mass culture and memoirs of contemporaries of the events) In *History: facts and symbols*, 3 (40), 18-30 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-18-30

Acknowledgments: The study has been realized with support of Russian Science Foundation grant no. 24-28-01217 "Soviet everyday life in letters from citizens to power in the 1950s-70s"

Received: 19.03.2024

Revised: 27.05.2024

Published: 20.09.2024

© Mikhailiuk T., 2024

1. Введение

Трансформация повседневной жизни может выступать значимым показателем серьезных социально-экономических процессов. Рубеж 1950-60-годов отмечился в отечественной истории не только попытками демократизации, но и новой волной индустриализации. Позитивной чертой этого процесса стало более внимательное отношение к повседневным потребностям. В первую волну индустриализации, то есть в 1930-е годы также отмечался рост городов за счет расширения числа работников промышленных предприятий, однако существенной проблемой становилось отставание от этого процесса коммунального хозяйства. С 1912 по 1931 год население Москвы выросло на 73 %, промышленность – на 200%, а трамвайная сеть – всего на 61 %, канализация – на 40 %, осветительная сеть — только на 34% [4, с. 21]. После войны взгляды на быт изменились. Знаковым моментом 1950-60-х годов стало усиление внимания к вопросам повседневности, быт перестал быть делом частным. Знаменитый XX съезд партии отмечился не только докладом о культе личности, но поворотом к бытовым вопросам. Было заявлено о необходимости обратить внимание на развитие службы быта, расширение сети общественного питания, выпуск техники, облегчающей домашний труд [5, с. 9]. Если в 1930-е годы работники вновь создаваемых промышленных предприятий часто становились обитателями бараков и общежитий с весьма скромными бытовыми условиями, то в указанный период началось массовое строительство жилья и социальных объектов – домов культуры, больниц и школ.

В этом контексте речь шла не просто о строительстве жилья как такового, а о строительстве благоустроенного жилья, в котором нет необходимости топить дровами и носить воду из колодца. Газ становился самым приемлемым источником решения этой проблемы. Однако учитывая масштабы строительства, нужно было много газа. В 1955- 1964 годы жилищный фонд городов Советского Союза увеличился на 80% [9, с. 15]. Важной составляющей этого процесса стала газификация, которую можно назвать своеобразной бытовой революцией. Однако этот вопрос повседневности был неотрывно связан с различными другими сторонами экономического развития, отражая общий механизм взаимодействия общества и власти. Представляется актуальным проследить этот процесс через призму восприятия самих граждан, которые обращались по этому поводу в различные органы власти.

2. Материалы и методы

Отдельные аспекты истории газификации уже освещались в научных публикациях. Историки изучали процесс газификации в отдельных городах и регионах [2, 8, 9]. Имеются и некоторые обобщающие статьи, которые подводят итоги данного процесса в 1960-е годы [3, 7, 10]. Однако данные публикации практически не затрагивают бытовой аспект решения данной проблемы, на фоне общих результатов не выделяют различные коллизии и проблемы, которые возникали в этом процессе, не показывают, насколько менялась повседневная жизнь советских людей в процессе осуществления газификации. При освещении данной проблемы автором статьи использовались кроме делопроизводственных документов обращения граждан, которые подавались в разные органы власти (исполкомы разных уровней, органы народного контроля), должным лицам и в органы периодической печати всех уровней – от местных региональных газет до центральных изданий.

Анализ данных источников позволяет не просто выявить фактический материал, который не получал отражения в деловой переписке должностных лиц, но показать видение проблемы изнутри с точки зрения потребителей, а также на примере решения данной государственной задачи выявить некоторые традиционные механизмы взаимодействия граждан и органов власти. Были использованы делопроизводственные документы и письма граждан из фондов Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), Крымского государственного архива, Государственного архива Санкт-Петербурга, Государственного

архива Рязанской области (ГАРО). В конце 1960-х годов многие местные издания ввели рубрику «Письма читателей», где публиковались письма граждан на злободневные темы. Поэтому были использованы письма граждан, обнаруженные на страницах ряда местных газет: «Победа» (Феодосия), «Красное знамя» (Геленджик), «Керченский рабочий» (Керчь). «Коммунист» (Саратов), «Вечерний Ленинград» (Ленинград). Личные впечатления от процесса изменения быта в 1960-х годах отразили мемуары двух жителей Ростова-на-Дону – Л. Фрейдлин¹ и В. Вареника².

3. Результаты

Процесс газификации жилья граждан можно сравнивать с бытовой революцией. 15 августа 1958 года было принято постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от «О дальнейшем развитии газовой промышленности и газоснабжения предприятий и городов СССР», согласно которому должно было осуществляться широкомасштабное строительство газопроводов и распределительных станций. До появления газа в квартирах неизбежными спутниками людей были дровяные печи, керосинки и керогазы. Следовательно, отдельной хозяйственной задачей был поиск и заготовка материала для печей, доставка их к месту жительства. Топили не только дровами, но и хворостом, а в степных районах кизяком. Причем приобретение топлива было порой нелегким делом. Уголь, как и дрова, бывают разного качества, что сказывается на уровне комфорта в доме. Качественный уголь порой приходилось доставать, как и прочий дефицит или покупать в нагрузку с некачественным. На это жаловались в газету жители, например, Феодосии. Местная газета «Победа» публиковала письма возмущенных граждан, которым предлагалось приобрести качественный уголь только в нагрузку с угольной пылью: на одну тонну хорошего угля полагалась одна тонна угольной пыли³. «Не нравится, не берите» - парировали работники торговли на недовольство покупателей.

Для использования керосинки и керогазов необходимо было приобретать и доставлять до дома керосин. Стоимость его не была высокой, но домой надо было тащить тяжелые емкости с резкопахнущей жидкостью. Опять же граждане неоднократно обращались с письмами в газеты и органы власти, чтобы места продажи керосина находились поближе к дому. Например, жители Геленджика, проживающие по улице Красной, жаловались в местную газету «Красное знамя», что им тяжело таскать бидоны с керосином и просили организовать подвоз этого продукта к дому, как это делается в ряде районов города⁴. Об этом же писали в свою районную газету жители пригорода Керчи: в самом городе этот необходимый продукт даже развозят по улице, а вот в пригороде «днем с огнем не найдешь»⁵.

Эксплуатация печей, керосинок и керогазов предполагала определенную ловкость и дополнительные трудозатраты. Как подсчитали советские исследователи, на обеспечение одной семьи дровами и топку печей в год уходило до 400 часов, то есть больше двух недель [7, с. 100]. Поэтому появление газа отразилось довольно яркими эмоциями в воспоминаниях двух современников, чьи детские годы пришлись на 1950-е годы. Житель Ростова-на-Дону В. Вареник так оценивает переезд в хрущевские квартиры: «Эти квартиры были и остаются микроскопическими и убогими. Но для миллионов людей, перебравшихся в них из бараков, коммуналок, землянок и подвалов, эти скромные «хрущобы» казались дворцами. Подумать только – отдельная ванная и настоящий унитаз! Своя, а не коммунальная кухня, да еще с

1 Фрейдлин, Л. (2010) *Царство, где никто не умирает*. Ростов-на-Дону: Булат. 110 с.

2 Вареник, В. (2010) *Ростов и Ростовцы-2*. Ростов-на-Дону: NB. 327 с.

3 Гирифельд, В. (1959) *Уголь с «нагрузкой»* // Победа. 8 июля.

4 Иванова, Н. (1958) *Далеко ходить за керосином* // Красное знамя. 1958. 2 октября.

5 Б.а., (1958) *«Керосиновая» проблема* // Керченский рабочий. 3 августа.

невиданной газовой горелкой»¹. Эпитет «невиданная» очень точно отображает случившийся переворот в повседневной жизни советской хозяйки, которой теперь не надо воевать с капризным и вонючим керогазом, разжигать дрова в печи, чтобы согреть обед. Еще более образное выражение встречается в мемуарах Людмилы Фрейдлин: «И, наконец, проведение газа, как освобождение от печного плена»².

Существенной предпосылкой для этой бытовой революции стало достижение советских геологов. В 1960-е годы в Западной Сибири было открыто около 20 месторождений газа [3, с. 106]. Источником поставки газа в СССР стали среднеазиатские республики. В 1964 году был построен газопровод Бухара – Урал, а в октябре 1967 года – магистральный газопровод Средняя Азия – Центр протяженностью более 3 тысяч км. В общей сложности в 1970 году добыча газа достигла почти 200 млрд м³ в год [1, с. 68]. За 1966-1975 гг. было газифицировано более 31,4 млн квартир, из них 19,2 млн в городах и 12,2 млн в сельской местности. Количество людей, которым удалось избавиться от печного рабства, увеличилось в разы: если на начало 1966 г. только 18,9% населения могло пользоваться этим достижением цивилизации, то к концу 1975 года их составило 60,6%, в том числе городского соответственно с 33% до 67,4%, а сельского – с 2,8 до 51,2% [8, с. 100].

Однако за этими весьма внушительными цифрами скрываются самые разнообразные житейские истории, которые отражают разные стороны социально-экономического процесса. Прежде всего, надо отметить, что процесс газификации имел свою специфику если мы говорим о проведении газа в старые дома или в только построенные, в частные строения в сельской местности или в многоквартирные дома. Поэтому в органы власти, а также в периодические издания поступали письма от граждан, в которых отражались различные коллизии процесса второй волны индустриализации.

Во многих письмах содержатся жалобы, что приходится очень долго ждать газификации своей квартиры. Понятно, что провести газ сразу во все жилые дома не представлялось возможным. Однако порой ожидание не просто затягивалось, а становилось невыносимым в силу разных причин. Очень обидно было ожидать своей очереди несколько лет, особенно когда ближайшие дома или кварталы получили газ. В такой ситуации оказались жильцы домов по улице Школьной в городе Крымске Краснодарского края. В марте 1970 г. один из жителей этой улицы С. был вынужден обратиться с письмом в газету «Известия». Сам факт обращения в центральное издание такого уровня свидетельствует, что ситуация была более чем наболевшей. И содержание письма излагает драматическую историю: жильцы этой улицы ведут переписку о газификации своих домов уже семь лет. В 1967 году начальником Краснодарнефтегаз было обещано, что в 1 квартале 1967 года будут выполнены все монтажные работы и во втором квартале все дома по этой улице будут газифицированы. Однако обещание было не выполнено. Более того, было дано объяснение, что данная улица не планируется газифицироваться в течение 5 лет. При этом желаемое счастье казалось очень близким: рядом с домами по улице Школьной находилось Краснодарское монтажное управление и Кавэлектромонтаж. Обе эти организации нуждались в газификации и планировали объединять свои средства на прокладку газопровода. Осталось только отвести газовую линию к жилым домам и обеспечить жителей улицы Школьной газом. Граждане были готовы на все, чтобы проблема была решена. «Мы жильцы указанных домов на общественных началах можем взять на себя все земляные работы и вообще оказывать посильную помощь», - говорилось в письме³. В январе 1969 года жителям этой улицы опять было сообщено, что согласно плану газификации города Крымска, улицу Школьная в течение 5 лет газифицировать не планируется.

¹ Вареник, В. (2010) *Ростов и Ростовцы-2*. Ростов-на-Дону. С. 254.

² Фрейдлин Л. (2010) *Царство, где никто не умирает*. Ростов-на-Дону, 2010. С. 39.

³ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 2021. Л. 154 об.

Обращение в газеты в марте 1970 года породило новый тур этой бюрократической переписки. Официальное письмо из Краснодарнефтегаз от 17 апреля 1970 года сообщало инициатору переписки, что большой объем работ по прокладке уличных сетей, ликвидации печного отопления и установки газовых нагревателей согласно решению крайисполкома, номер 86 от 11 февраля 1970 года, также отсутствия в тресте «Крымскрайгаз» рабочих чертежей на прокладку уличных сетей и фондов оборудования на материалы и оборудования лишает возможности начать работы по газификации улицы Школьной в 1970 году. Газификация этих домов планируется в 1971 году. К сожалению, данный пакет документов не показывает, было ли выполнено это обещание.

Не менее драматичная история отразилась в обращении в газету «Правда» одного жителя станицы Брюховецкая Краснодарского края. Он написал, что в 1969 года им представители колхоза заветы Ильича объявили, что кто хочет иметь сетевой газ должен внести 40 рублей. Автор внес эти деньги. Но пошел уже 4 год, а газа нет. И автор пишет, что хочет задать вопрос министру газовой промышленности, зачем надо было собирать деньги, если ничего не делается? Зачем обманывать население? Газета «Правда» помогла получить ответ на этот вопрос, только вряд ли он обрадовал автора письма. На требование главной газеты советских коммунистов Краснодарский крайисполком дал развернутый ответ. Согласно ему в колхозе Заветы Ильича Брюховецкого района собирали по 40 рублей на газификацию индивидуальных домов. В 1971 году была изготовлена проектная документация на 11 км газопровода и газификацию 250 квартир. На 1 января 1973 года построены 3 км сетей и газифицированы 45 квартир, в текущем году предусмотрено сооружение 0,5 км газопровода и газификация 45 квартир. В 1974-75 годах планируется построить 2,5 км, газопровода и газифицировать 150 квартир, в том числе и квартиру заявителя¹. Таким образом, внося деньги, человек был вынужден еще ждать оплачиваемого блага 6 лет. С точки зрения современных реалий ситуация на грани абсурда: потребители деньги за услугу заплатили, но ее не получают, а ждут. При этом срок этого ожидания нигде не оговорен и не закреплен. Нельзя исключить, что некоторые потребители просто этой услуги не дождутся: уедут или скончаются.

Письма граждан высвечивают и еще одну довольно анекдотичную ситуацию: граждане порой не могли получить газ по элементарной халатности строителей. Это касалось жителей новостроек. Увы, в погоне за усиленными темпами строительства стала формироваться печальная традиция, сдавать дома с недоделками. И если косо поклеенные обои или неровные полы могли быть подправлены сами новоселами, и особо на фоне радости от получения жилья даже не воспринимались как проблема, то некоторым гражданам приходилось ощущать особенности сельского быта в многоквартирных домах. В Краснодарском крае в городе Армавире жильцы 8-ми квартирного дома в 1960 г. были вынуждены жаловаться в крайисполком. Этим людям можно было назвать самыми настоящими счастливицами: совсем недавно они въехали в новые квартиры. Причем жильцы подчеркивают, что это было и в самом деле благоустроенное жилье. «Квартиры действительно хорошие: светлые, с большими окнами и газовыми приборами в санузлах и на кухне», - отмечали они в своем письме. Однако выяснилось, что эти газовые приборы не подключены к магистрали. Поначалу жильцов это не смущало: проблема, которая мешала пользоваться газом совсем незначительная – надо проложить всего 8 метров газопровода от уличного газопровода до дома. Однако прошло 4 месяца, а на красивые новенькие плиты можно только любоваться, а пользоваться жильцы вынуждены по-прежнему примусами и коптить ими свое жилье. Проблема заключалась в том, что в пролегающем рядом с домами газопроводе шел газ среднего давления, а в домах должен был поступать газ низкого

¹ ГАКК Ф. Р.- 687 Оп. 3 Д. 2181. Л. 259.

давления¹. Первоначально планировалось на доме установить регуляторный пункт для понижения давления газа, однако этот проект не был поддержан горгазом, который предложил дождаться строительства линии газопровода низкого давления. Однако это должно было осуществиться только в 1963 или даже в 1965 году. Остается только догадываться, почему при проектировании данного дома сразу строителями не была решена проблема, связанная с газопроводами разного давления. И этот эпизод нельзя назвать неприятным исключением: в справке, подготовленной горисполком г. Краснодара отмечались подобные факты, в 1960 г. в доме, сданным по улице Шаумяна, в большинстве квартир водопровод и газ не работали².

Об аналогичной ситуации свидетельствуют и письма, направленные жителями города Саратова в местную газету «Коммунист». Жители шести двухэтажных домов по Вольскому тракту тоже оказались в странной ситуации: им тоже пришлось новенькие газовые плиты воспринимать исключительно как украшение интерьера. При этом такими же бутафорскими оказались водопровод и канализация. И это при том, что от домов до газопровода было буквально 10 метров. Газета цитирует письма жителей завода технического стекла и дома № 18 в Южном поселке нефтеперерабатывающего завода. Люди жалуются, что уже два года живут в новых домах, но не могут пользоваться удобствами, в том числе и газовым оборудованием³. Делопроизводственная документация исполкомов разных уровней показывает мозаичную картину. Многие справки, отчеты, доклады говорят даже об опережении составленных планов. В 1965-66 году в Краснодарском крае в некоторых кварталах удавалось выполнить план по газификации на 156 или даже 315 процентов⁴. Однако эти результаты были весьма неоднозначными: в эти же годы в Армавире план не был выполнен и составил всего 89%, в Большом Сочи – 87,3%, возникали проблемы и в других городах.

Причины, которые замедляли решение проблемы газификации, были различные и также отражались как в делопроизводственной документации, так и в письмах граждан. Одной такой проблемой становился недостаточно высокий уровень решения организационных вопросов, в частности с составлением проектной документации при осуществлении газификации конкретного объекта, то есть дома или квартиры. Например, читатель газеты саратовских коммунистов, в своем обращении в газету отметил весьма неприятную практику: при газификации квартир граждане вынуждены заказывать проект, оплачивать его на каждую квартиру отдельно. «И получается, что в один и тот же дом проектанты ходят несколько раз» - констатирует автор письма. Он предлагает порядок, по которому проект должен заказываться пусть и за счет жильцов, но через домоуправление: «Имея проект на весь дом, монтажники и печники могли бы быстрее переложить печи и подвести к ним газ»⁵. О медленной подготовке проектной документации как о причине замедления темпов газификации писала и газета «Вечерний Ленинград». Она же фиксировала еще одну причину, тормозящую газификацию: соответствующие приборы оставались не подключенными к газовой сети⁶. Были и другие виды работ, которые осуществлялись очень медленно, чтобы обеспечить подключение газа, например, в старом жилищном фонде надо было переделать печи, чтобы они могли работать на газе. Именно это стало причиной срыва работ в Армавире в 1965 году⁷.

1 ГАКК Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 1669. Л. 621.

2 ГАКК Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 264. Л. 3.

3 Коммунист. 1958. 16 июля.

4 ГАКК Ф. 1362. Оп. 1. Д. 958. Л. 13.

5 Исаев, М. (1958). *Организованнее газифицировать квартиры* // Коммунист. 8 августа.

6 Вечерний Ленинград. 1963. 18 мая.

7 ГАКК Ф. 1362. Оп. 1. Д. 958. Л. 14.

Тормозила процесс газификации и элементарная нехватка оборудования, например, труб, счетчиков, газовых плит. Понятно, что в контексте решения этой большой задачи изготовление дешевых газовых плит становилось самостоятельной задачей для промышленности. Как не парадоксально, но плановая экономика редко развивалась сбалансированно, нехватка комплектующих, смежных товаров было обычным делом. Именно это становилось причиной срыва выполнения планов в Краснодарском крае. Так в Новороссийском крае в 1965 году не поставили ни одной газовой плиты, та же проблема была и в Майкопе. Также не хватало и другого оборудования: газовых баллонов, электродов. Для газификации Армавира нужно было 8 тысяч баллонов, а было выделено всего 2 тысячи, в Сочи вместо 3 тысяч всего 80¹.

Удовлетворение или неудовлетворение заявки на плиты и другое оборудование во многом зависело от пробивных способностей, связей местных руководителей. А в самом регионе начиналось соревнование между различными ведомствами. В Советском Союзе многие учреждения и ведомства вели строительство жилья для своих сотрудников. И скорость этого строительства зависела от финансовых и других ресурсов предприятий. В исполком направлялись письма с просьбами или требованиями выделить необходимые фонды. Вполне типичным может быть названо обращение Рязанского завода по переработке шлаков от 15 февраля 1954 года в Рязанский горисполком, в котором Рязанский завод просит выделить через Росснабсбыт необходимое оборудование и материалы для газификации 60 квартир в новых домах по Куйбышевскому шоссе². Понятно, что каждому хотелось получить от общего пирога как можно больше, и если одному региону или ведомству удавалось выбить себе какие-то дополнительные фонды, то другие испытывали нехватку. В тоже время и самим исполкомам нужны были ресурсы для жилья, которое строилось ими самими. И они тоже вовлекались в эту переписку. Например, в 1954 г. председатель горисполкома г. Рязани Н. Брусничкин обращался в Главгаз министерства коммунального хозяйства с просьбой выделить дополнительно 800 4-х конфорочных плит³. Ранее горисполкому были выделены 800 плит, но они все были розданы по предприятиям, которые газифицируют принадлежащие им ведомственные жилые дома, соответственно дома, которые были в ведении горисполкома остались без плит. В ответном письме Главгаза председателю горсовета Брусничкину Н.М. было сообщено, что будут поставлены не 800, а 400 штук 4-х конфорочных плит⁴. Понятно, что эти дополнительные 400 плит оставили без газификации каких-то других потенциальных потребителей.

Еще одним камнем преткновения, который возникал в процессе газификации, становился вопрос о самих плитах. Понятно, что хозяйке удобнее плита с несколькими конфорками. Наиболее желанна плита с 4-мя конфорками, что позволяет готовить сразу несколько блюд. Однако далеко не все могли позволить себе поставить именно такую плиту. Площадь маленьких кухонь в малогабаритных хрущевках разрешала поставить только плиту из двух конфорок. После печи многими и они воспринимались с большой радостью. Как писала Людмила Фрейдлин: «Мы получили отличного качества ленинградскую плиту с легкими «крыльями» по бокам. В тесной кухоньке они были очень кстати, на них можно было ставить кое-какую посудку»⁵. В тоже время логично, что многие граждане стремились поставить у себя именно 4-х конфорочную плиту, так как она удобнее. Например, любопытная деловая переписка отложилась в фонде Рязанского горисполкома за май 1954 года. Начальник СМУ 15 теста Коммунстроя Саженко обращался к заместителю

1 ГАКК Ф. 1362. Оп. 1. Д. 958. Л. 15.

2 Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 189. Л. 6.

3 Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 189. Л. 63.

4 Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 189. Л. 65.

5 Фрейдлин Л. (2010) *Царство, где никто не умирает*. Ростов-на-Дону, 2010. С. 39.

председателю Горисполкома тов. Емельяновой со служебной запиской, в которой докладывал, что ему приходится разбираться с заявлениями от жильцов дома № 65 по ул. Свободы. Они жаловались, что СМУ 15 не учитывает запросов проживающих и ставит только 2-х конфорочные плиты при газификации квартир. Главным аргументом отказа ставить более удобные плиты была малая кубатура кухонь. Однако, по мнению автора документа, в одной квартире все же следует поставить именно 4-х конфорочные плиты: там кухня больше, а хозяек всего две¹. Счастливые хозяйки не были рядовыми советскими работницами: одна из них являлась директором школы, другая – заслуженной артисткой. Понятно, что люди с таким статусом могли получить более просторные квартиры, что влекло и более комфортные условия в них.

Интересным вопросом является и финансовая доступность этого новшества для людей. Понятно, что граждане, которые получали в пользование от государства квартиру в новом доме, были лишены обязанности оплачивать это новшество. А вот для людей, которые жили в старых домах, газификация обозначала и финансовые траты. Приходилось оплачивать составление проекта и приобретать плиту. Пока еще не удалось установить стоимость составления проекта, а вот информация о стоимости плиты имеется. Газовые плиты выпускали в ряде городов: в Ленинграде, в Москве и в Саратове. И по поводу продукции, выпускаемой в последнем городе, местная газета опубликовала письмо саратовца В. Горюнова. Читатель подписал как «экономист В. Горюнов», возможно, он являлся работником завода, который выпускал эту необходимую продукцию, настолько профессионально были изложены соображения по этому вопросу. Автор констатирует, что себестоимость саратовской газовой плиты составляет 291 рубль 24 копеек. Следует оговорить, что публикация имела место быть в 1958 году и, следовательно, цены приводятся дореформенные. Зарплата тогда колебалась в среднем от 400 до 900 рублей в месяц, то есть стоимость плиты могла составлять почти месячную зарплату, а если говорить о продукции саратовских производителей, то ее стоимость была еще выше. Автор публикации утверждает, что себестоимость саратовской плиты была выше плановой на 95 рублей 56 копеек. И соответственно она на 100 рублей дороже московской. Причинами являются недостатки организации технологического процесса, влекущие перерасход материалов. В качестве вывода звучит фраза экономиста, под которой подпишутся все хозяйки любого исторического периода: «Этот прибор может и должен быть дешевым»².

Своя специфика обслуживания населения возникала в тех регионах, в которых не был проведен газопровод, и население пользовалось привозным газом в баллонах. Подобная ситуация очень характерна для южных регионов страны. Владельцу плиты приходится регулярно возить баллоны на газозаправочную станцию, чтобы наполнить их газом. Дело хлопотное, требующее затраты сил и средств, а в некоторых случаях еще и нервов. Например, жители Сочи жаловались в газету, что если ранее ожидать заправки баллонов приходилось всего одни сутки, то с увеличением пользователей газового оборудования сроки ожидания стали растягиваться на неделю, приходится неоднократно напоминать о себе работникам горгаза, чтобы заявка была выполнена³. Также в затруднительном положении оказались жители пригорода Сочи – Хоста, где не была установлена газораздаточная станция, а транспорта, чтобы возить газ из Сочи нет⁴. В еще более неприятной ситуации оказался житель Геленджика: он купил в Новороссийске газовую плиту и обратился в комбинат коммунальных предприятий для заправки баллонов, где с

1 Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 189. Л. 74.

2 Горюнов, В. (1958) *Газовая плита должна быть дешевой (письмо в редакцию)* // Коммунист. 8 апреля.

3 Гусаров, Н. (1958) *Только после нескольких напоминаний* // Красное знамя. 11 октября.

4 Ачох, И. (1958) *Упорядочить газоснабжение Хосты* // Красное знамя. 20 сентября.

него взяли 20 рублей. Однако баллоны не были заправлены, и только через некоторое время этот житель Геленджика узнал, что данный комбинат не занимается этим вопросом из-за отсутствия транспорта. Автору письма осталось только недоумевать и возмущаться сразу по двум вопросам: отсутствия этой услуги и в тоже время получения денег за нее. «Горкомхозу надо наладить снабжение населения города газом. Это требует постановление крайкома партии, где говорится о газификации станиц и городов нашего края», - настаивает и вполне закономерно делает это читатель газеты¹. А жительнице города Бахчисарай пришлось по поводу заправки баллонов обращаться даже в комитет народного контроля: она ждала выполнения своей заявки два месяца. На протяжении всего этого срока она регулярно обращалась в газовую службу, где ей давали уклончивые ответы, пытались обвинить в неуплате услуг и требовать новую оплату, и только после вмешательства органов народного контроля, наконец, разобрались, что непосредственный исполнитель просто напросто потерял заправленные баллоны заказчицы. Новые баллоны были поставлены уже за счет газовой службы².

Однако возникали и другие трудности при проведении газификации, некоторые из которых вообще не имели перспективы решения. Так письма граждан свидетельствуют, что некоторые жители даже крупных городов не могли получить это достижение технического прогресса, так как проживали в не приспособленном помещении.

Так ленинградцы, проживающие на Морском проспекте были вынуждены обращаться в 1959 году с жалобой в Ленжилотдел. Они требовали решить их проблему, которая заключалась в отсутствие нормальных кухонь и газа, в результате чего они «вынуждены готовить пищу в углу, отгороженном за счет комнат фанерной перегородкой, там же находится санузел». Их письмо не осталось без внимания, однако проблема не была решена. Заместитель председателя исполкома Ждановского райсовета депутатов трудящихся Громова ответила, что в данных помещениях невозможно организовать кухню, а ставить плиты в коридорах не разрешает Инспекция госпожнадзора. Самым печальным в этом ответе является дополнение, что переселить жильцов в нормальные квартиры не представляется возможным, они так и были обречены на войну с примусами³.

Проведение газа, установка плит становились одним из факторов проверки и человеческих качеств. Особенно это касалось жильцов старого фонда, коммунальных квартир, в которых удобства оказывались в руках сразу нескольких пользователей. Конечно, в коммунальных квартирах отношения никогда не были идеальными, не случайно известный юморист М. Зощенко написал рассказ «Нервные люди», где драка в коммунальной кухне возникает из-за пользования примусами. Замена примусов на газовые плиты не сделало людей сразу всех идеальными соседями, а наоборот рождало новые поводы ругаться, ссориться и даже писать жалобы друг на друга. Адресатами становились общественные организации, парткомы, товарищеские суды и даже органы народного контроля. Одно такое письмо осело в фонде комиссии партгосконтроля при райкоме КПСС г. Бахчисарая. Инженер научно-исследовательского института ВНИИТМ г. Волгограда Д. в 1968 году была вынуждена таким способом решать проблему своей матери, которая проживала в старом фонде и делила свою квартиру с семьей М. У двух семей в общем пользовании коридор и веранда. По заявлению жильцов в этом общем коридоре поставили газовую плиту. Однако пользуются ей только соседи заявительницы, а ее саму не допускают. Попытки обратиться в домоуправления положительного результата не дали. По словам автора письма, в домоуправлении ссылались, что договор заключен только с одной из

¹ Селиверстов, А. (1958) *Где приобрести газ?* // Красное знамя. 25 мая.

² КГА. Ф. Р-4321 Оп. 2 Д. 66. Л. 103.

³ Государственный архив Санкт-Петербурга (ГАСПб). Ф. 1008. Оп. 2. Д. 535. Л. 44.

соседок и, следовательно, только она может пользоваться газовой плитой. Очень интересно замечание заявительницы: «Как же в Волгограде общие газовые плиты в сотнях домов на три и четыре семьи? И не только в Волгограде»¹. Оно показывает, что ситуация, когда одна плита оказывалась в пользовании нескольких семей, была достаточно типичной. Конечно, не в каждом случае она становилась яблоком раздора, но становилась одним из аспектов коммунального быта. В данном случае история закончилась благополучно: в деле имеется объяснительная управдома, который пишет, что разъяснил обеим хозяйкам, что, так как установить две плиты не представляется возможным, то они обе могут пользоваться плитой. Дополняет эту радостную картину и новое письмо самой заявительницы, которая благодарит комиссию партгоскотроля за помощь в решении этого бытового вопроса – теперь ее мама смогла пользоваться газом наравне с соседкой.

4. Заключение

Обобщая информацию, которая содержится в письмах граждан, написанных по поводу газификации, можно сделать вывод, что они были порождены самыми различными поводами. И фактический материал, который содержится в этих документах, показывает, что данный процесс был неоднозначным и мозаичным. Нельзя отрицать достижения Советской власти в этом вопросе. В 1950-60-е годы быт людей изменился очень серьезно и в лучшую сторону, в том числе многие граждане смогли воспользоваться такими достижениями цивилизации как водопровод, газ, канализация. Однако анализ писем показывает не только сам факт того, что процесс шел не всегда гладко, и гражданам приходилось обращаться как к высшим должностным лицам, так и в центральные издания, имеющие большой авторитет в государстве – газеты «Правда», «Известия». Содержание подобных обращений отражает общий процесс функционирования плановой экономики. Процессу газификации мешали довольно типичные явления – как несбалансированность работы различных ведомств и предприятий, что выливалось в нехватку комплектующих, несвоевременной поставке труб, оборудования. Достаточно распространенным для механизмов управления советским государством было самое настоящее соревнование между руководителями регионов или отдельных ведомств за фондами, ресурсами, попытками выбить дополнительные объемы требуемого за счет других возможных пользователей.

Проблема осуществления газификации отобразила весьма яркую черту советского социального пространства – его неоднородность. Одни и те же блага могли оказываться в различной доступности жителей разных населенных пунктов, тем, кто жил в крупных городах везло больше, чем тем, кто жил в небольших городах, но положение последних могло быть более выигрышным по сравнению с положением сельчан. Это прослеживалось во многих вопросах: снабжение промышленными и продовольственными товарами, доступностью благ цивилизации, развитием сферы услуг. Даже в районе одной области или края могли проявляться существенные отличия [6, с. 18].

Обращения во власть по поводу возникающих коллизий в процессе газификации отражают и достаточно типичные механизмы взаимодействия граждан с властными структурами. Основным звеном, решающим проблемы граждан являлся исполком районного совета. Однако он далеко не всегда срабатывал эффективно и поэтому граждане были вынуждены обращаться выше: в областные исполкомы и даже к первым лицам государства, также в центральные и местные издания. Сохранившиеся письма показывают, что подобная переписка могла занимать не только много месяцев, но и несколько лет и не всегда заканчивалась положительным решением для граждан.

«Газовый вопрос» высвечивал роль периодической печати как довольно значимого инструмента управления и решения различных вопросов. Печатное слово имело большое

¹ Крымский государственный архив (КГА). Ф. Р-4321 Оп. 2 Д. 55. Л. 34.

значение, как для органов власти, так и для самих граждан. Тенденция к демократизации в конце 1950-х расширила активность органов печати в работе с обращениями граждан. Поэтому для людей написать письмо в газету становится довольно распространенным способом решения того или иного вопроса. Далеко не всегда он оказывался результативным, но вера в всемогущество печатного органа сформировалась на многие годы. Таким образом, анализ писем граждан 1950-60-х годов не просто дополняют сведениями о процессе газификации и второй волне индустриализации в нашей стране, но и отражает типичные явления в экономической и управленческой сфере советского государства.

Список источников и литературы

1. Б.а. (2009) *Газовое время* // Родина. № 10. С. 68.
2. Быков, В. Ю. (2016). *Газовое хозяйство Москвы 1920-30-х годов* // Научный журнал Российского газового общества. № 4. С. 65-68.
3. Гончаров, С. А. (2016). *Газовая промышленность в 1960-х гг.: уроки истории* // Газовая промышленность. № 11. С. 106-111.
4. Горлов, В. Н., Артёмов, С. Н. (2023). *Становление социального плана заказа генерального плана реконструкции Москвы 1935 г.* // История: факты и символы. № 1. С. 20-31.
5. Горлов, В. Н. (2021). *Повышения уровня жизни советских людей как один из наиболее существенных результатов развития советского общества в 1950-е-1960-е годы* // История: факты и символы. № 2. С. 9-18.
6. Демчик, Е. В., Гряникова, Г. А. (2022). *Бытовое обслуживание в городах и селах Алтайского края (1960-1980-е гг.): неравенство возможностей* // История: факты и символы. № 1. С. 15-22.
7. Заровный, П. Б. (2021). *Газоснабжение РСФСР* // Газовая промышленность. № S4. С. 90-92.
8. Захаров, А. В. (2016). *Из истории газификации Нижнего Поволжья* // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. № 3. С. 100-106.
9. Мустафин, И. Р., Колпащикова, А. И. (2015). *Организация газоснабжения городов Горьковской области в 1950-60-х годах* // Вестник Нижегородского института управления. № 2. С. 15-17
10. Славкина, М. В. (2009). *Газовая революция* // Родина. № 10. С.45-47.

References

1. B.a., (2009). *Gazovoe vremya* [Gas time] in *Rodina*. 10, 68. (in Russian).
2. By`kov, V. Yu. (2016). *Gazovoe hozyajstvo Moskvy` 1920-30-x godov* [Gas industry in Moscow in the 1920s-1930s] in *Nauchny`j zhurnal Rossijskogo gazovgo obshhestva*. 4, 65-68. (in Russian).
3. Goncharov, S. A. (2016). *Gazovaya promy`shlennost` v 1960-x gg.: uroki istorii* [Gas industry in the 1960s: lessons from history Gas industry in the 1960s: lessons from history] in *Gazovaya promy`shlennost`*. 11, 106-111. (in Russian).
4. Gorlov, V. N., Artyomov S. N. (2023). *Stanovlenie social`nogo plana zakaza general`nogo plana rekonstrukcii Moskvy` 1935 g.* [The formation of the social plan for the order of the master plan for the reconstruction of Moscow in 1935.] in *Istoriya: fakty` i simvol`y`*. 1, 20-31. (in Russian).
5. Gorlov, V. N. (2021). *Povy`sheniya urovnya zhizni sovetskix lyudej kak odin iz naibolee sushhestvenny`x rezul`tatov razvitiya sovetskogo obshhestva v 1950-e-1960-e gody`* [Increasing

the standard of living of Soviet people as one of the most significant results of the development of Soviet society in the 1950s-1960s] in *Istoriya: fakty` i simvoly`*. 2, 9-18. (in Russian).

6. Demchik, E. V., Gryanikova, G. A. (2022). *By`tovoe obsluzhivanie v gorodax i selax Altajskogo kraja (1960-1980-e gg): neravenstvo vozmozhnostej* [Consumer services in cities and villages of the Altai Territory (1960-1980s): inequality of opportunities] in *Istoriya: fakty` i simvoly`*. 1, 15-22. (in Russian).

7. Zarovny`j, P. B. (2021). *Gazosnabzhenie RSFSR* [Gas supply of the RSFSR] in *Gazovaya promy`shlennost`*. S4, 90-92. (in Russian).

8. Zaxarov, A. V. (2016). *Iz istorii gazifikacii Nizhnego Povolzh`ya* [From the history of gasification of the Lower Volga region] in *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social`no-e`konomicheskogo universiteta*. 3, 100-106. (in Russian).

9. Mustafin, I. R., Kolpashhikova, A. I. (2015). *Organizaciya gazosnabzheniya gorodov Gor`kovskoj oblasti v 1950-60-x godax* [Organization of gas supply to the cities of the Gorky region in the 1950-60s] in *Vestnik Nizhegorodskogo instituta upravleniya*. 2, 15-17. (in Russian).

10. Slavkina, M. V. (2009). *Gazovaya revolyuciya* [Gas revolution] in *Rodina*. 10, 45-47 (in Russian).

**«МАЛЕНЬКИЕ ДОМИКИ» МАРИ ГИМАР (1772) И АННЫ ДЕРВЬЕ (1789):
МОДА, СТИЛЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА
В НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ФРАНЦИИ**

Б. Л. Шапиро,

*Российский государственный гуманитарный университет
Миусская площадь, д. 6, Москва, 125047, Россия*

Аннотация.

Введение. В статье рассматривается эволюция художественной культуры Франции эпохи неоклассицизма, которая развивалась под влиянием всеобщего внимания к истории Античности («Греческое Возрождение» и «Римское Возрождение») и Древней Этрурии (Этрусское Возрождение). Очарование загадочной этрусской культуры было настолько сильным, что получило название этрускомании – т.е. повального, всеобщего увлечения. Вопрос рассматривается на примере декоративного оформления так называемых «маленьких домиков» («petite maison») – небольших аристократических особняков, особенно популярных во Франции трех последних четвертей XVIII столетия. Для более подробного изучения избраны два объекта – «маленькие домики» IX округа Парижа, принадлежавшие двум танцовщицам Парижской Оперы. Акцент в исследовании делается на моде в области художественной культуры; так показывается, как неоклассический стиль оформления интерьера обогащается этрусским декоративным стилем. **Материалы и методы.** Основными исследовательскими материалами выступили письменные и изобразительные источники. Вещественные источники привлекались весьма ограниченно, поскольку многие из «маленьких домиков» 1770–1780-х гг., расположенные в IX округе Парижа, были безвозвратно утрачены в ходе так называемой османовской реконструкции времен Второй империи. Таким образом, в научный оборот вводятся неизвестные и малоизвестные в данном контексте источники. Методология исследования соответствует постановке проблемы. В основу методологии положен междисциплинарный синтез: задействуются историко-системный подход, диахронический и сравнительный анализ, биографический, иконографический и формально-стилистические методы. **Результаты.** Показывается, что в области декоративного оформления интерьера этрускомания развивалась во взаимосвязи с развитием этрускологии. Наибольшую популярность этрусский декоративный стиль получил во время перехода от донаучной к научной этрускологии. В то же время необходимо отметить, что на практике декоративный этрусский стиль представлял собой всего лишь стилевое направление неоклассицизма, не имеющее четких границ и не связанное с подлинным искусством Этрурии. **Заключение.** Автор приходит к выводу, о том, что в контексте оформления парижских «маленьких домиков» пиковыми с точки зрения интереса к этрусской тематике стали годы накануне Великой французской революции, изменившей и историю Франции, и историю ее художественной культуры.

Ключевые слова: Этрусское Возрождение, Античность, неоклассицизм, материальная культура, история интерьера, история архитектуры, мода, стиль, декоративно-прикладное искусство, Франция, Парижская Опера

Для цитирования: Шапиро Б. Л. (2024). «Маленькие домики» Мари Гимар (1772) и Анны Дервье (1789): мода, стиль и художественная культура в неоклассической Франции // История: факты и символы. № 3 (40). С. 31-42 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-31-43

Статья поступила: 20.02.2024

Статья принята в печать: 20.05.2024

Статья опубликована: 20.09.2024

© Шапиро Б., 2024

THE «PETITE MAISON» OF MARIE GUIMARD (1772) AND ANNE DERVIEUX (1789): FASHION, STYLE AND ARTISTIC CULTURE IN NEOCLASSICAL FRANCE

Bella L. Shapiro,

*Russian State University for the Humanities,
Miusskaya sq. 6, Moscow, 125047, Russia*

Abstract.

Introduction. The research examines the evolution of French artistic culture in the Neoclassical age, which developed under the influence of a universal attention to the history of Antiquity (the “Greek Renaissance” and the “Roman Renaissance”) and Ancient Etruria (the “Etruscan Renaissance”). The fascination of the mysterious Etruscan culture was so strong that called Etruscomania – i.e. a widespread, universal fascination. The question is considered by the example of decorative design of so-called “little houses” (“petite maison”) – small aristocratic manor houses, especially popular in France in the last three quarters of the XVIII century. Two objects chosen for closer examination, the “little houses” of the IX arrondissement of Paris, which belonged to two Paris Opera dancers. The emphasis of the research is on the fashion in the artistic culture; thus showing how the Neoclassical interior design style enriched by the Etruscan decorative style. **Materials and methods.** The main research materials were written sources and pictorial sources. There was very limited involvement of material sources, as many of the 1770s–1780s “little houses” from the IX arrondissement of Paris were irretrievably lost during the so-called Haussmann reconstruction during the Second Empire. Thus, unknown and little-known sources in this context introduced into the scientific turnover. The methodology of the research is in line with the problem statement. The methodology based on interdisciplinary synthesis: historical-systemic approach, diachronic and comparative analysis, biographical, iconographic and formal-stylistic methods. **Results.** We show that in the field of interior decoration Etruscomania developed in correlation with the development of Etruscology. The Etruscan decorative style gained its greatest popularity during the transition from pre-scientific to scientific Etruscology. At the same time, it should be note that in practice, the decorative Etruscan style was just a stylistic trend of neoclassicism, with no clear boundaries and no connection with the true art of Etruria. **Conclusion.** The author concludes that in the context of the design of Parisian “little houses” peak in terms of interest in Etruscan themes were the years before the Great French Revolution, which changed the history of France and the history of its artistic culture.

Keywords: Etruscan Revival, Antiquity, neoclassicism, material culture, interior history, architectural history, fashion, style, applied arts, France, Opera de Paris.

For citation: Shapiro B. (2024). The «Petite Maison» of Marie Guimard (1772) and Anne Dervieux (1789): Fashion, Style and Artistic Culture in Neoclassical France In *History: facts and symbols*, 3 (40), 18-30 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-31-43

Received: 20.02.2024

Revised: 20.05.2024

Published: 20.09.2024

© Shapiro B., 2024

1. Введение

Экономическое истощение Франции в ходе Семилетней войны приблизило угасание вычурного рококо и активизацию новой моды в античном стиле. В год окончания войны (1763) обладатель тонкого художественного вкуса, немецкий критик и публицист Ф. М. Гримм, будучи в Париже, провозгласил торжество так называемого «греческого вкуса» («le goût grec») – предвестника скорого пришествия неоклассицизма [8, с. 103; 30, с. 10–11]. Следующий виток развития вопроса пришелся на начало 1770-х гг. Это время раннего неоклассицизма, когда он еще был явлением новым и даже, можно сказать, авангардным. Теперь в моде относительная простота предметов с минимумом декора. В моду входят строгие благородные образцы античного искусства, более сдержанные и спокойные формы, менее яркие цвета. Самые популярные орнаменты этого времени – античные, но не повторенные буквально, а более нежные и изящные: французский неоклассицизм унаследовал от французского рококо его утонченность и грацию [8, с. 103].

Дальнейшая эволюция стиля может быть подробно рассмотрена на примере особой культуры «маленьких домов», или отелей (так во Франции XVIII в. называли небольшие аристократические особняки [17, с. II]). «Нет другого места в Париже и в целой Европе, которое было бы столь галантным и столь замысловатым», – уверял Ж.-Ф. Бастид, автор новеллы «Маленький домик», опубликованной в год окончания Семилетней войны¹. Такие особняки, как правило, обставлялись «по высшему разряду и [были] наполнены всем, что может быть использовано для комфорта и удовольствия» [17, с. V]. Это делает их особенно привлекательными для изучения художественной и материальной культуры ушедшей эпохи.

Для более подробного рассмотрения избраны два объекта – «маленькие домики» IX округа Парижа, принадлежавшие двум танцовщицам Парижской Оперы. Отель первой из них, Мари-Мадлен Гимар (1743–1816), построенный в самом конце 1772 г., еще при жизни Людовика XV, в полной мере выразил черты раннего французского неоклассицизма (который также называют стилем Людовика XVI). Спустя несколько лет «чистый» неоклассицизм «разбавляется» этрусским стилем, иллюстрируя активизацию моды на изучение культуры и искусства Древней Этрурии. Именно к этому времени принадлежит «домик» другой танцовщицы – Анны-Виктуар Дервье (1752–1826). Завершенный в год начала Французской революции (1789) он, в свою очередь, также является ярким представителем культуры и искусства своего времени.

Мари Гимар известна отечественным историкам не только своим знаменитым отелем, но и длительной (более 30 лет) и плодотворной танцевальной карьерой, а также, возможно, своей непродолжительной любовной связью с русским послом в Испании в 1763–1766 гг. графом Петром Александровичем Бутурлиным во время его пребывания в Париже [35, 22, с. 28]). Анна Дервье – соперница Гимар и на сцене, и в любви – практически неизвестна; и она сама, и ее «маленький домик» ранее не попадали в поле зрения отечественных исследователей неоклассической художественной культуры и искусства.

2. Материалы и методы

Источником изучения выступила художественная культура и искусство Франции в последние годы Старого Режима. Основными исследовательскими материалами стали источники четырех групп: письменные, изобразительные, устные, вещественные. Материалы

¹ Бастид Ж.-Ф. Маленький домик // Иностранная литература. 2012. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2012/7/malenkij-domik.html> (дата обращения 20.07.2024)

первой группы, задействованные в исследовании – это исторический нарратив, мемуарная литература и публицистика. Особый интерес вызвали два литературных произведения, вышедшие в разное время, в разных жанрах, но под одинаковыми заголовками. Это комедия «Маленький домик» (1749), опубликованная в Париже без указания авторства [17, с. VI], и одноименная новелла (1763) Ж.-Ф. де Бастида. Также привлекались изобразительные источники: живопись, графика (оригинальная и печатная) из музеев Франции¹. Устные источники представлены историческим анекдотом. Вещественные источники представлены весьма ограниченно, поскольку многие из «маленьких домиков» 1770–1780-х гг., расположенные в IX округа Парижа, были безвозвратно утрачены в ходе, так называемой османовской (проходившей под руководством префекта департамента Сена Ж.-Э. Османа) реконструкции времен Второй империи, во многом определивший современный облик Парижа. Тем более ценно исследование, препятствующее забвению утраченного пласта художественной культуры.

Методология исследования определена содержанием темы, постановкой проблемы и спецификой нерешенных задач. В основу методологии положен междисциплинарный синтез: историко-системный подход (инструмент исторической науки) используется для раскрытия вопроса как совокупности взаимосвязанных событий, диахронический анализ (инструмент культурологии) для последовательного раскрытия эволюции вопроса; биографический метод (общенаучный инструмент) – как способ изучения концептуальных закономерностей в истории культуры и искусства на основе знания об общем и особенном в индивидуальных судьбах творцов, заказчиков, реципиентов. Иконографический метод (искусствоведческий инструмент) позволил изучить тематические особенности и выявить художественно-образные черты в декоративном оформлении «маленьких домиков», формально-стилистический метод (также искусствоведческий инструмент) позволил выявить и изучить их стилистические особенности, показав, как они способствуют визуализации заложенной в «домиках» идеи. Сравнительный анализ (общенаучный инструмент) способствовал последовательному и обоснованному сопоставлению «домиков» первых и последних лет неоклассицизма.

3. Результаты

Мари-Мадлен Гимар: биография.

Мари-Мадлен Гимар (1743–1816) – первая танцовщица Парижской Оперы, которая отдала сцене более 30 лет (1758–1789). Она была идеалом танцовщицы для целого поколения – не случайно современники называли ее «грация XVIII века» [22, с. 1; 23, с. 36].

Гимар начала сценическую карьеру в пятнадцатилетнем возрасте, дебютировав в кордебалете театра «Комеди Франсез» [22, с. 10]. Она не отличалась красотой, но была неизменно игрива и кокетлива; ее улыбку многие находили очаровательной, а танец – легким и непринужденным. Эти достоинства были высоко оценены: уже тогда танцовщицу называли первенствующей в «грациозном жанре» [22, с. 21]. Вскоре она была приглашена в Парижскую Оперу (1761) в новом качестве «*seule en double et figurant*», т.е. исполняющий отдельные небольшие танцы – сегодня мы назвали бы такой статус корифейским, но в те годы терминология балетной иерархии выглядела иначе. Первой (и удачной!) ролью Гимар в дебютном сезоне в Опере была муза танца Терпсихора в фривольном балете «Греческие и романские праздники» (1762) на музыку К. де Бламона. Современники – в их числе был и известный критик Ф.М. фон Гримм – отмечали большой успех молодой танцовщицы [22, с. 22]. В следующем сезоне она уже значилась в финансовой отчетности театра как солистка (1763), затем – как первая танцовщица («*première danseuse*», 1766) [22, с. 23]. Полная женского лукавства, напоминающая ожившую фарфоровую статуэтку, она была очень хороша в

¹ Музей Лувра, инв. № RF 50244; Библиотека Национального института истории искусств INHA, инв. №№ NUM OA 645, 769; музей Карнавале, инв. №№ D.6173, G.22332 и др.

ролях пейзажей и пастушек, и, ожидаемо, стала идеальной исполнительницей для новаторских балетов Ж.-Ж. Новерра [2, с. 62–63; 31, с. 93–96].

С каждым спектаклем Гимар приобретала все больший успех, о чем регулярно сообщал парижский журнал «Меркюр де Франс». Оценивая ее прочное положение в Опере, стоит учесть, что ко второй половине 1760-х гг. Гимар получила известность не только как прекрасная танцовщица, но также как куртизанка, имеющая самых влиятельных и могущественных покровителей, таких как принц де Субиз, и сын банкира, финансист и композитор-любитель (а заодно и фаворит короля) Ж. Б. Делаборд.

Гимар жила в роскоши, равной которой не было, считали современники. «Словно бесконечная гирлянда цветов (тюльпаны, георгины, лилии), едет в раззолоченных открытых каретах через Булонский лес толпа людей, считающих себя солью земли, цветом жизни!», – пишет известный историк Французской революции Т. Карлейль [1, с. 40]. Была в этой гирлянде и золоченая карета Гимар [22, с. 47; 27, с. 285]. Весь Париж обсуждает не только спектакли с участием Гимар, но и ее экипажи, дорогих лошадей, обстановку ее загородного дома, ее туалеты и украшения: танцовщица Гимар задавала тон на сцене, куртизанка Гимар – в светской жизни [2, с. 59–61]. Спустя год-два после получения статуса первой танцовщицы она близка к тому, чтобы стать первой не только в мире парижского балета, но и в мире парижского стиля [23, с. 36]. О посещении ее загородного дома говорят с таким же восторженным придыханием, как о посещении самого Версаля.

«Маленькие ужины». Ужины у Гимар.

Ужины у Гимар обсуждаются – иначе и быть не может, ведь на них собирается весь цвет Парижа, бомонд: по понедельникам – приятели принца Субиз, вельможи в сопровождении юных красавиц в бриллиантах (крупных бриллиантах, подчеркивают очевидцы); по средам – философы-интеллектуалы, литераторы (как заметил историк-«анналист» Роже Шартье, «салоны открыли писателям двери в мир власть имущих» [10, с. 170]), а по пятницам – коллеги Гимар по театральным подмосткам. Ни один из парижских салонов не выдерживал сравнения; по популярности ужины у Гимар опережали знаменитые ужины у мадам Жоффрен [22, с. 36–37]: та собирала гостей лишь дважды в неделю, в понедельник – людей искусства, в среду – литераторов [11, с. 59–60].

Ужинам у Гимар не было равных и в роскоши сервировки стола – фарфоровой, хрустальной серебряной; его цветочного убранства, и, конечно же, в разнообразии кушаний, включая самые экзотические продукты – как привезенные издалека, так и те, что поспели в личной оранжерее [27, с. 285]. Лучше всего о великолепии подобных «маленьких» ужинов (ужины в «маленьких домиках» также назывались маленькими [17, с. V]) сообщит безымянный современник Гимар, однажды приглашенный к графу де Куберу: «Какое очаровательное зрелище!.. Салон, открытый со всех сторон, выходил в оранжерею; он был освещен бесконечным количеством огней, а зеркала и хрусталь умножали его. Богатство буфета невозможно описать; я бы только ослабил идею, пытаясь свести ее к своей собственной. Здесь сияли тысячи драгоценных ваз, выточенных рукой Мирона. Глина Самоса и терракота Сицилии своей хрупкостью соперничали в цене с золотом и серебром. Что касается стола, то взгляд разбежался от разнообразия и изобилия блюд. Дары Помоны! а Флора украсила все своими цветами.

Но как описать вам то удовольствие, которое добавляли к зрелищу двадцать красавиц, сидевших за этим столом? <...> большое количество гостей не мешало нам наслаждаться свежестью садов, которые окружали нас со всех сторон. Восхитительный воздух доносил до нас аромат миртовых и апельсиновых деревьев. Этот сладкий аромат смешивался с тонким дымком мяса <...> Сто бутылок, зарытых под снегом в серебряных колодцах, время от времени доставались, чтобы наполнить наши кубки самыми лучшими винами Греции и Италии... Что я могу вам сказать? Подумайте обо всем, что можно представить, воображая яства, изысканные, нежные и тонкие, пряные и острые: соберите все слова, придумайте

манные для сладострастного искусства Апиция, и вы не найдете ничего выше того представления, которое я хочу дать вам... » [17, с. IV–V].

Мари-Мадлен Гимар: собственный «маленький домик».

В 1770 г. Гимар приступила к строительству собственного «маленького домика» (отеля). Местом для строительства был избран новый, быстро развивающийся район – в скором будущем фешенебельный IX округ Парижа. Участок по ул. де ла Шоссе-д'Антен, дом 9 (т.е. в непосредственной близости и от Оперы, и от королевского Тюильри) принадлежал любовнику Гимар Делаборду; строительство оплачивал другой ее любовник – принц де Субиз [16, с. 173; 22, с. 90].

Проект был получен модному архитектору К.-Н. Леду, который в те годы вступал в начальную пору успеха. Именно в это время им были выполнены самые известные проекты «маленьких домов» в Париже, а отель Гимар стал самым впечатляющим из всех [16, с. 173–174]. Он был спроектирован по последнему слову моды – в новейшем неоклассическом стиле, по образцу древнеримской виллы – как одноэтажный дом с небольшим внутренним двориком, скрытым от улицы, купальней, оранжереей, садом и зимним садом.

Фасад здания напоминал древнеримский храм. Перед входом располагался четырехколонный портик. Фронтиспис здания был украшен экседрой, верхняя часть которой была кессонирована; ее ближайший аналог обнаруживался на наброске Пиранези из «*Vedute di Roma*» (1759), изображающем руины храма Венеры и Ромы на Римском форуме. Много внимания было отдано скульптурным работам, которыми руководил скульптор короля Ф. Леконт. Основной темой скульптурного декора был избран триумф музы танца Терпсихоры: скульптурная группа на фронтисписе здания изображала ее коронование; тема была развита в барельефе на стене за колоннами [22, с. 89–92; 25, с. 49]. Живописным оформлением занимались двое, молодой художник Ж.Л. Давид и именитый Ж.-О. Фрагонар: первый расписал четыре панно и потолочный плафон на антично-мифологическую тематику, второй выполнил роспись главной панели, посвященной триумфу Терпсихоры, при этом муза танца имела портретное сходство с Гимар [22, с. 93; 25, с. 49; 29, с. 187–188]. Совпадение не было случайным: отель задумывался как храм Терпсихоры, где музой танца была сама заказчица – первая танцовщица Парижской Оперы [26, с. 496].

В крыле отеля размещался частный театр с небольшим (по словам современников [22, с. 92; 27, с. 284]) зрительным залом на 500 мест; загородный дом танцовщицы имел театр аналогичной вместимости [22, с. 60]. Для сравнения: вместимость только что построенной Королевской Оперы в Версале – 712 мест (ее торжественное открытие состоялось 16 мая 1770 г.). Здесь давались фривольные представления, не разрешенные к официальному показу, и за возможность попасть на них боролся весь аристократический Париж, включая принцев крови. Была высока конкуренция и за участие в этих спектаклях [22, с. 36–37, 60; 27, с. 284]. Зрители располагались в партере и в ложах двух степеней открытости – открытых (обыкновенных) и закрытых (глухих, или экранированных) ложах, устройство которых препятствовало видеть сидящих в ложе, но нисколько не мешало им обозревать зал и сцену [5, с. 396]. Потолочный плафон зрительного зала был расписан модным художником Ж. Ю. Таравалем, академиком живописи с 1769 г. Декоративное оформление театра конкурировало с Королевской оперой Версаля [22, с. 89], а техническое оснащение – с Парижской Оперой.

Интерьер основных помещений отеля также получился весьма достойным, тем более, что надзор за этой частью проекта осуществлял Делаборд. Картинная галерея получила специальное зенитное освещение. В антикамере и столовой разместили фонтаны, где бурлящую воду «укрошали» скульптурные группы наяд. Спальня приглашала к отдыху, салон – к наслаждению, столовая – к веселью [17, с. 103]. На втором этаже, между спальней и кабинетом, был размещен будуар [22, с. 89–91, 229–230]. Как своеобразный женский кабинет, бу-

дуар, совмещенный со спальней, появляется во Франции одновременно с оформлением отеля («маленького домика») как нового, камерного типа городского особняка и вместе с зарождающейся среди аристократии модой на приватный, а не публичный образ жизни. Это новая, игривая культура, обожающая изящество и изнеженность. Определяющими культурными кодами в это время становятся частная жизнь, интимность, любовная интрига и флирт [9, с. 67].

Интерьеры отеля были оформлены в технике буазери (расписных деревянных панелей); основной темой декора были избрана античная орнаментика и медальоны «под камео» (en camaïeu – вариант гризайли в тональных градациях любого цвета, кроме серого) с изображением влюбленных и нимф [18, с. 315]. Комнаты были роскошно меблированы: в оранжерее на пьедесталах из белого мрамора стояли жирандоли, поддерживаемые лепными фигурами и скамьи, обитые зеленым утрехтским бархатом; в столовой – такие же бархатные кресла, белые и зеленые, и три стола, на 30, 15 и 10 кувертов. Будуар был украшен двумя диванами и двумя креслами бержер из зеленой тафты. «Гимар определенно любит зеленый цвет!», – отмечали современники [22, с. 230].

Строительство было завершено в конце 1772 г. Маленький дворец, построенный Леду, являл собой чудо декоративного вкуса – это был если не самый красивый отель во всем Париже, то самый красивый на улице де ла Шоссе-д'Антен [18, с. 315]. Восторженные отзывы были получены от таких признанных эстетов, как Ж.-Ф. Блондель и Х. Уолпол [22, с. 91; 16, с. 175]. Торжественное открытие состоялось в первые дни декабря 1772 г. К нему была приурочена премьера в частном театре Гимар; билеты на эту премьеру парижский бонд доставал с большим трудом [17, с. 104]. Открытие прошло с триумфом.

Скоро новый отель прозвали «храмом Терпсихоры», с отсылкой к его декоративному оформлению отеля и к сценическому репертуару Гимар. Было у него и второе название – «храм любви», с отсылкой к источнику финансирования строительства [16, с. 175]. Вышеупомянутый критик Гримм описал новый отель в самых лестных выражениях, резюмируя: «никогда в Греции богиня любви не имела храма, более достойного ее культа» [25, с. 49]. У парижанок в моду входит платье а-ля Гимар: юбка верхнего платья подтыкалась, открывая вид на юбку нижнего платья; декором служили кисти и гирлянды. Это была прямая цитата из сценических костюмов Гимар [22, с. 147–148]. Теперь Гимар называют не только богиней танца и богиней любви, но и «богиней вкуса» – вкуса, к которому прислушивается сама Мария-Антуанетта.

Анна-Виктуар Дервье: биография.

«Маленький дом» (по сути – дворец) Гимар заставил и других мечтать о подобных домах. В их числе была танцовщица Парижской Оперы и известнейшая куртизанка Парижа Анна-Виктуар Дервье (1752–1826) [16, с. 174–175; 29, с. 187].

Дервье дебютировала в возрасте 13 лет в кордебалете Королевской музыкальной академии (1765) в возобновленной опере Ш.-Ю. Жерве «Гипермнестра» [13, с. 17–19]. Танцовщица сразу же обзавелась состоятельным покровителем – им стал принц де Конти из дома Бурбонов. Одновременно она училась пению, и пела на домашней сцене в Шантийи, в поместье принца де Конде. В 15 лет она уже выступает на сцене Парижской Оперы (1767); вышеупомянутый критик Гримм замечал, что как актриса она в те годы была весьма мила [13, с. 31, 34]. Несмотря на это, Дервье долго была в тени Гимар – и в свой дебютный год, когда кордебалет Академии выступал на придворных празднествах в Фонтенбло, и позднее, когда Дервье получила свою первую самостоятельную роль («Сильвия»), и потом, когда Гимар и Дервье окажутся занятыми в одних и тех же постановках (1769) [13, с. 24, 40].

Она оказалась замечена Двором только в 1770 г. в балетном дивертисменте: танец стал частью праздника, устроенного в Версале в честь бракосочетания дофина и Марии-Антуанетты. В том же году Дервье купила дом на улице Сен-Анн, неподалеку от Пале-Рояль. Тогда же принц де Субиз, ее новый любовник, приобрел для нее участок на улице

Шантрэн, дом 98b (ныне улица де ла Виктуар, дом 44), по соседству с участком Мари Гимар (от одного до второго не более 400 м по прямой) [17, с. 100].

Дервье всегда окружали самые влиятельные покровители, из которых она выбирала самых щедрых [17, с. 100]. Среди них, помимо принца де Субиз, были младшие братья дофина граф Прованский (будущий король Франции Людовик XVIII) и граф д'Артуа (будущий король Франции Карл X), а также герцог Альба и маршал де Ришелье [13, с. 70, 77, 99, 130; 17, с. 101]. Не будет лишним отметить, что «Ришелье, вершитель элегантности, владел столькими маленькими домами, сколько у него было различных интриг» [17, с. V].

Успешность Дервье вызывала зависть многих, и Гимар не была исключением. Говорили, что Гимар завидовала красоте 18-летней актрисы (красоте, воспетой поэтом К.-Ж. Дора), ее молодости, и – вероятно, самое главное – небезосновательно ревновала ее к принцу де Субиз, который тратил на прихоти новой любовницы значительные суммы [22, с. 61; 13, с. 40–41; 17, с. 100–101]. Зависть переросла в неприязнь, та – в открытый конфликт. Гимар и Дервье обменялись скабрезными пасквилями, где первая обвиняла вторую (а заодно и ее мать) в безнравственном поведении (что было верно), на что та отвечала: «зато у тебя нет ни души, ни тела» [17, с. 101–102]. Гимар действительно была сухощавая и манерна [2, с. 59–61]. Заодно был высмеян и новый строящийся отель Гимар [17, с. 101].

Анна-Виктуар Дервье: собственный «маленький домик».

К постройке отеля Дервье приступили только в 1777 г. Автором проекта стал архитектор А.-Т. Броньяр, который выстроил чудесный «маленький домик» в коринфском стиле. Но заказчица не была удовлетворена результатом, считая, что он проигрывает отелю Гимар в роскоши. В 1785 г. она увеличила площадь своего участка, присоединив к нему соседский. Работы по перестройке отеля были поручены одному из ее любовников, первому архитектору графа д'Артуа Ф.-Ж. Беланже [21, с. 61]. Беланже с помощью Ж.-Д. Дюгура (ученик аббата Бартеlemi – одного из самых ярких представителей «Греческого Возрождения»; скульптор, гравер, рисовальщик-орнаменталист и художник по костюмам в Парижской Опере) создал английский сад, пристроил к центральному павильону два крыла, а также полностью обновил внутреннее убранство [19].

«Этрусское Возрождение» и этрусский стиль.

О причинах выбора этрусского стиля для оформления внутреннего убранства отеля Дервье стоит сказать подробнее. В те годы Беланже и Дюгур создали такие жемчужины французского искусства, как дворцы («маленькие домики»)

- 1) Багатель для графа д'Артуа в Булонском лесу (1775),
- 2) Сен-Жам для финансиста К. Б. де Сен-Джеймса в пригороде Парижа Нейи-сюр-Сен (1777–1780),
- 3) отель Луизы-Жанны де Дюрфор, герцогини Мазарини в Париже (1780) [20; 32, с. 28].

Все эти постройки были декорированы Беланже и Дюгуром в этрусском стиле. Отель Дервье, работа над которым началась в 1785 г., также был переделан в этрусском стиле: однако известно, что декораторы опирались на арабески, найденные на древнеримских фресках в Помпеях.

В XVIII столетии этруская тема находится на пике популярности. Причина тому – многочисленные археологические находки; аналогично тому, как после раскопок в Помпеях (1748) вкус к греко-римской культуре распространился на все области искусства, сделавшись модным в самый короткий срок. Первые успешные раскопки прошли в Тоскане в местечке Вольтерра (1728). Чуть позже (1739) здесь была обнаружена гробница аристократического семейства Чечина [15, с. 21]. Одновременно ведутся раскопки (1738) в Пренесте [34, с. 168]. Открытие этрусских погребальных камер познакомило мир с росписями, керамикой, круглой скульптурой и рельефами, предметами искусства малых форм и декоративно-прикладного искусства [14, с. 179]. Так было положено начало массовым исследованиям

этрусской культуры («Этрусское Возрождение»). Повальный интерес к этрусским древностям породил так называемую «этрускоманию» (итал. *etruscheria*). Это явление органично встроилось в уже существовавшую модель восторженного поклонения Античности.

Этрускологические исследования разделились на три взаимосвязанных направления: полевые раскопки, коллекционирование этрусских древностей и теоретическое изучение этих коллекций. Тем не менее, представления об этрусках пока еще были близки к фантастическим. Музей Этрусской академии (основана 1727) к середине XVIII в. насчитывал лишь 81 экспонат, и только четверть имела подлинное этрусское происхождение. Наряду с добросовестными заблуждениями имели место множественные мистификации, которые только усиливали интерес к «горячей» тематике. Одной из них стала энкаустическая живопись «Муза Полимния» из Музея Этрусской академии (инв. № 1264, в музее с 1851 г., в XVIII столетии находилась в семье Томмази), стилистически связанная с древними фресками Помпей и Геркуланума. Время создания картины было предметом горячих научных споров (сегодня музей относит спорный предмет к первой половине XVI в.) [33]. Загадочности добавляли и ночные закрытые сессии Этрусской академии [6, с. 5].

Вершиной этрускологических исследований столетия стал труд хранителя художественных галерей Флоренции археолога Луиджи Ланци «*Saggio di lingua etrusca e di altre antiche d'Italia*» (1789), суммирующий все доступные знания о всех областях этрусской культуры, включая искусство.

На основе имеющихся знаний об этрусской культуре был сформирован так называемый этрусский стиль, с помощью которого декорируются самые модные интерьеры. Граф д'Артуа был известный модник; так среди парижан бытовала история о том, как он придумал панталоны совершенно невообразимого фасона: «четверо здоровенных лакеев, подняв его, осторожно опускали так, чтобы на панталонах не было ни малейшей складочки, а вечером процедура проделывалась в обратном порядке» [1, с. 29–30]. Неудивительно, что для оформления интерьера граф выбрал не «чистый» неоклассицизм, который уже не был модной новинкой, а оригинальный этрусский стиль, отсылающий к непознанным загадкам истории.

Этрусский «Серебряный будуар» Марии-Антуанетты.

Образцом для оформления отеля Дервье был избран новомодный этрусский стиль, а еще одним поводом стал Серебряный будуар Марии-Антуанетты в Фонтенбло, который создавался в те же годы, что и отель Дервье. В 1786 г. Людовик XVI сделал своей супруге подарок в честь рождения четвертого ребенка, переоборудовав Фонтенбло в уединенное шато для королевской четы. Работы продолжались до 1787 г. Так здесь появился небольшой кабинет, известный как Серебряный будуар [28, с. 140–141]. Его спроектировал королевский архитектор Ж.-С. Руссо де ла Ротгьер, поручивший выполнение Н. М. Потену, в чьем ведении находился замок Фонтенбло.

Небольшой, восьмиугольный в плане будуар получил свое расположение на нижнем уровне замка между покоями короля и королевы, смежный с ванной комнатой. Архитектор Руссо де ла Ротгьер в соавторстве с братом Ж.-Г. Руссо стал автором декоративного оформления будуара в неоклассическом стиле [24, с. 91]. Свое название будуар получил по цвету стен: на блестящем фоне сусального белого золота были изображены помпейские гротески и другие античные мотивы (листья аканта, камеи, обманки *trompe-l'œil*, фигуры в драпировках), переплетенные с цветами. Главным декором был модный орнамент утонченных античных форм, восходящий к лоджиям Рафаэля; во Франции он бытовал под названием «арабески». Оформление будуара было великолепным примером зрелого этрусского стиля [4, с. 155, 160] как стилевого направления неоклассицизма [3, с. 183]. Этрусский стиль 1770–1780-х гг. не имел четких границ: в неоклассицизме почти невозможно увидеть черты подлинного этрусского искусства [3, с. 183].

1789 год: завершение отеля Дервье и начало революции.

В 1789 г. подошли к завершению отделочные работы в отеле Дервье [21, с. 6, 61]. Его заказчица в это время находится на пике своей карьеры куртизанки [17, с. 102]. А триумфальная карьера Гимар – и танцевальная, и великосветская, подошли к завершению. Отель Гимар теперь принадлежит другим людям: из-за банкротства владелицы отель был разыгран в лотерею весной 1786 г. [25, с. 49]. Отель перешел к графине дю Лау [22, с. 228–230, 233], которая перепродала его соседу Ж.-Ф. Перрего, крупному банкиру и известному покровителю актрис [22, с. 240–241; 18, с. 315]. Не имея средств выехать, Гимар просила новую владелицу приютить ее до начала гастролей в лондонском Театре Короля до января 1787 г. [22, с. 240, 244]. Летом 1787 г. умер принц де Субиз, будучи уже в преклонном возрасте. Гимар задумывается о переезде в Лондон [22, с. 245]. «Париж становится беспокойным местом», – замечает она [27, с. 286–287]: не случайно некоторые исследователи Французской революции считают, что «было бы уместно сдвинуть начало Французской Революции вверх, к первым месяцам 1787 г., когда открылось Собрание нотаблей. Подобное хронологическое смещение принесло бы двойную пользу, позволив точнее датировать кризис традиционной власти» [7, с. 53]. За три месяца до начала революции 46-летняя Гимар покинула Парижскую сцену [22, с. 256, 268], приняв ангажемент в Лондоне. Спустя ровно месяц после взятия Бастилии Гимар вышла замуж за танцовщика Ж.-Э. Депрео, окончательно завершив и танцевальную, и великосветскую карьеру [22, с. 255, 279; 12, с. 258; 27, с. 286–287], и карьеру законодательницы моды.

Это хорошо видно на примере отеля Дервье: он стал настоящим художественным шедевром, образцом элегантности и утонченности [17, с. 100], но от своего прототипа, отеля Гимар, в нем осталось очень мало. Его напоминали лишь отдельные детали, заложенные еще во времена работы Броньяра: так, вход в центральный павильон походил через портик, поддерживаемый четырьмя коринфскими колоннами. Все прочее, принадлежащее таланту Беланже, уже несло в себе черты нового времени. Обширный сад в английском стиле был украшен шпалерами, статуями и храмами, небольшим прудом с мощеным китайским мостиком, павильоном, гротом и оранжереей. Наиболее эффектно были оформлены гостиная, музыкальная комната, столовая, спальня, ванная комната и будуар [13, с. 74, 97]. Наиболее примечательна здесь зеркальная столовая, выходящая в английский сад, с одной стороны, и в анфиладу буфетов, с другой. Столовая украшалась пилястрами с серебряными арабесками на желтой лепнине, которые выделялись на фоне серой стены. Архивольты, наличники и карнизы были выполнены из белой лепнины, обрамление дверей – из желтой. Балюстрады и двери были сделаны из красного дерева акажу, медальоны на дверях – из желтого дерева в серебряных филенках. Дверные десюдепорты представляли собой лепные барельефы на светло-голубом фоне. Потолок, состоящий из орнаментальных панелей и медальонов с мифологическими и эротическими фигурами, включал белые арабески на желтом или светло-голубом фоне [20]. Оформление столовой имело отсылки уже не к отелю Гимар, а, скорее, к будуару королевы в Фонтенбло. Мода на оформление интерьера изменилась. Об этом свидетельствует и интерьер будуара: его мебель обтянута серебряной тканью, украшенной гирляндами роз и арабесками (прямая отсылка к Серебряному будуару королевы), пол выложен зеркалами как паркетными плашками; ковер также оформлен в новомодном этрусском стиле [20].

4. Заключение

В исследовании была прослежена эволюция декоративно-оформительских решений в парижских «маленьких домиках» в стиле неоклассицизма, от зарождения стиля до Великой французской революции, изменившей и историю Франции, и историю французской аристократии (заказчиков), и историю ее художественной культуры. Автор приходит к выводу, что в оформлении «домиков» определяющую тенденцию имели два взаимосвязанных фактора: личные пристрастия заказчиков и яркая, но кратковременная мода. Показательным

примером этого служит частный, несамостоятельный случай применения этрусского стиля в декоративном оформлении интерьера как стиливого направления неоклассицизма.

Список источников и литературы

1. Карлейль, Т. (1991). *История Французской революции*. М.: Мысль. 575 с.
2. Красовская, В. М. (1981). *Западноевропейский балетный театр: Очерки истории: Эпоха Новерра*. Л.: Искусство. 286 с.
3. Литвин, Т. А. (2014). *Проблема этрусков и «этрусского» стиля неоклассицизма в Западной Европе и в России. К вопросу генезиса стиливых направлений второй половины XVIII в.* // Научные труды. № 31. С. 175–187.
4. Мак-Коркодейл, Ч. (1990). *Убранство жилого интерьера от античности до наших дней*. М.: Искусство. 247 с.
5. Мокульский, С. С. (гл. ред). (1957). *История западноевропейского театра*. Т. 2. М.: Искусство. 906 с.
6. Немировский, А. И. (1983). *Этруски. От мифа к истории*. М.: Наука. 262 с.
7. Фюре, Ф. (1998). *Постижение Французской Революции*. СПб.: ИНАПРЕСС. 224 с.
8. Шапиро, Б. Л. (2024). *Вазомания в раннем Венсенне-Севре: стиль, цвет и форма. От рококо к неоклассицизму* // Вестник РГГУ. Серия: Философия, социология, искусствоведение. 2024. № 2. С. 91–107. doi: 10.28995/2073-6401-2024-2-91-107
9. Шапиро, Б. Л. (2023). *Шахерезада из Бельвю, или Французский будуар «а-ля тюрок» XVIII столетия* // История: факты и символы. Т. 35. № 2. С. 63–72. doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-63-72
10. Шартье, Р. (2001). *Культурные истоки Французской революции*. М.: Искусство. 256 с.
11. Aldis, J. (1906). *Madame Geoffrin: Her Salon and Her Times, 1750-1777*. London: Methuen & Co. 372 p.
12. Baker, H. B. (1889). *The London Stage: Its History and Traditions from 1576 to 1888*. Vol. 1. London: W. H. Allen & Co. 296 p.
13. Baschet, R. (1943). *Mademoiselle Dervieux, fille d'opéra*. Paris: Flammarion. 216 p.
14. Bloch, R. (1955). *L'Art et la civilisation étrusques*. Paris: Librairie Plon. 231 p.
15. Bloch, R. (1956). *The Etruscans*. London: Thames and Hudson. 260 p.
16. Braham, A. (1989). *The Architecture of the French Enlightenment*. London: Thames and Hudson. 288 p.
17. Capon, G. (1902). *Les Petites Maisons galantes de Paris au XVIIIe siècle*. Folies, Maisons de Plaisance et Vide-Bouteilles, d'après les documents inédits et les rapports de police. Paris: H. Daragon Librairie. 144 p.
18. Champeaux, A. (1898). *L'art decoratif dans le vieux Paris*. Paris: C. Schmid, 1898. 352 p.
19. Cheng, D. (2016). *The Public Boudoir of an Actress: The Petite Maison of Mademoiselle Dervieux* // CHORA: Intervals in the Philosophy of Architecture. Vol. 7. P. 21–46. <https://doi.org/10.1515/9780773598799-003>
20. Durand, M. (2014). *Jean-Démosthène Dugourc, Dessin de tapis pour le boudoir arabesque de Mademoiselle Dervieux* // Base en ligne du musée des Tissus [w. p.].
21. Fuhring, P. (2006). *François-Joseph Bélanger, 1744-1818*. Paris: Didier Aaron & Cie. 61 p.
22. Goncourt, E. (1893). *La Guimard*. Vol. 1. Paris: Bibliothèque-Charpentier. 332 p.
23. Guest, I. (1996). *The Ballet of the Enlightenment: The Establishment of the Ballet D'Action in France, 1770-1793*. London: Dance Books. 446 p.

24. Haig, D. R. (2006). *Walks Through Marie Antoinette's Paris*. Ravenhall: Ravenhall Book. 160 p.
25. Honoré Fragonard (1889). *The Nation*. January 17. P. 48–49.
26. Howarth, W. D. (ed.) (1997). *French Theatre in the Neo-classical Era, 1550-1789*. Cambridge: Cambridge University Press. 718 p.
27. Jackson, C. Ch. (1880). *The Old Regime: Courts, Salons, and Theatres*. Vol. 2. London: Richard Bentley and Son. 385 p.
28. Jacques Garcia, Intemporel Auction (2023). Vol. 1. *Champ de Bataille*. Paris: Sotheby's France. 217 p.
29. Johnson, D. (2023). *Mythologies of the Boudoir: Jacques-Louis David's the Loves of Paris and Helen // Intimate Interiors: Sex, Politics, and Material Culture in the Eighteenth-Century Bedroom and Boudoir*. London: Bloomsbury Publishing. P. 169-195. doi: 10.5040/9781350302068.ch-8
30. Koeppe, W. (2012). *Abraham and David Roentgen as Europe's Principal Cabinet-makers. From Rococo Playfulness to Neoclassical Elegance // Extravagant Inventions. The Princely Furniture of the Roentgens*. New York: The Metropolitan Museum of Art. C. 3–15.
31. Lynham, D. (1950). *The Chevalier Noverre: Father of Modern Ballet; a Biography* London: Sylvan Press. 204 p.
32. Quellern, L. (1910). *Le chateau de Bagatelle: Etude historique et descriptive suiuite d'une notice sur la Roseraie*. Paris: Charles Foulard. 94 p.
33. Raaijmakers, M. (1985). *La Musa Polimnia di Cortona: una pittura pseudoantica comissionata da Marsello Venuti // L'Accademia Etrusca*. Milano: Electa. P. 69–72, 101–103.
34. Turfa, J. M. (2014). *The Etruscan World*. London: Routledge. 1216 p.
35. Volosyuk, O. V. (2013). *Las relaciones hispano-rusas en el siglo XVIII: el ministro plenipotenciario ruso en España conde Piotr Buturlin (1763–1765) // España en el exterior. Historia y Archivos. Actas de X Jornadas de Castilla-La Mancha sobre investigacion en archivos*. Guadalajara: Asociación de Amigos de Archivo Histórico Provincial de Guadalajara. P. 549–564.

References

1. Karleyl', T. (1991). *Istoriya Frantsuzskoy revolyutsii* [History of the French Revolution]. Moscow, Mysl'. (in Russian).
2. Krasovskaya, V. M. (1981). *Zapadnoevropeyskiy baletnyy teatr: Ocherki istorii: Epokha Noverra* [Western European Ballet Theater: Sketches of History: The Age of Noverre]. Leningrad, Iskusstvo. (in Russian).
3. Litvin, T. A. (2014). *Problema etruskov i «etruskogo» stilya neoklassitsizma v Zapadnoy Evrope i v Rossii. K voprosu genezisa stilevykh napravleniy vtoroy poloviny XVIII v.* [The problem of the Etruscans and Etruscan style of neoclassicism in Western Europe and in Russia on the issue of the genesis of style movements in the second half of XVIII century] in *Nauchnye Trudy*, 31, 175–187. (in Russian).
4. Mak-Korkodeyl, Ch. (1990). *Ubranstvo zhilogo inter'era ot antichnosti do nashikh dney* [The History of Interior Decoration]. Moscow, Iskusstvo. (in Russian).
5. Mokul'skiy, S. S. (ch. ed.). (1957). *Istoriya zapadnoevropeyskogo teatra. T. 2* [History of Western European theater. Vol. 2.]. Moscow, Iskusstvo. (in Russian).
6. Nemirovskiy, A. I. (1983). *Etruski. Ot mifa k istorii* [The Etruscans. From myth to history]. Moscow, Nauka. (in Russian).
7. Fyure, F. (1998). *Postizhenie Frantsuzskoy Revolyutsii* [Understanding the French Revolution]. St. Petersburg, INAPRESS. (in Russian).
8. Shapiro, B. L. (2024). *Vazomaniya v rannem Vensenne-Sevre: stil', tsvet i forma. Ot rokoko k neoklassitsizmu* [Vasomania in early Vincennes-Sèvres: style, color and shape. From Ro-

coco to Neoclassicism] in *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya, sotsiologiya, iskusstvovedenie*, 2, 91–107. (in Russian). doi: 10.28995/2073-6401-2024-2-91-107

9. Shapiro, B. L. (2023). *Shakherazada iz Bel'vyu, ili Frantsuzskiy buduar «a-lya tyurk» XVIII stoletiya* [Shakherazada from Bellevue or french boudoir "a la turk" of the XVIII century] in *Istoriya: Fakty i simvoly*, 35, 2, 63–72. (in Russian). doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-63-72

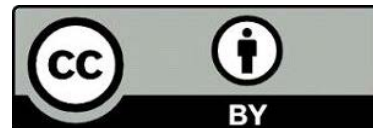
10. Shart'e, R. (2001). *Kul'turnye istoki Frantsuzskoy revolyutsii* [Cultural origins of the French Revolution]. Moscow, Iskusstvo. (in Russian).

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-44-51>

УДК 327.82 (09)

«НЫНЕ БРАТСТВУ ПРИМЕТА ТО, НЫНЕ ТОТ ЗАПРОС – КРЕЧЕТЫ, СОБОЛИ, РЫБЕЙ ЗУБ»: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОСОЛЬСКИХ ДАРОВ В РУССКО-КРЫМСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

М. С. Перов,

*Воронежский государственный университет,
Университетская пл., д.1, Воронеж, 394006, Россия*

Аннотация

Введение. Дана краткая характеристика эпохи и геополитической ситуации в регионе. Выявлена роль института посольских даров («поминков») в отношениях средневекового Русского государства с наследниками Улуса Джучи. **Материалы и методы.** Исторические источники фиксируют, по меньшей мере, 56 свидетельств о приеме и отправке послов в русско-ордынских отношениях второй половины XV в. (наибольшее число приходится на отношения с Крымским ханством). Исследование полученных данных показывает, что характерной особенностью посольских практик изучаемого периода является обмен дарами, которые в делопроизводственной документации отождествлялись как «поминки». В историографии нет единого мнения о характере подношений. Поэтому раскрытие вопроса о содержании и периодичности даров, определение символизма в «языке вещей» и сравнительный источниковедческий анализ с практиками предшествующих эпох может подтолкнуть к решению данной проблемы. **Результаты.** Выражением признания ханской власти является подношение определенного набора даров. В посольских практиках предшествующего периода (XII-первой половины XV вв.) данным маркером являлись кречеты, мерины, соболи. После распада Орды продолжение посольской практики прослеживается и в отношениях с Крымским ханством. Обращает на себя внимание и форма выражения «поминков» – не добровольное подношение даров, а запрос определенной вещевой атрибутики, носивший в 90-х годах XV столетия регулярный характер. **Заключение.** Сопоставление состава посольских даров XIII-XV вв. и подношений второй половины XV в. позволяет сделать вывод не столько о складывании нового посольского обычая в кочевой Евразии, сколько о продолжении традиции. Наличие определенного набора символов в институте посольских даров и запросах со стороны крымского хана может говорить о претензиях на «наследие» Орды в русско-крымских отношениях, ответные действия со стороны Русского государства выражают стремление к независимости и равноправию.

Ключевые слова: русско-ордынские отношения, постордынские государства, Крымское ханство, Менгли-Гирей, Иван III, посольский обычай, поминки, кречеты, соболи

Для цитирования: Перов М.С. «Ныне братству примета то, ныне тот запрос – кречеты, соболи, рыбей зуб»: к вопросу о содержании посольских даров в русско-крымских отношениях

ях второй половины XV века // История: факты и символы. № 3 (40). С. 44-51
doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-44-51

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>

Статья поступила: 19.02.2024

Статья принята в печать: 27.05.2024

Статья опубликована: 20.09.2024

© Перов М., 2024

**«NOW THE BROTHERHOOD IS A SIGN OF THAT, NOW THAT REQUEST
IS GYRFALCONS, COPAINS, FISH TOOTH»: ON THE ISSUE OF THE CONTENT
OF EMBASSY GIFTS IN RUSSIAN-CRIMEAN RELATIONS IN THE SECOND HALF
OF THE XV CENTURY**

*Maxim S. Perov,
Voronezh State University,
1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russia*

Abstract

Introduction. A brief description of the epoch and the geopolitical situation in the region is given. The role of the institution of ambassadorial gifts ("commemorations") in the relations of the medieval Russian state with the heirs of the Ulus of Jochi is revealed. **Materials and methods.** Historical sources record at least 56 certificates of the reception and dispatch of ambassadors in the Russian-Horde relations of the second half of the XV century (the largest number falls on relations with the Crimean Khanate). The study of the data obtained shows that a characteristic feature of the ambassadorial practices of the period under study is the exchange of gifts, which were identified as "minks" in the office documentation. There is no consensus in historiography about the nature of the offerings. Therefore, the disclosure of the question of the content and periodicity of gifts, the definition of symbolism in the "language of things" and a comparative source analysis with the practices of previous eras may prompt a solution to this problem. **Results.** The expression of recognition of the khan's authority is the offering of a certain set of gifts. In the ambassadorial practices of the previous period (XII-the first half of the XV centuries), this marker was gyrfalcons, geldings, sables. After the collapse of the Horde, the continuation of the ambassadorial practice can be traced in relations with the Crimean Khanate. Attention is also drawn to the form of expression of "commemorations" - not a voluntary offering of gifts, but a request for certain clothing attributes, which was regular in the 90s of the XV century. **Conclusion.** A comparison of the composition of the embassy gifts of the XIII-XV centuries and the offerings of the second half of the XV century allows us to conclude not so much about the formation of a new embassy custom in nomadic Eurasia, as about the continuation of the tradition. The presence of a certain set of symbols in the institute of ambassadorial gifts and requests from the Crimean Khan may indicate claims to the "legacy" of the Horde in Russian-Crimean relations.

Keywords: Russian-Horde relations, post-Horde states, Crimean Khanate, Mengli-Giray, Ivan III, embassy custom, commemorations, gyrfalcons, sables

For citation: Perov M. (2024). «Now the brotherhood is a sign of that, now that request is gyrfalcons, copains, fish tooth»: on the issue of the content of embassy gifts in Russian-Crimean relations in the second half of the XV century In *History: facts and symbols*, 3 (40), 44-51 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-44-51

Acknowledgement: The research funded by grant a Russian Science Foundation grant project no. 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>

Received: 19.02.2024

Revised: 27.05.2024

Published: 20.09.2024

©Perov M., 2024

1. Введение

Распад Орды на независимые государственные образования во второй половине XV в. приводит к изменению геополитической ситуации в регионе. В условиях борьбы «за ордынское наследство» Русское государство на юго-восточном направлении внешней политики выстраивает диалог с новыми субъектами международных отношений. С одной стороны, это несколько снижает нагрузку ордынских военных набегов, с другой стороны – повышает требования к установлению новых контактов. Поиски новых форм отношений с правопреемниками Орды ставят закономерные вопросы о степени юрисдикции и суверенитета русских земель.

Важной составляющей русско-ордынских отношений являются посольские практики. Посольский обычай – это процедура, проведение которой осуществляется по строго установленным правилам и традициям. Именно в протокольных нормах приема и отправки посла, факте отсутствия или наличия подношений подарков, форме и содержании посольских даров (в Посольском приказе отождествлялись как «поминки») проявляются статусные характеристики отношений.

В историографии вопрос о характере, форме и составе «поминков» остается дискуссионным. Одни исследователи видят в них пережитки ордынской зависимости – своеобразную форму дани [12, с. 50], другие расценивают как дары [1, с. 60]. Анализ содержания «языка вещей» в дипломатическом протоколе и определение роли института посольских даров (в Посольском приказе отождествлялись как «поминки») в русско-ордынских контактах позволят выявить особенности «дипломатической игры» средневекового Русского государства с наследниками Улуса Джучи и определить статусность отношений.

2. Материалы и методы

Исследование различных аспектов русско-ордынских отношений весьма затруднительно в силу ограниченного количества репрезентативного источникового материала. Документальную основу статьи составили нарративные источники (летописи) и делопроизводственная документация (посольские книги), проработанная автором в Российском государственном архиве древних актов [8]. Методология исследования включала в себя приемы источниковедческого анализа, историко-системного, историко-сравнительного и статистического методов.

Изучение русского летописания показывает, что данный вид источников является скудным как в передаче информации о посольствах, так и в раскрытии вопроса о содержании поминок. В сведениях о приеме и отправке послов, отразившихся в русском летописании, имеется одно упоминание о поминках.

Более ценным источником, раскрывающим вопрос характера и содержания посольских даров, является делопроизводственная документация. Дело в том, что памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными более строго подходят к описанию посольского протокола и церемониала. Обращение специалистов к данному виду источников позволит проследить содержание и частоту заказов поминок от крымского хана в 1490-е гг., что, в свою очередь, может подтвердить гипотезу о том, что Крымское ханство является претендентом на дань с русских земель.

Фиксируемые в источниках сведения рисуют следующую картину запросов подношений [11, с. 151, 168, 173, 197, 211, 267, 341, 142]:

Март 1492 года – заказ на 60 соболей.

Июнь 1492 года – заказ на два сорока добрых соболей (всего 80).

Октябрь 1492 года – заказ на черных лисиц и соболей.

Октябрь 1493 года – запрос на то же, что и в октябре 1492 г.

1494 год – запрос на «черева рысьи, 6 рысей браных», снова 2 портища соболей, и 3-4 одинцов соболей. К этому шел запрос на 2 шубы соболя, 2 шубы куньи, 2 – горностаевых, 5 белых хребтовых, 6 – белых черевов.

1498 год – заказ на «2 сорока соболей с ноготки, 5-6 одинцов черных соболей с хвосты».

Весной 1501 г. крымскому хану Менгли-Гирею было отправлено 3 сорока соболей, пятьсот горностаев, шуба кунья «гола», две шубы «хрепты белилны голы», две шубы «черева белилны голы» да 10 шкур рыси.

В инструкции великому послу Ивана III Ивану Мамонову, посланной с гонцами в мае 1501 г., значилось: «А что есми ныне послал с теми татары поминков соболей царю и царицам, и царевичем, и князем, и яз тем поминком послал к тебе список, за Дмитриевою печатью Володимерова. А которые с ними соболи посланы, и те соболи все подписаны ж, кому который соболь дати: а печать у соболей Дмитрея ж Володимерова. И ты бы те поминки царю, и царицам, и царевичем, и князем по списку велел роздати перед собою, кому которой соболь подписан дати» [11, с. 364-365]. На основании данного свидетельства можно говорить о существовании иерархии посольских даров.

3. Результаты

Единственное сохранившееся в русском летописании сообщение, в котором содержится упоминание о «поминках», свидетельствует:

«А того же дни [1475 г.] пришел из Крыму посол великого князя Никита Беклемишев от царя Менгли-Гирея, Ачи-Гереева сына Крымского, а с ним посол царев Довлетек Мурза с многими поминки...» [6, Т. VI. с. 132; Т. VIII. с. 178-179; Т. XII. с. 154; Т. XVIII. с. 247-248; Т. XXV. с. 301; Т. XXVI. с. 254].

Данное посольство было совершено, когда союзнические отношения между правителями устанавливались и скреплялись посольскими миссиями. Отражение известия в летописании указывает на размеры и особую щедрость посольских даров. Можно предположить, что поминки в связи с напряженной геополитической ситуацией в регионе (нападения Порты, борьба с Большой Ордой) являются выражением заинтересованности крымского хана в поддержании добрососедских отношений.

В посольских книгах первое упоминание о поминках содержится под 1474 годом во время дипломатической миссии Никиты Беклемишева:

«...А захочет царь писати в ярлык о поминках так: а поминки великому князю Ивану слати ко мне к Менли-Гирею царю потомуж, как король шлет ко мне поминки. И Миките то отговаривати, а такова ярлыка не взяти. А учнет царь говорити о том, чтобы вписати в ярлык о великого князя поминках так: а поминки ко мне к Менли-Гирею царю великому князю Ивану слати; а поминков ему моих не умаливати, – ино то отговаривати ж; а не отговорится, ино то в ярлык писати» [11, с. 3].

Как мы видим, указание великого князя превращается в инструкцию Никите Беклемешеву согласиться на выплату даров лишь в том случае, если хан будет этого «неотступно требовать». В посольских книгах при упоминании посольства Беклемишева также несколько раз прописывается наказ «отговаривати» от выплаты поминков. Из данного сообщения можно сделать вывод о том, что Москва всячески противилась включению обязательств выплаты поминок в договоры, т.е. стремилась выстраивать равноправные отношения.

В качестве одного из наказов русскому послу в Крым в 1474 г. было дано следующее: «и восхотят дати шерть (князья Эминек и Абдулла), да захотят... от того поминков, а без поминка не захотят шерть дати. И Миките им молвить: осподарь мой, князь великий, поминков со мною о том не прислал, а коли дружбы для своею моему осподарю на том ярлыке шерть дадите, и яз вам от себя поминков дам, а вы шерть дадите. Да от того им Мики-

те дати по сороку соболей тем двема князем, Именеку да Авдуле, а будет мало, ино и по два сорока дати» [11, с. 3-4].

Таким образом, великий князь соглашался, чтобы за присягу на верность договорным отношениям дать двум могущественным крымским князьям по сороку, в крайнем случае, по двум сорокам соболей.

Поминки хоть и выплачивались, но юридически не были оформлены. Юридическая незавершенность позволяла русской стороне избегать четкой фиксации размеров поминок, а также периодичности выплат. Размер поминок ставился в зависимость от ранга направляемого в Крым представителя. Выезд в Крым большого посла сопровождался отправкой «добрых» поминок; с гонцом отправлялись «легкие поминки».

Об этом свидетельствует сообщение о составе посольских даров крымскому хану Менгли-Гирею в 1486 г.: «послалъ князь велики съ Шемерденемъ царю Менли-Гирею соболь чорнь; а двема женамъ царевымъ по карабелнику. А брату цареву, царевичю Ямгурчею калге, соболь чернь. А царевымъ дѣтемъ, Ахметь-Кирею да Махметь-Кирею, по золотому. А князю Бурашу, что на Азикинѣ мѣстѣ, да Довлетеку, да Янкувату, да Казыю, что на Барыновѣ мѣстѣ, да Кирей-Сииту, цтю цареву, да Собакъ дувану, шестерымъ, по золотому. А хози Асану гостю золотой. Всего два соболя да два карабелника да девять золотыхъ» [11, с. 54, 56-57].

На содержание скудного состава посольских даров (два черных соболя, два корабелника и девять золотых) влияли два обстоятельства:

Во-первых, статус гонца не требовал больших поминок. Во-вторых, гонцы великого князя отправлялись в Крым налегке и наскоро. Не исключено, что выполнение союзнических обязательств перед Менгли-Гиреем и отправка русских войск в поход против Большой Орды в 1487 году стали следствием «легких поминок» и отправлением «черных соболей» в составе поминков годом ранее.

Следующий «запрос» посольских даров Менгли-Гирей делает в апреле-мае 1491 года: «Да будетъ ти ко мне съ Хозя Махметемъ кречеты послати... да 5 портищъ соболей, да три рыбы зубы прислалъ бы еси» [11, с. 124].

Для своего гонца крымский хан запрашивал еще 5 кречетов, «да чтобы добрый соколник ему здоровые кречеты купил» [11, с. 124].

В том же послании Менгли-Гирея Ивану III мы видим условия «братства» между сторонами: «Ныне братству примета то: ныне тот запрос, кречеты, соболи, рыбой зуб, тому Хозя Махметю давши, Доном доброе судно давши, борзо отпустишь, ино братство свое на место приведешь» [11, с. 124-125].

Термин «братство» на дипломатическом языке того времени означает политическое равноправие, однако характер сложившихся взаимоотношений нельзя назвать паритетным – русскому князю приходилось выкупать у крымского хана богатыми дарами право на «братство».

Анализ состава посольских даров второй половины XV в. позволяет сделать вывод о существовании определенного маркера в русско-крымском дипломатическом протоколе. Сведения имеющихся источников показывают, что характерной особенностью «языка вещей» в посольском обычае второй половины XV века являются «кречеты» и «соболи». В исторических источниках по русско-крымским дипломатическим отношениям второй половины XV века содержится 11 упоминаний обозначенного маркера («кречеты» и «соболи»). Следует отметить регулярность запросов охотничьих птиц (кречетов) и соболей со стороны крымского хана в 1490-е гг. (7 свидетельств).

Символом покорности и выражением признания ханской власти в посольской кочевой практике раннего периода русско-ордынских отношений (XIII-XIV вв.) являлось подношение определенных даров. Первые сведения о подобных посольских практиках в кочевой Евразии содержатся в параграфе 239 «Сокровенного сказания», в котором рассказыва-

ется о военном походе войска Чингисхана во главе с полководцем Джочи по завоеванию лесных народов (1207 г.):

«В год Зайца (1207)...к Чжочи явились Киргизские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами-шинхот, белыми же мериными да белыми же соболями. Чжочи принял под власть Монгольскую все Лесные народы...» [9].

Исторический источник свидетельствует, что в качестве вещевых атрибутов признания суверенитета и легитимности ханской власти выступали «белые кречеты, белые мерины, белые соболи».

Представление об аналогичном наборе подарков дает и посольская миссия хана Токты к Ильхану Газану в 702 г. хиджры (26 августа 1302 - 14 августа 1303 гг.). Тогда посольство взяло с собой «соколов и другие подарки...приношения тех [джучидских] стран: соколов дальнелетных и охотничьих, разные меха – белок киргизских, ласок [фенек] карлуцких, горностаев славянских и соболей болгарских, кровных коней кипчакских и другие красивые подарки...» [3, с. 266].

В «Повести о царевиче Петре» при описании встречи в 1322 г. ордынского посла Ахмыла, упомянуты в качестве ханской принадлежности именно охотничьи птицы и верхняя одежда: «...Игнать пред кресты сыгражаны и, возьмъ тѣшь царскую – кречеты, шубы и питье, край поля и езера ста на колени пред Ахмыломъ и сказася ему древняго брата царева племя...» [5, с. 82-84].

Таким образом, источники дают представление о наличии общих признаков состава подношений, подарков и царской теши в предшествующий период.

4. Заключение

Сравнительный анализ состава посольских даров XIII-XV вв. и подарков, и подношений во второй половине XV в. позволяет сделать вывод не только о сохранении посольского обычая в кочевой Евразии. Наличие повторяющихся признаков (охотничьи птицы, соболи) на протяжении предшествующего периода и в содержании запросов крымского хана может являться демонстрацией власти и претензией на «наследие» Орды, т.е. на получение с русских земель определенного «выхода».

Безусловно, элементы «ордынского наследия» в отношениях и, в дипломатическом протоколе, в частности, с Крымским ханством продолжают присутствовать, однако в посольском церемониале (если быть точным – в цветовых символах и численности поминков) прослеживаются элементы независимости. Подношение «черных соболей» (имеющих ритуальное значение), а не белых, отправление «сорока» и «портищ» соболей, а не «единцов», подношение слабых охотничьих птиц (запрос хана на здоровые кречеты) на дипломатическом языке может свидетельствовать о стремлении Русского государства к политическому равноправию («братству») на международном уровне.

Таким образом, на основании полученных данных, можно утверждать, что поминки как институт посольских даров в отношениях Русского государства с правопреемниками Орды (в частности, с Крымским ханством) играли роль инструмента управления геополитической ситуацией в регионе в зависимости от того, какую функцию они выполняли и с какой целью преподносились сторонами.

Список источников и литературы

1. Виноградов, А. В. (2007). *Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века*. М.: ИРИ РАН. 200 с.
2. Горский, А. А. (2013). *Русь и Орда в XV столетии // Золотоордынское обозрение*. № 1. Казань. С. 65-72.

3. Золотая Орда в источниках (материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). Т. I: Арабские и персидские сочинения. М., 2003. 336 с.
4. Пенской, В. В., Пенская, Т. М. (2022). *Постордынский мир и союз Ивана III и Менгли-Гирея I: попытка создания «биполярной» политической системы* // Золотоордынское обозрение. Т. 10. № 4. Казань. С. 868-898.
5. Повесть о Петре, царевиче Ордынском // Библиотека литературы Древней Руси. Под ред. Д. С. Лихачева и др. Т. 9. СПб.: Наука, 2000. С. 82-84.
6. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1-46. СПб: Издание Археографической комиссии, 1841.
7. Почекаев, Р.Ю. (2012). *Дары или дань? К вопросу о «Золотоордынском наследии» в отношениях московского государства с тюрко-татарскими ханствами* // Средневековые тюрко-татарские государства. № 4. С. 200-203.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123 Оп. 1.
9. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un Nirucatuvsuyan. Монгольский обыденный изборник. Том I. М-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1941.
10. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским (1487-1533). Под ред. Г. Ф. Карпова. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1882. 870 с.
11. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. I. (с 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России). Под ред. Г. Ф. Карпова. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1884. 633 с.
12. Фаизов, С. (1994). *Поминки-«тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (К вопросу о типологии связей)* // Отечественные архивы. № 3. С. 49-55.
13. Хорошкевич, А. Л. (2001). *Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв.* М.: Эдиториал УРСС. 336 с.

References

1. Vinogradov, A. V. (2007). *Russko-krymskie otnosheniya. 50-e – vtoraya polovina 70-h godov XVI veka* [Russian-Crimean relations. The 50s – the second half of the 70s of the XVI century]. Moscow, IRI RAN. (in Russian).
2. Gorskiy, A. A. (2013). *Rus' i Orda v XV stoletii* [Russia and the Horde in the XV century] in *Zolotoordynskoe obozrenie*, 1, Kazan', 65-72. (in Russian).
3. *Zolotaya Orda v istochnikah (materialy dlya istorii Zolotoj Ordyili ulusa Dzhuchi)* [The Golden Horde in the sources (materials for the history of the Golden Horde or the ulus of Jochi)], I, Arabskie i persidskie sochineniya. Moscow, 2003, 336. (in Russian).
4. Penskoj, V. V., Penskaya, T. M. (2022). *Postordynskij mir i soyuz Ivana III i Mengli-Gireya I: popytka sozdaniya «bipolyarnoj» politicheskoy sistemy* [The Post-Horde World and the Union of Ivan III and Mengli-Giray I: an attempt to create a «bipolar» political system] in *Zolotoordynskoe obozrenie*, 10, 4, Kazan', 868-898. (in Russian).
5. *Povest' o Petre, careviche Ordynskom* [The story of Peter, Prince of the Horde] in *Biblioteka literatury Drevnej Rusi pod redaktsiei D. S. Lihacheva i dr.*, 9, St. Petersburg, Nauka, 2000, 82-84. (in Russian).
6. *Polnoe sobranie russkikh letopisey (PSRL)* [Complete collection of Russian chronicles], 1-46, St. Petersburg, Izdanie Arheograficheskoy kommissii, 1841. (in Russian).
7. Pochekaev, R. Yu. (2012). *Dary ili dan'? K voprosu o «Zolotoordynskom nasledii» v otnosheniyah moskovskogo gosudarstva s tyurko-tatarskimi hanstvami* [Gifts or tributes? On the

issue of the «Golden Horde heritage» in the relations of the Moscow state with the Turkic-Tatar khanates] in *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*, 4, Kazan', 200-203. (in Russian).

8. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 123, op. 1.

9. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya hronika 1240 g. pod nazvaniem Mongrol-un Nirucatobciyan. Mongol'skij obydenyj izbornik* [A secret legend. The Mongolian chronicle of 1240 under the title Mongrol-un Nirucatobciyan. The Mongolian everyday electoral College], I, Moscow-Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1941. (in Russian).

10. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society], 35, Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim (1487-1533). Pod red. G. F. Karpova. St. Petersburg, Tipodrafiya F. Eleonskogo Ko, 1882, 870. (in Russian).

11. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society], 41, Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nagajskoyu ordami i s Turciej. T. I. (s 1474 po 1505 god, epoha sverzheniya mongol'skogo iga v Rossii). Pod red. G. F. Karpova. St. Petersburg, Tipodrafiya F. Eleonskogo Ko, 1884, 633. (in Russian).

12. Faizov, S. (1994). *Pominki-«tysh» v kontekste vzaimootnoshenij Rusi-Rossii s Zolotoj Ordoj i Krymskim yurtom (K voprosu o tipologii svyazej)* [Commemoration-«tysh» in the context of the relationship of Russia-Russia with the Golden Horde and the Crimean Yurt (On the question of the typology of relations)] in *Otechestvennyye arhivy*, 3, Moscow, 49-55. (in Russian).

13. Horoshkevich, A. L. (2001). *Rus' i Krym: Ot soyuza k protivostoyaniyu. Konec XV – nachalo XVI vv.* [Russia and Crimea: From Union to Confrontation. Late XV-early XVI centuries]. Moscow, Editorial URSS. (in Russian).

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ /
TOPICAL QUESTIONS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE**

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-52-61>
УДК 94(470)

**ИСТОРИЯ УТВЕРЖДЕНИЯ ДОМОВ ТРУДОЛЮБИЯ В МЦЕНСКЕ И ЕЛЬЦЕ
(ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)**

*А. Б. Гуларян, **

*Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина,
ул. генерала Родина, д.69, г. Орёл, 302019, Россия,*

В. И. Филонов,

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
ул. Комсомольская д. 95, г. Орёл, 302026, Россия*

Аннотация

Введение. После отмены крепостного права в России началось формирование гражданского общества, составной частью которого стала система общественных организаций. Общественные организации на основе принципов самодеятельности и самоокупаемости пытались решить важные социальные проблемы: оказание помощи неимущим слоям населения (благотворительность в самом широком понимании этого слова), организация профилактики и борьбы с пожарами, развитие науки и просвещения, организация спорта и досуга. Анализ возникновения и развития «частных» обществ имеет большое значение для оценки зрелости гражданского общества в дореволюционной России. Ядром формирующейся системы общественных организаций долгое время оставались благотворительные общества. Исследования позволяют утверждать, что интенсивность возникновения новых «частных» обществ особенно возросла в конце XIX вв. Данная статья посвящена изучению различных подходов к утверждению в Орловской губернии новых общественных организаций на примере истории утверждения Попечительных обществ Домов трудолюбия в Мценске и Ельце. **Материалы и методы.** В работе использовался историко-сравнительный метод: путем сравнительного анализа действий учредителей выявлены различные подходы к учреждению новых общественных организаций. Это позволило уточнить мотивировку провинциальных общественных деятелей. Основными источниками по изучению формирования системы благотворительности в Орловской губернии служат документы Фонда канцелярии орловского губернатора Государственного архива Орловской области, а также опубликованные отчеты благотворительных обществ. **Результаты.** Опираясь на архивные документы, а также на опубликованные отчеты Домов трудолюбия, авторы статьи выявили разницу в мотивах и подходах к учреждению этих общественных организаций в Мценске и Ельце. Показано, как из практической благотворительной работы возникает идея создания новой общественной организации. **Заключение.** Приведенные в статье факты свидетельствуют, что большинство подобных организаций возникало в результате анализа общественными деятелями имеющихся в регионе социальных проблем. Благотворительные организации призваны были ес-

ли не разрешить, то ослабить эти проблемы, оказать посильную помощь неимущим слоям населения. При этом идея новой благотворительной организации зачастую воплощалась в несколько этапов. В тоже время некоторые организации возникали из субъективно понятого местными деятелями «общественного интереса».

Ключевые слова: общественные организации, благотворительные общества, система, самодетельность, Дом трудолюбия,

* Ответственный автор

Для цитирования: Гулярян А.Б., Филонов В.И. (2024). История утверждения домов трудолюбия в Мценске и Ельце (опыт сравнительного анализа) // История: факты и символы. № 3 (40). С. 52-61 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-52-61

Статья поступила: 01.03.2024

Статья принята в печать: 02.05.2024

Статья опубликована: 20.09.2024

© Гулярян А., Филонов В., 2024

HISTORY OF THE ESTABLISHMENT OF LABOR-LOVING HOUSES IN MTSENSK AND YELETS (EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS)

*Artem B. Gularyan,**

*Parakhin Oryol State Agrarian University,
st. General Rodin, d.69, Oryol, 302019, Russia.*

Vladimir I. Filonov,

*Turgenev Oryol State University,
st. Komsomolskaya d. 95, Oryol, 302026, Russia*

Abstract

Introduction. After the abolition of serfdom in Russia, the formation of civil society began, and the system of public organizations became an integral part of it. Public organizations, based on the principles of self-activity and self-sufficiency, tried to solve important social problems: helping the poor (charity in the broadest sense of the word), organizing fire prevention and control, developing science and education, organizing sports and leisure activities. Analyzing the emergence and development of "private" societies is of great importance for assessing the maturity of civil society in pre-revolutionary Russia. Charitable societies remained the core of the emerging system of public organizations for a long time. The research allows us to assert that the intensity of the emergence of new "private" societies especially increased in the late 19th century. This article is devoted to the study of different approaches to the approval of new public organizations in the Orel province on the example of the history of the approval of the Trustee Societies of the Labor-loving Houses in Mtsensk and Yelets. **Materials and methods.** The work used a historical and comparative method: by means of a comparative analysis of the actions of the founders, various approaches to the establishment of new public organizations were identified. This made it possible to clarify the motivation of provincial public figures. The main sources for studying the formation of the charity system in the Oryol province are documents of the Fund of the Office of the Oryol Governor of the State Archive of the Oryol Region, as well as published reports of charitable societies. **Results.** Relying on archival documents, as well as on published reports of the Houses of Employment, the authors of the article revealed the difference in motives and approaches to the establishment of these public organizations in Mtsensk and Yelets. It shows how the idea of creating a new public organization arises from practical charitable work. **Conclusion.** The facts given in the article indicate that most of these organizations arose as a result of analysis by public figures of social prob-

lems in the region. Charitable organizations were called upon, if not to resolve, then to ease these problems, to provide all possible assistance to the poor. At the same time, the idea of a new charitable organization was often embodied in several stages. At the same time, some organizations arose from the subjectively understood «public interest» by local figures.

Keywords: public organizations, charitable societies, system, amateur activities, Labor-loving House, approval, documents.

* Responsible author

For citation: Gularyan A., Filonov V. (2024). History of the establishment of labor-loving houses in Mtsensk and Yelets (experience of comparative analysis) In *History: facts and symbols*, 3 (40), 52-61 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-52-61

Received: 01.03.2024

Revised: 03.05.2024

Published: 20.09.2024

© Gularyan A., Filonov V., 2024

1. Введение

После отмены крепостного права в России началось формирование системы общественных организаций, которые на основе принципов самодеятельности и самокупаемости пытались решить важные социальные проблемы: оказание помощи неимущим слоям населения (благотворительность в самом широком понимании этого слова), организация профилактики и борьбы с пожарами, развитие науки и просвещения, организация спорта и досуга. Ядром формирующейся системы общественных организаций долгое время оставались благотворительные общества и организации. Обобщенные данные проведенного авторами научного исследования позволяют утверждать, что интенсивность возникновения новых «частных» обществ особенно возросла в конце XIX в. Это может говорить о разнообразии общественных интересов, которые эти организации удовлетворяли, и о существовании разных подходов учредителей в вопросе создания новых организаций.

Данная статья посвящена изучению различных подходов к утверждению новых общественных организаций, существовавших в провинциальном орловском обществе на примере создания Попечительных обществ Домов трудолюбия в Мценске и Ельце.

Историография благотворительности в Российской империи весьма обширна и представляет собой тему для отдельного исследования. Среди специальных работ необходимо отметить труды В. Г. Афанасьева и А. Р. Соколова [1], Г. П. Васильевой [4], давших общий обзор состояния проблемы в отечественной науке. История возникновения и деятельности Домов трудолюбия также достаточно полно освещена как в дореволюционных, так и в современных изданиях. Среди дореволюционных работ следует, прежде всего, упомянуть сборник материалов, подготовленный П. И. Лыкошиным [3], а также работы Е. Д. Максимова [15] и Г. Г. Швиттау [26]. Кроме того, Попечительство о трудовой помощи с 1901 по 1909 гг. выпускало отчеты о своей работе под общим названием «Сборник сведений по состоянию под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны Попечительства о домах трудолюбия и работных домах» [24]. Среди современных исследователей, занимающихся историей возникновения и деятельности Домов трудолюбия, следует назвать С. Разумцева [21], Н. П. Фофанову [25], М. П. Сакина [23], Ю. В. Редопупову [22].

В настоящее время достаточно интенсивно изучается деятельность Домов трудолюбия на уровне отдельных регионов. История Дома трудолюбия в Рязани рассмотрена в статье О. А. Беловой [2]. Аналогичную работу для Воронежа и Тамбова выполнила Л. С. Гатилова [10; 11]. Деятельность домов трудолюбия в Поволжье и Донской области изучили

А.И. Елисеев [14] и Ю. Петрусенко с А. Ивановой-Ильчевой [20]. В статьях А. Б. Гуларяна [13] и Н. К. Мартыненко [16] намечены подходы к изучению системы самодеятельных общественных организаций на территории Орловской губернии. Однако история создания Домов трудолюбия в уездных городах губернии подробно никем еще не рассматривалась.

2. Материалы и методы

В работе использовался историко-сравнительный метод: путем сравнительного анализа действий учредителей выявлены различия в их мотивах и подходах к утверждению новых общественных организаций.

Основными источниками по изучению формирования системы благотворительности в Орловской губернии служат документы Фонда канцелярии орловского губернатора Государственного архива Орловской области, а также опубликованные отчеты благотворительных обществ и организаций. В канцелярии губернатора сконцентрированы основные документы, касающиеся вопросов утверждения новых «частных» обществ: переписка учредителей с губернатором и министерствами, проекты уставов новых обществ, отчеты о мероприятиях и протоколы общих собраний. Кроме того, по дореволюционному законодательству общества должны были публиковать ежегодные отчеты о своей деятельности. Все это сформировало достаточно большой корпус источников по истории создания самодеятельных общественных организаций в Орловской губернии. Среди них немало документов, касающихся непосредственно учреждения и деятельности Домов трудолюбия.

3. Результаты

Дома трудолюбия появились в России благодаря инициативе протоиерея Иоанна Сергеева (Кронштадтского), который открыл первый такой Дом в 1881 г. в память об убитом террористами императоре Александре II. Именно поэтому инициативе отца Иоанна была оказана финансовая поддержка Царствующего Дома Романовых. Эта поддержка в свою очередь способствовала росту популярности новой общественной инициативы. Новые Дома трудолюбия стали открываться по всей России. Для того чтобы объединить работу вновь создаваемых Домов трудолюбия, в 1895 г. императрица Александра Федоровна и ее личный секретарь граф Н. А. Ламздорф учредили Попечительство о Домах трудолюбия и работных домах.

Архивные документы раскрывают различные подходы к созданию новых общественных организаций, мотивы и цели учредителей. Примером подобного различия в мотивах и подходах может стать история учреждения Домов трудолюбия в городах Мценск и Елец.

Как свидетельствуют архивные источники, инициатором создания Попечительного общества о Доме трудолюбия в Мценске выступил мценский городской голова, инженер-технолог П. О. Домогатский. Именно он собрал необходимое число подписей под проектом устава Попечительного общества, который был утвержден министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным 28 апреля 1898 г. На собрании учредителей 2 июля 1898 г. было избрано правление общества. Однако дальше этого инициатива жителей Мценска не пошла: правление в полном составе ни разу не собиралось, а собранный по инициативе П. О. Домогатского для создания Дома трудолюбия капитал в 766 руб. 12 коп. до 1916 г. без движения хранился в городской кассе [7, л. 21, 33]. При разбирательстве о судьбе этих денег выяснилось, что выборы правления были проведены с нарушением установленных процедур: некоторые его члены были избраны заочно, без присутствия в собрании. Это вызвало естественное возмущение людей, которые отказались принимать на себя обязанности и взяли самоотвод. Инициатива по созданию в Мценске Дома трудолюбия заглохла [7, л. 17 об.]. Попечительное общество о Доме трудолюбия в Мценске так и не заработало, хотя и не закрывалось официально.

В чем заключались причины неудачи в учреждении новой общественной организации? По мнению авторов статьи, их было несколько.

Первая причина заключалась в личности самого П. О. Домогатского. Данные, собранные одним из авторов представленной статьи в словаре-справочнике «Дореволюционные самодеятельные общественные организации Орловской губернии», свидетельствуют о том, что П. О. Домагатский в своей общественной деятельности разбрасывался, не желая сосредоточиться на каком-либо конкретном поприще. Он совмещал обязанности члена правления Мценского благотворительного общества, председателя правления Мценского вольно-пожарного общества, председателя совета старшин Общественного собрания указанного общества, председателя правления Мценского общественного собрания [12, с. 130, 139, 294, 381, 393]. Возникает сомнения, что этот общественный деятель мог вести эффективную работу на всех четырех должностях одновременно. Стоит предположить, что учреждение Дома трудолюбия было для него не самоцелью, а способом поднять свой авторитет активного общественного деятеля.

Вторая причина заключалась в патриархальном укладе местного социума. Мценск традиционно был и оставался до революции купеческим городом. По отзывам современника событий, мценского предводителя дворянства Н. К. Матвеева, местные купцы не жалели средств на строительство и украшение церквей, заказывали для них «серебряные» колокола. Известен случай, когда пассажиры проходящего через Мценск курьерского поезда были разбужены звоном шестнадцати мценских церквей [17, с. 8]. Вероятнее всего, что на благотворительность мценские купцы смотрели как на дело второстепенное. П. И. Домогатский не сумел создать поддержку своему начинанию среди жителей города. Он попытался заменить коллективные решения директивным управлением, что вызвало противодействие среди местной образованной публики.

Третьей причиной несостоятельности Попечительного общества о Доме трудолюбия в Мценске стало утверждение 14 января 1899 г. орловским губернатором А. Н. Трубниковым устава Мценского благотворительного общества. Инициатором этого начинания стала дворянка Н. А. Александрова, входившая в Мценский комитет общества Красного Креста [5, л. 1-4, 10, 11]. Внимание местной образованной публики переключилось на новую общественную инициативу, и пожертвования на строительство Дома трудолюбия в Мценске прекратились. Оказалось, что для небольшого уездного города, которым являлся в описываемое время Мценск, существование двух благотворительных организаций с одинаковыми функциями явно избыточно.

Совершенно другой подход к учреждению общественных организаций продемонстрировали общественные деятели города Ельца, которые последовательно создали два Дома трудолюбия – Дом трудолюбия для взрослого контингента и детский для девочек Дом трудолюбия. В отличие от сохранявшего свою патриархальность купеческого Мценска, Елец был быстро развивающимся железнодорожным узлом с растущей промышленностью и процветающей торговлей. Благотворительной работой в Елецком уезде занимались семьи состоятельных землевладельцев-помещиков, известные своими либеральными взглядами и имевшими к тому же связи в столичном обществе. О серьезности организации благотворительной деятельности в этом городе свидетельствует тот факт, что в феврале 1895 г. Елец был разделен на шесть благотворительных участков, и люди, занимающиеся благотворительностью, были приписаны к этим участкам попечителями (по месту жительства). Деятельность благотворительных участков координировалась Елецким центральным благотворительным комитетом [18 с. 3; 19 с. 4]. На основе этой работы в 1867 г. была создана общественная организация, названная Благотворительным обществом для добывания средств к увеличению нравственного и материального состояния бедных в Ельце [9, л. 13]. То есть, можно утверждать, что эта благотворительная организация была создана постепенно, она выросла из практической деятельности попечителей.

В 1896 г. несколько членов Благотворительного комитета выступили с идеей создать в городе Дом трудолюбия. Эта инициатива нашла поддержку у орловского губернатора

А. Н. Тубникова и в Министерстве внутренних дел. Устав Попечительного общества о ДOME трудолюбия в Ельце был утвержден 13 декабря 1896 г., само общество открылось 8 августа 1897 г. [6, л. 40]. Полгода ушло у учредителей на то, чтобы собрать необходимый для открытия общества капитал.

Правление Попечительного общества о ДOME трудолюбия возглавил купец К. И. Криворотов. Членом попечительского совета общества согласился стать орловский губернатор А. Н. Трубников. Императрица Александра Федоровна взяла общество под свое покровительство [8, л. 103]. Еще год потребовался на то, чтобы собрать средства, необходимые для строительства самого Дома трудолюбия. Пожертвования внесли не только жители Ельца, но и императрица Александра Федоровна, и протоиерей Иоанн Сергиев (Кронштадтский). Дом решено было построить на участке земли, пожертвованном городу уроженцем Ельца, петербургским купцом Н. П. Черновым; он же взял на себя работы по его возведению.

Елецкий Дом трудолюбия был заложен 25 мая 1898 г. Работы по возведению стен и отделке помещений были закончены уже 25 октября 1898 г. 14 ноября 1898 г. состоялось торжественное освящение Дома трудолюбия в Ельце. На церемонии открытия новому Дому трудолюбия были преподнесены иконы от императрицы Александры Федоровны, от протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадтского) и от орловского епископа Митрофана [19, с. 3-4].

От замысла до его воплощения прошло два года, причем средства для строительства Дома трудолюбия собирали не только состоятельные семьи Ельца, но и жители столицы, представители Русской Православной Церкви и члены Правящего Дома Романовых. В сравнении с их последовательными действиями инициатива П. О. Домогатского кажется попыткой с негодными средствами: он не смог объединить людей вокруг своей идеи, создать команду для ее реализации.

Еще одним положительным примером воплощения в жизнь общественной инициативы является история учреждения в Ельце Попечительного общества о детском для девочек ДOME трудолюбия. Эта общественная организация в прямом смысле слова выросла из Лучковской бесплатной столовой, расположенной в 1-м благотворительном участке города Ельца. Сама столовая была открыта по инициативе небольшого кружка благотворителей в феврале 1894 г., а через год получила статус официального благотворительного учреждения. Заведующая столовой, В. Н. Бахтеярова заметила, что самой незащищенной категорией посетителей являются дети. Она решила основать при столовой школу, в которой девочки из неимущих семей могли бы обучаться грамоте и какому-нибудь ремеслу. Ее выбор остановился на кружевном промысле, которым так славился Елец. В феврале 1896 г. школа была открыта, 28 апреля 1896 г. собрание попечителей 1-го благотворительного участка города Ельца утвердило школу в качестве нового учреждения благотворительности и избрало ее попечителями В. Н. Бахтеярову и И. Г. Добродеева [18, с. 3].

Первоначально в школу было набрано десять воспитанниц, впоследствии число желающих поступить в школу достигло цифры тридцати шести. Тогда у попечителей возникла мысль о переименовании школы в детский Дом трудолюбия. 20 сентября 1896 г. школу посетил барон О. О. Буксгевден. Осмотрев ее, он разрешил В. П. Бахтеяровой подать докладную записку о переименовании школы в детский для девочек Дом трудолюбия и об образовании при нем Попечительного общества [18, с. 3-4]. Устав этого общества был утвержден 9 сентября 1897 г. Пожертвования в основной капитал нового общества внесли императрица Александра Федоровна, а также Главный комитет о Домах трудолюбия и московский купец С. Т. Морозов (деньги он передал через елецкого помещика А. А. Стаховича) [18, с. 5].

В 1898 г. в ДOME трудолюбия находилось шестьдесят девочек, которые обучались на пяти отделениях: кружевном, швейном, белошвейном, чулочном и ковровом. Надзирала за учебой и воспитанием девочек В. Н. Бахтеярова, хозяйственные вопросы решал И. Г. Доб-

родеев. Председательницей Попечительного общества была выбрана дворянка О. А. Стахович [18, с. 5-6].

Таким образом, в Ельце практически одновременно были созданы две новые общественные организации, которые не конкурировали друг с другом, поскольку каждая из них имела собственную нишу в общественной работе. Совершенно противоположная ситуация сложилась в Мценске, где появление одной организации парализовало работу другой. Это была основная причина неудачи инженера-технолога П. О. Домогатского.

4. Заключение

Попечительные общества о Домах трудолюбия были важной частью формирующейся системы благотворительных организаций Российской империи. Нюансы формирования этих общественных организаций могут многое сказать о процессе становления благотворительности в дореволюционной России.

Приведенные в статье факты свидетельствуют, что большинство подобных организаций возникало в результате анализа местными общественными деятелями имеющихся в регионе социальных проблем. Благотворительные организации призваны были если не разрешить, то ослабить эти проблемы и оказать посильную помощь неимущим слоям населения. При этом идея новой благотворительной организации зачастую воплощалась в несколько этапов, и от замысла до воплощения проходило достаточно много времени. Особенно характерен в этом отношении пример детского для девочек Дома трудолюбия в Ельце. С другой стороны, приведены факты, когда Попечительное общество о Доме трудолюбия в Мценске было утверждено по инициативе главы городского самоуправления. Его инициатива не была поддержана местным обществом и замерла.

Все это свидетельствует о том, что система благотворительности, являвшаяся основой более широкой системы самодеятельных общественных организаций, развивалась достаточно стихийно, на основе осознаваемых благотворителями социальных проблем. То есть, система общественных организаций формировалась на основе потребностей самой жизни, интуитивно понимаемого «общественного интереса». Это не отменяло, однако, спонтанных решений и появления «мертворожденных» общественных организаций.

Список источников и литературы

1. Афанасьев, В. Г., Соколов, А. Р. (1998). *Благотворительность в России. Историкографические аспекты проблемы*. СПб. 102 с.
2. Белова, О. А. (2019). *Дом трудолюбия в Рязани одна из форм милосердно-благотворительного движения* // Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья. № 2. С.52-53.
3. *Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России* / Под ред. П. И. Лыкошина (1901). СПб.: Издание княгини О. Ф. Имеретинской и П. И. Лыкошина. 330 с.
4. Васильева, Г. П. (2011) *Историкографический аспект вопросов благотворительности на рубеже XIX-XX вв.* // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. № 130. С. 44-52.
5. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Ст. 1. Д. 3800.
6. ГАОО Ф.580. Ст.1. Д.3837.
7. ГАОО. Ф.580. Ст.1. Д.3884.
8. ГАОО. Ф.580. Ст.1. Д.4009.
9. ГАОО. Ф.580. Ст.1. Д.4167.
10. Гатилова, Л. С. (2007). *Воронежский Дом трудолюбия как центр социального попечения (конец XIX – начало XX вв.)* // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 2. С. 74-82.

11. Гатилова, Л. С. (2008). *Организация и деятельность домов трудолюбия в губерниях Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX вв.* // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. № 7. (63). С. 343-350.
12. Гуларян, А. Б. (2015). *Дореволюционные самодеятельные общественные организации Орловской губернии.* Словарь-справочник. Орел: Изд-во Орел ГАУ. 496 с.
13. Гуларян, А. Б. (2022). *К вопросу о классификации дореволюционных благотворительных обществ и организаций* // Традиции меценатства, добровольчества и благотворительности в России (к 180-летию со дня рождения Саввы Мамонтова). Материалы межвузовской научно-практической конференции (Орел, 14 октября 2021 г.). Орел: Орловский государственный университет. С. 4-7.
14. Елисеев, А. И. (2021). *Становление самарского Дома Трудолюбия* // Готовские Чтения – 2020. Материалы Всероссийской научной конференции. Самара. С. 101-109.
15. Максимов, Е. Д. (1903). *Особые благотворительные ведомства и учреждения.* СПб. 139 с.
16. Мартыненко, Н. К. (2014). *Опыт социальной самоорганизации на историческом примере провинциального города* // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. № 4 (17). С.192-198.
17. Матвеев, Н. К. (2003). *Воспоминания о губернском Орле и послетургеневском Мценске* / под ред. В. М. Чернова. Орел: Издатель Александр Воробьев. 52 с.
18. *Отчёт правления Попечительного общества о детском для девочек Доме трудолюбия в гор. Ельце за время с 1 сентября 1897 года по 1 января 1899 года. (1-й год существования)* (1899). Елец, Типо-литография И. М. Кочергина. 64 с.
19. *Отчет правления Попечительного общества о Доме трудолюбия в Ельце за время с 1 января 1898 года по 1 января 1899 года. (2-й год существования общества).* (1899) Орел. 54 с.
20. Петрусенко, Ю., Иванова-Ильчева А. (2021). *Дом трудолюбия в Ростове-на-Дону* Проект Байкал. Т.18. № 68. С.164-167.
21. Разумцев, С. (2012). *Святой праведный Иоанн Кронштадтский и Дома трудолюбия в России.* М.: Наше будущее. 229 с.
22. Редопупова, Ю. В. (2021). *Деятельность попечительства о домах трудолюбия и рабочих домах* // Социально-культурные и исторические аспекты развития региона: история и современность. Сборник материалов. Ставрополь. С. 456-460.
23. Сакин, М. П. (2017). *Модели благотворительной деятельности в России на примере Попечительства о Домах трудолюбия и рабочих домах* // Современное образование: векторы развития. Роль социогуманитарного знания в формировании духовно-нравственной культуры выпускника педагогического вуза. Материалы международной научной конференции. С. 200-217.
24. *Сборник сведений по состоянию под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны попечительства о домах трудолюбия и рабочих домах.* (1901-1909). СПб. Вып. 1-13.
25. Фофанова, Н. П. (2008) *Дома трудолюбия: правовое регулирование, роль и значение трудовой помощи населению России* // Право и государство: теория и практика. № 7. С.34-37.
26. Швиттау, Г. Г. (1915). *Трудовая помощь в России.* Пг.: Типография А. Э. Коллинс. 216 с.

References

1. Afanas'ev, V. G., Sokolov, A. R. (1998) *Blagotvoritel'nost' v Rossii. Istoriograficheskie aspekty problemy.* [Charity in Russia. Historiographical aspects of the problem] St. Petersburg. (in Russian).

2. Belova, O. A. (2019). *Dom trudolyubiya v Ryazani odna iz form miloserdno-blagotvoritel'nogo dvizheniya* [House of Labor in Ryazan is one of the forms of charity and charitable movement] in *Voprosy shkol'noi i universitetskoj meditsiny i zdorov'ya*, 2. 52-53. (in Russian).
3. *Blagotvoritel'naya Rossiya. Istoriya gosudarstvennoi, obshchestvennoi i chastnoi blagotvoritel'nosti v Rossii* / pod red. P. I. Lykoshina. (1901) [Charitable Russia. History of state, public and private charity in Russia] Sankt-Peterburg, izdanie knyagini O. F. Imeretinskoj i P. I. Lykoshina. (in Russian).
4. Vasil'eva, G. P. (2011). *Istoriograficheskkii aspekt voprosov blagotvoritel'nosti na rubezhe XIX-XX vv.* [The historiographical aspect of the issues of charity at the turn of the XIX-XX centuries] in *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*, 130, 44-52. (in Russian).
5. Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti (GAOO) [State Archive of the Orel Region], f.580, st.1, d.3800.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti (GAOO) [State Archive of the Orel Region], f.580, st.1, d.3837.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti (GAOO) [State Archive of the Orel Region], f.580, st.1, d.3884.
8. Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti (GAOO) [State Archive of the Orel Region], f.580, st.1, d.4009.
9. Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti (GAOO) [State Archive of the Orel Region], f.580, st.1, d.4167.
10. Gatilova, L. S. (2007). *Voronezhskii Dom trudolyubiya kak tsentr sotsial'nogo popecheniya (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Voronezh House of Labor as a center of social care (late XIX - early XX centuries)] in *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, 2. 74-82. (in Russian).
11. Gatilova, L. S. (2008). *Organizatsiya i deyatelnost' domov trudolyubiya v guberniyakh Tsentral'nogo Chernozem'ya v kontse XIX – nachale XX vv.* [Organization and activities of the labor-loving homes in the provinces of the Central Black Earth Region in the late XIX – early XX centuries] in *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 7 (63). 343-350. (in Russian).
12. Gularyan, A. B. (2015). *Dorevolyutsionnye samodeyatel'nye obshchestvennye organizatsii Orlovskoi gubernii*. Slovar'-spravochnik. [Pre-revolutionary amateur public organizations of Orel province. Dictionary-reference book]. Oryol, Oryol SAU Publishing House. (in Russian).
13. Gularyan, A. B. (2022). *K voprosu o klassifikatsii dorevolyutsionnykh blagotvoritel'nykh obshchestv i organizatsii* [To the question of classification of pre-revolutionary charitable societies and organizations] in *Traditsii metsenatstva, dobrovol'chestva i blagotvoritel'nosti v Rossii (k 180-letiyu so dnya rozhdeniya Savvy Mamontova)*. *Materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. (Oryol, October 14, 2021). Oryol. 4-7. (in Russian).
14. Eliseev, A. I. (2021). *Stanovlenie samarskogo Doma Trudolyubiya* [Establishment of the Samara Labor Friendly House] in *Gotovskie Chteniya – 2020. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Samara, 101-109. (in Russian).
15. Maksimov, E. D. (1903). *Osobyje blagotvoritel'nye vedomstva i uchrezhdeniya*. [Special charitable departments and institutions]. St. Petersburg. (in Russian).
16. Martynenko, N. K. (2014). *Opyt sotsial'noi samoorganizatsii na istoricheskom primere provintsial'nogo goroda* [Experience of social self-organization on the historical example of a provincial city] in *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva*. 4 (17). 192-198. (in Russian).

17. Matveev N. K. (2003). *Vospominaniya o gubernskom Orle i posleturgenevskom Mtsenske* [Memories of provincial Orel and post-Turgenev Mtsensk] / pod red. V. M. Chernova. Oryol: Izdatel' Aleksandr Vorob'ev. (in Russian)

18. *Otchet pravleniya Popечitel'nogo obshchestva o detskom dlya devochek Dome trudolyubiya v gor. El'tse za vremya s 1 sentyabrya 1897 goda po 1 yanvaryu 1899 goda. (1-i god sushchestvovaniya)* (1899). [Report of the Board of Trustees of the Children's Home for Children Children's Home for Girls in the town of Elets for the period from September 1, 1897 to September 1, 1897. Elets for the period from September 1, 1897 to January 1, 1899. January 1, 1899. (1st year of existence)]. Elets, Tipo-litografiya I. M. Kochergina. (in Russian)

18. *Otchet pravleniya Popечitel'nogo obshchestva o Dome trudolyubiya v El'tse za vremya s 1 yanvaryu 1898 goda po 1 yanvaryu 1899 goda. (2-i god sushchestvovaniya obshchestva)*. [Report of the Board of Trustees of the Society for the House of Labor Love in Elets for the period from January 1, 1898 to January 1, 1899. (2nd year of the society's existence)]. (1899) Orel. (in Russian)

20. Petrusenko, YU., Ivanova-Il'echeva, A. (2021). *Dom trudolyubiya v Rostove-na-Donu* [House of Laboriousness in Rostov-on-Don] in *Proekt Baikal*. 18. 68. 164-167. (in Russian)

21. Razumtsev, S. (2012). *Svyatoi pravednyi Ioann Kronshtadtskii i Doma trudolyubiya v Rossii*. [St. Righteous John of Kronstadt and Houses of Labor in Russia] Moscow. Nashe budushchee. (in Russian)

22. Redopupova, YU. V. (2021). *Deyatel'nost' popechitel'stva o domakh trudolyubiya i rabotnykh domakh* [Activities of the trusteeship for labor homes and workhouses] in *Sotsial'no-kul'turnye i istoricheskie aspekty razvitiya regiona: istoriya i sovremennost'*. *Sbornik materialov*. Stavropol. 456-460. (in Russian)

23. Sakin, M. P. (2017). *Modeli blagotvoritel'noi deyatel'nosti v Rossii na primere Popечitel'stva o Domakh trudolyubiya i rabotnykh domakh* [Models of charitable activity in Russia on the example of the Trusteeship of Labor Mutual Homes and Workhouses] in *Sovremennoe obrazovanie: vektory razvitiya. Rol' sotsiogumanitarnogo znaniya v formirovanii dukhovno-nravstvennoi kul'tury vypusknika pedagogicheskogo vuza. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. 200-217. (in Russian)

24. *Sbornik svedenii po sostoyaniyu pod Avgusteishim pokrovitel'stvom Gosudaryni Imperatritsy Aleksandry Fedorovny popechitel'stva o domakh trudolyubiya i rabotnykh domakh*. [Collection of information on the state of the trusteeship for workhouses and workhouses under the august patronage of the Empress Alexandra Fyodorovna]. (1901-1909) St. Petersburg. (in Russian)

25. Fofanova, N. P. (2008). *Doma trudolyubiya: pravovoe regulirovanie, rol' i znachenie trudovoi pomoshchi naseleniyu Rossii* [Labor Assistance Houses: Legal Regulation, Role and Importance of Labor Assistance to the Russian Population] in *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 7. 34-37. (in Russian)

26. Shvittau, G. G. (1915). *Trudovaya pomoshch' v Rossii*. [Labor assistance in Russia] Petrograd. Tipografiya A. E. Kollins. (in Russian)

Вклад авторов:

А.Б. Гуларян: получение данных для анализа, анализ полученных фактов

В.И. Филонов: обзор публикаций по теме статьи

Authors' contribution:

Artem B. Gularyan: obtaining data for analysis, analyzing the obtained facts

Vladimir I. Filonov: review of publications on the topic of the article

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-62-77>

УДК 93/94 (47+57)

ПОЛИТИКА РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ФИНЛЯНДИИ В 1897-1905 ГГ.: ПРАКТИКА КОНСОЛИДАЦИИ ИМПЕРИИ И ВЫЗОВЫ АВТОНОМИИ КНЯЖЕСТВА

О. В. Ермаков,

*Северо-Кавказский федеральный университет
ул. Пушкина 1, Ставрополь, 355017, Россия*

Аннотация.

Введение. В российской и зарубежной историографии тема взаимоотношений России и Финляндии в конце XIX – начале XX вв. получила широкое освещение. Однако в центре внимания исследователей находится проблемы определения государственно-правового статуса княжества и восприятие данной проблематики в российском и финляндском обществе. На периферии исследования оказались вопросы экономических взаимоотношений России и Финляндии, статуса россиян на территории княжества, проблема получения финляндского гражданства, конфликт империи и автономии в вопросах образования и статуса русского языка. Поэтому в представленной статье рассматривается политика продвижения русского языка в Финляндии после прихода к власти Николая II и до начала Первой русской революции. **Материалы и методы.** В процессе подготовки статьи использовались различные исторические источники, включая переписку генерал-губернатора Финляндии с Санкт-Петербургом, журналы Особого совещания для обсуждения вопроса о введении русского языка в делопроизводство правительственных установлений Великого княжества Финляндского от 19 января 1900 г., представления Сената княжества, часть материалов находится в фондах Национального архива Финляндии и др. **Результаты.** Центральное место в политике ограничения автономии Финляндии в конце XIX – начале XX вв. занимают действия империи по расширению сферы применения русского языка на ее территории. Первым шагом в данном направлении становится постановление, принятое в мае 1897 г. и завершается принятием серии указов и постановлений в 1899-1900 гг. Они были ориентированы на использование русского языка в делопроизводстве. Знание русского языка становилось обязательным для государственных чиновников и целого ряда выборных и должностных лиц. Отдельным направлением расширения использования русского языка становится новый воинский устав, переводивший финляндские части на русский язык. **Выводы.** Империя к 1905 г. проявляла осторожный оптимизм в деле продвижения русского языка в Финляндии, не обращая внимания на недовольство в княжестве политикой, проводимой Санкт-Петербургом. В самом княжестве местное население и официальные структуры любыми средствами стремились провалить языковые законы. Нежизнеспособность нового «языкового курса» со всей очевидностью проявилось в годы Первой русской революции, в результате чего он срочно сворачивается.

Ключевые слова: Финляндия, Россия, русский язык, имперская политика, автономия, русификация

Для цитирования: Ермаков О.В. (2024). Политика распространения русского языка в Финляндии в 1897-1905 гг.: практика консолидации империи и вызовы автономии княжества // История: факты и символы. № 3 (40). С. 62-77 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-62-77
Статья поступила: 20.03.2024
Статья принята в печать: 27.05.2024
Статья опубликована: 20.09.2024
©Ермаков О., 2024

**POLICY OF SPREADING THE RUSSIAN LANGUAGE IN FINLAND IN 1897-1905:
PRACTICE OF CONSOLIDATION OF THE EMPIRE AND CHALLENGES TO THE
AUTONOMY OF THE PRINCIPALITY**

*Oleg V. Ermakov,
North Caucasian Federal University
1 Pushkin St., Stavropol, 355017, Russia*

Abstract

Introduction. In both Russian and foreign historiography, the topic of relations between Russia and Finland at the end of the 19th and the beginning of the 20th century has been widely covered. However, researchers have mainly focused on the problems of determining the state-legal status of the principality and the perception of this issue in Russian and Finnish society. On the periphery of research are the economic relations between Russia and Finland, the status of Russians in the territory of the principality, the issue of obtaining Finnish citizenship, and the conflict between the empire and autonomy in matters of education and the status of the Russian language. Therefore, this article examines the policy of promoting the Russian language in Finland after the accession of Nicholas II to the throne and until the beginning of the First Russian Revolution. **Materials and methods.** Various historical sources were used in the preparation of the article, including the correspondence of the Governor-General of Finland with St. Petersburg, the journals of the Special Council to discuss the issue of introducing the Russian language into the clerical work of the government institutions of the Grand Duchy of Finland from January 19, 1900, the reports of the Senate of the Dutchy. Part of the materials is in the collections of the National Archives of Finland. **Results.** A central place in the policy of restricting Finland's autonomy at the end of the 19th and the beginning of the 20th century is occupied by the empire's actions to expand the use of the Russian language in its territory. The first step in this direction was the decree adopted in May 1897, and it concluded with the adoption of a series of decrees and resolutions in 1899-1900. These were aimed at using the Russian language in the clerical work. Knowledge of the Russian language became mandatory for state officials and a number of elected and appointed persons. A separate direction in expanding the use of the Russian language was the new military statute, which transferred Finnish units to the Russian language. **Conclusions.** By 1905, the empire displayed cautious optimism in promoting the Russian language in Finland, ignoring the discontent in the principality with the policies implemented by St. Petersburg. In the principality itself, the local population and official structures sought by all means to thwart the language laws. The unviability of the new "language course" became evident during the years of the First Russian Revolution, resulting in its urgent winding down.

Keywords: Finland, Russia, Russian language, imperial policy, autonomy, Russification

For Citation: Ermakov O. (2024). Policy of spreading the Russian language in Finland in 1897-1905: practice of consolidation of the empire and challenges to the autonomy of the principality In *History: facts and symbols*, 40 (21), 62-77, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-62-77>

Received: 20.03.2024

Revised: 27.05.2024

Published: 20.09.2024

© Ermakov O., 2024

1. Введение

Николай II, придя к власти, начинает проводить политику наступления на автономные права Финляндии. Еще при императоре Александре III разрабатывается ряд законопроектов, которые должны были внести существенные изменения в конституцию Финляндии, но монарх их не подписал [31, с. 339]. Николай II верил в необходимость централизации и унификации в империи в экономической, политической и культурной жизни. Данная политика, по его мнению, должна была укрепить ее единство и могущество [35, с. 125]. Все это напрямую касалось положения Финляндии в рамках Российской империи. Впервые империя решила коренным образом изменить конституцию княжества. В понимании консервативной части правящей элиты унификация империи заключалась в «русификации», расширении прав монарха и православия в княжестве [29, с. 65]. Некоторые идеологи данной политики призывали к прямой ассимиляции финнов, их публикации вызывали большой резонанс в Финляндии и за ее пределами [24].

Эти действия входили в прямое противоречие с традиционной имперской политикой, предполагавшей «единство в многообразии». Часть сторонников традиционной имперской модели развития России выступала против наступления на права Финляндии, отмечая наднациональный и надсословный характер имперской власти [11, с. 82].

Следует отметить, что либеральные круги империи и часть правящей элиты не поддерживали курс на ограничение прав Финляндии, не только с идеологической, но и с прагматической позиции. Не в восторге от новых мер оказалось командование Финляндского военного округа, осознавая большой риск от реализации новой политики [14, с. 191]. Получить революционную Финляндию вблизи столицы империи и основных баз Балтийского флота являлось крайним проявлением недалёковидности Николая II и его окружения. Консервативная пресса жестко критиковала эти круги, обвиняя их в поддержке финляндского сепаратизма и революционных радикалов [38]. Финляндский вопрос прочно занимает весомые позиции в российском общественно-политическом дискурсе. Даже, казалось бы, обычные практики, как приглашение финляндских художников на выставку воспринимается как политический манифест [6, с. 187-188].

2. Материалы и методы

Представленная тематика нашла отражение в широком круге, использованных источников, включая документы канцелярии генерал-губернатора Финляндии, заключения сената и сейма княжества, законодательные акты, журнал Журнал высочайше образованного Особого совещания для обсуждения вопроса о введении русского языка в делопроизводство правительственных установлений Великого княжества Финляндского от 19 января 1900 г. Часть материалов хранится в фондах Национального архива Финляндии. Важное место в исследовании занимают воспоминания российских политиков, деятелей культуры и военных.

В советской историографии политика наступления царизма на права Финляндии нашла отражение в целом ряде публикаций. Так, А. Я. Аврех подробно рассматривает антифинляндский курс России П. А. Столыпина [1]. В современной российской историографии политика России в Финляндии в конце XIX – начале XX вв. вызывает пристальное внимание в целом ряде исследований. И. Н. Новикова поднимает тему отношения имперской элиты к проблеме будущих отношений России и Финляндии на рубеже XIX-XX вв. Одним из проявлений формирования «нового курса» становится публичность финляндской политики [28]. А. П. Петухова в своих работах раскрывает представления правящей элиты империи по поводу формирования основных направлений политики в отношении княжества, показывая наличие сильной оппозиции политике Николая II даже в рядах правящих кругов империи [29]. А. Ю. Бахутрин рассматривает полемику между Россией и Финляндией в 1908-1910 гг., после очередного витка наступления империи на права автономии [2].

Свой вклад в изучение правового статуса Финляндии в составе России и причин нарастания конфликта по поводу ее статуса в составе империи вносят российские юристы [17].

В трудах историков Финляндии политика России по отношению княжества воспринимается весьма отрицательно. О. Юссила выделяет основные этапы проведения политики унификации в княжестве [40]. Финский исследователь Т. Полиниен отмечает упорство империи в проведении «ошибочной» политики в Финляндии, ведущей ее в тупик, что не в последнюю очередь было связанной с личностью последнего российского императора [32].

3. Результаты

Центральное место в политике унификации и русификации в Финляндии становится расширение применения русского языка в делопроизводстве, к чему на протяжении многих лет призывали российские консерваторы. В самой Финляндии языковые баталии к концу XIX в. значительно стихли. Вопрос о равноправии финского и шведского языков к моменту прихода на престол Николая II несколько потерял свою остроту, но он по-прежнему являлся предметом дискуссии между финскими и шведскими политиками и общественными деятелями. Империя в этом вопросе, начиная с Александра II, делала ставку на поддержку финского языка, в том числе для ослабления политического влияния в княжестве шведской партии [22, с. 379]. На его ход развития начинает влиять новая сила в лице имперской бюрократии. Она попыталась языковой конфликт использовать в своих интересах, в том числе для продвижения в княжестве русского языка. С 1894 г. преподаватели Хельсинского университета должны были знать финский язык, так пал последний оплот монополии шведского языка.

Проводником активной политики в княжестве становится новый генерал-губернатор Финляндии Н. И. Бобриков, назначенный на должность 18 августа 1898 г. Его активно поддерживал В. К. фон Плеве с 17 августа 1899 г. исполнявший обязанности министра-секретаря Великого княжества Финляндского [5, с. 180]. Следует отметить, что Н. И. Бобриков превыше всего ставил интересы империи и мало считался с конституционными правами Финляндии [31, с. 342]. Важное место в проведении наступления на права автономии играл военный министр А. Н. Куропаткин, имевший большое влияние на молодого императора. Оппозицию антифинляндскому курсу Николая II составляли вдовствующая императрица Мария Федоровна, С.Ю. Витте, бывший генерал-губернатор Финляндии Ф. Г. Гейден, датский король Христиан IX др. [35, с. 140].

Н. И. Бобриков и правящая элита в Санкт-Петербурге понимали необходимость распространения русского языка в Финляндии для укрепления позиций империи внутри княжества, несмотря на все препятствия и сопротивление со стороны населения княжества. По их мнению, ни что так не укрепляло единство империи как утверждение русского языка в национальных окраинах. Соответственно, доминирование других языков создало благоприятные условия для ослабления империи. Поэтому в их восприятии Финляндии, где доминировал шведский язык, оставалась «чуждой» территорией [18, с. 375]. Сохранение господства шведского языка в административной системе и образовании Финляндии признается большой ошибкой, допущенной империей в предыдущие годы. Н.И. Бобриков жаловался императору, что почти все сенаторы Финляндии знали русский язык, но стремились его в обиходе не использовать [7, с. 10]. По мнению имперской бюрократии, в XIX в. правительство России больше уделяло внимания преданию равноправного статуса шведскому и финскому языкам в княжестве, чем расширению сферы применения русского языка [15, с. 136].

Было еще одно обстоятельство, определявшее языковую политику России. В своей записке генерал-губернатор Ф. А. Зейн признал среди причин необходимости распространения в княжестве русского языка, тот момент, что он становился инструментом усиления контроля России над деятельностью органов власти в княжестве и отслеживания оппозиционных настроений в обществе [12, с. 601-602].

В мае 1897 г. сенат по настоянию монарха обязывает всех губернаторов княжества предоставлять ежегодные отчеты генерал-губернатору на русском языке и по их выбору второй экземпляр сдавался либо на шведском, либо на финском языке. Экономический департамент сената вел делопроизводство на шведском или финском языке, делая перевод на русский язык необходимых документов [15, с. 135]. В целом до начала XX в. поддерживался приемлемый для сторон консенсус при использовании в делопроизводстве трех языков, используемых в княжестве, хотя не все политические силы устраивал данный компромисс. Постоянно раздавались жалобы с разных сторон об ущемлении того или иного языка.

15 декабря 1897 г. и 8 сентября 1899 г. издаются Высочайшие постановления, затрагивающие назначение высших полицейских чинов во всех крупных городах Финляндии, включая Хельсинки, Выборг, Турку, Тампере, Пори. Полицеймейстеры данных городов должны были знать русский язык. Такая же обязанность возлагалась на секретарей полиции первых трех городов. В Тампере и Пори в случае возникновения конкурса на замещение вакантных должностей, предпочтение отдавалось кандидатурам, владевшим русским языком. Такое же правило действовало при назначении комиссаров, обер-констеблей и констеблей полиции в Хельсинки, Турку и Выборге. В указанных городах в полицейских управлениях следовало иметь лиц, владеющих русским языком [15, с. 134-135].

25 января 1899 г. выходит манифест, вызвавший большой резонанс в финляндском обществе. Согласно этому документу, при назначении на должности сенаторов, губернаторов и начальников главных управлений все кандидаты должны были знать русский язык. Исключением становится судебный департамент сената, для которого определялся переходный период до 26 января 1904 г.

В административной практике Финляндии расширялось правило предпочтения кандидатам, знающим русский язык. Однако, в действительности, оно не всегда соблюдалось. Высшие должностные лица, являвшиеся финнами или шведами, не считали это требование обязательным к исполнению, относя его к рекомендательным нормам.

17 февраля 1899 г. принимается указ Николая II о его праве издавать законы Финляндии без учета мнения сейма и сената, касающиеся общеимперских дел после их рассмотрения в Государственный совет России [8, с. 5-7]. Это открывало путь для начала наступления на права автономии и принятия, угодных империи законов в обход мнения княжества. Для финляндского общества появление данного указа становится точкой не возврата, когда нормальные отношения с империей становятся невозможными [36, с. 102]. Манифест 17 февраля 1899 г. становится важной вехой в наступлении империи на права финляндской автономии.

Николай II и его окружение первоначально решили ограничить права сената Финляндии в пользу Государственного совета России. Данные действия вызвали протесты со стороны правящих кругов и интеллектуальной элиты Финляндии, а также рост антироссийских настроений в обществе. Первоначально сенаторы планировали обнародовать указ, но под влиянием общественного мнения они отказались это делать [22, с. 358]. Вопрос об изменении статуса сената Финляндии становится отправной точкой политики русификации княжества. Данный манифест открывал возможности для принятия языковых законов в обход сената и сейма.

Н.И. Бобриков предложил императору в марте 1899 г. обширный план действий, направленный на ограничение прав Финляндии и расширение прерогатив российского правительства на его территории. Н.И. Бобриков кроме мер политического характера предлагал комплекс реформ, затрагивающий вопросы образования и статуса русского языка в княжестве.

Во-первых, Н.И. Бобриков предлагал создать специальную комиссию, которая должна была пересмотреть учебные программы и учебные пособия во всех учебных заведениях Финляндии, начиная с начальных школ и заканчивая университетом в пользу усиления и

расширения преподавания русского языка. Генерал-губернатор констатировал, что они не выдержаны в общегосударственном духе и сеют среди финляндской молодежи крамолу. По сути, он настаивал на введении цензуры в системе образования княжества. Во-вторых, Н.И. Бобриков предлагал ввести русский язык в систему административного использования наряду с финским и шведским языками. Этот акт должен был символизировать укрепление власти империи над Финляндией и способствовать росту популярности русского языка на территории княжества. Более того, данная мера привела бы к росту численности российских чиновников, получавших назначение в Финляндию, так как они не знали шведский и финский языки, и это служило препятствием для их карьеры в княжестве. Они должны были стать проводниками интересов империи в княжестве. В перспективе русский язык проникал в армию Финляндии, укрепив ее связь с военным ведомством России. В-третьих, предлагалось вывести из подчинения местных властей русские православные школы, где, по мнению Н.И. Бобрикова, учащиеся совсем забыли русский язык [13, с. 71]. В-четвертых, начать издание в Финляндии русской газеты, отражающей интересы имперских властей и распространяющей общегосударственную идею. Особое внимание Н.И. Бобриков отводил необходимости изучения истории и географии России в школах Финляндии. Для чего требовались подготовленные специалисты. История России преподавалась в княжестве в рамках курса Всемирной истории: на историю Руси от основания до конца XIV в. отводилось 2 страницы, на Московскую Русь 2 страницы, историю России XVIII-XIX вв. 3 страницы. Генерал-губернатора не устраивали трактовки российской истории. Так, Россия XVII в. назвалась «варварской», а победа шведов под Нарвой в 1700 г. «Блистательной» и т.д. [7, с. 135]. В своем письме Н.И.Бобрикову от 1 апреля 1899 г. Николай II фактически поддержал предложения генерал-губернатора, приписывая рост недовольства в Финляндии проискам шведской интеллигенции [30, с. 73-74]. Император поддержал идею усиления контроля над системой образования Финляндии.

В мае 1899 г. вопрос о статусе русского языка приобретает новое звучание. Император потребовал полной унификации Устава о воинской повинности Финляндии с аналогичным Уставом Российской империи. Более того, на службу в финляндскую армию должны были привлекаться жители империи для расширения использования в ней русского языка [20, с.149]. Сейм княжества в специальном обращении подверг сомнению целесообразность такой реформы, на том основании, что действующий Устав в полной мере обеспечивает совместные действия финляндских бригад/дивизий с общеимперской армией на военных учениях и в случае начала войны. Этот факт с полным основанием относился и к статусу русского языка в финляндских частях. Депутаты подчеркивали проведение строевых занятий в финляндских подразделениях на русском языке [19, с. 90]. Этого вполне было достаточно. По их мнению, введение данной реформы имело дискриминационный характер, так как она фактически включало непременное условие прохождения службы – знание русского языка. С одной стороны, реформа являлась инструментом русификации, а с другой стороны, отсекала от военной карьеры значительную часть населения Финляндии. Жители княжества, имевшие среднее и высшее образование, могли получить сокращенный срок воинской службы только по предъявлению справки о знании русского языка.

В данном документе депутаты сейма выразили общее отношение к русскому языку. Они подчеркивали, что административно-правовые методы продвижения русского языка абсолютно бесперспективны. Для жителей княжества вполне достаточно изучение двух официальных языков, к русскому языку они не проявляли никакого интереса. В силу национального характера финнов и шведов русский язык не получит распространения среди них. Реальная жизнь сама заставляла некоторых жителей Финляндии изучать русский язык. Прежде всего, тех, кто имел тесные деловые связи с предпринимателями России, ее государственные учреждения, офицерский состав финляндских частей [19, с.93]. В Финляндии отрицали практическую необходимость расширения сферы применения русского языка, ви-

дя в этом одно из проявлений политики насильственной русификации княжества и наступления на его автономию.

К началу XX в. русский язык преподавался в школах и в лицеях практически всех значимых городов Финляндии. Правда, Н.И. Бобриков считал, что качество его преподавания в статусе одного из иностранных языков не выдерживало никакой критики, особенно в классических лицеях, где его выбирали между латинским и немецким языками [7, с. 128]. В результате, даже поданные России, попадая в княжество, забывали свой язык и культуру, ассимилировавшись с местным населением, меняя фамилии и имена на финский или шведский манер, особенно это обстоятельство было присуще предпринимательскому сословию [7, с. 128].

11 декабря 1899 г. в Санкт-Петербурге прошло Особое совещание, обсудившие необходимость введения русского языка в Финляндии. В его работе приняли участие граф Л.Ф. Гейден, Обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, действительный статский советник, известный российский специалист по международному праву Э. В. Фриш, генерал-губернатор Финляндии Н. И. Бобриков, действительный статский советник, и.о. министра – статс-секретаря Великого княжества Финляндского и будущий министр внутренних дел В. К. фон Плеве и министр юстиции Н. В. Муравьев. Участники Особого совещания, обсуждавшие планы по расширению использования русского языка сочли доводы сейма несостоятельными. По их мнению, русский язык для Финляндии не являлся иностранным, так как она является частью Российской империи. К тому же гражданская доблесть и профессионализм не исключали необходимость и важность знания русского языка. Они обращались к историческому экскурсу, отмечая указы императора Александра I 1812 и 1813 гг., указ Николая I 1826 г. о делопроизводстве, указ Александра II 1866 г. о приеме обращений на русском языке и др., которые требовали знания чиновниками княжества русского языка, и которые никто формально не отменял [15, с.137]. Поэтому участники Особого совещания не видели юридических препятствий для предания русскому языку статуса официального, исходя из сложившейся политической практики, и не считали любые ссылки к исторической прошлой Финляндии весомым аргументом для исключения такой возможности.

Следовательно, Особое совещание не сомневалось в необходимости введения русского языка в качестве официального языка Великого княжества Финляндского. Вопрос заключался в том, в каких органах власти следовало ввести русский язык, где его можно было использовать наравне с другими языками и какой определить переходный период введения в делопроизводство русского языка. При этом участники Совещания декларировали, что данная мера ни в коем случае не направлена на ассимиляцию народов княжества или на ущемление их национальных чувств. В сфере культуры, образования, богослужения, в частной жизни в органах местного самоуправления они могли использовать финский или шведский языки.

По данному поводу высказался граф Ф. Л. Гейден, занимавший с 1881 по 1898 гг. должность генерал-губернатора Финляндии. Славянофил и сторонник постепенной русификации княжества, он одновременно выступал против радикальных методов проведения данной политики. Занимая высокую должность, он активно поддерживал финский язык в противовес шведскому языку, содействуя его использованию в административной системе, юриспруденции, образовании и армии. Ф. Л. Гейден полагал, что империя и княжество должны были четко обговорить права и обязанности сторон. Он, ссылаясь на указ 1866 г., подчеркивал важность разграничения сферы использования трех языков в делопроизводстве Финляндии, но призывая действовать осторожно [15, с. 138].

Особое совещание принимает решение поддержать перевод практически всего делопроизводства княжества на русский язык, при дублировании в случае необходимости многих документов на местных языках, в том числе в хозяйственном департаменте сената, его

экспедиции, канцелярии генерал-губернатора, статс-секретариате, штабе Фридрихсгамского (Хаминского) кадетского корпуса. В судопроизводстве Особое совещание считала такую меру преждевременной, и скорее всего, непрактичной, так как в данном случае пришлось перестраивать всю систему судопроизводства в Финляндии, а для этого не было, ни необходимых кадров, ни финансовых ресурсов. Данная мера также могла привести к росту недовольства местного населения. Поэтому судебный департамент сената вел заседания на шведском или финском языке. Все главные и губернские правления вели делопроизводство на русском языке с его переводом на финский язык для низших инстанций [15, с. 139].

Все органы власти и судебные инстанции должны были вести переписку с империей на русском языке. Суды должны были принимать решение на том языке, на котором подавалось заявление. Кроме этого, Особое совещание подтвердило необходимость в первую очередь принимать на государственную службу в Финляндии лиц, знающих русский язык. В качестве подтверждения они могли предоставить свидетельства высших и средних учебных заведений империи или сдать экзамен в Финляндии в присутствии инспектора и учителя русского языка или православного священника [15, с. 139].

Особое совещание признавало, что на первых порах введение русского языка приведет к путанице и бюрократической неразберихе, но оно требовало проведения реформы решительно и последовательно, не обращая внимания на временные трудности. Население, первоначально недовольное, проводимой реформой, постепенно привыкнет к новой политике и будет широко применять в обиходе русский язык. Особое совещание не запрещало подачу заявлений от частных лиц в высшие органы власти на шведском или финском языках [15, с. 141].

Отдельно, Особое совещание оговаривало сроки перевода высших государственных учреждений Финляндии на русский язык. Статс-секретариат, канцелярия генерал-губернатора, Финляндская паспортная экспедиция в Санкт-Петербурге до 1 октября 1900 г. полностью переводили делопроизводство на русский язык. Хозяйственный департамент сената, губернские управления, канцелярии губернаторов данный процесс завершали до 1 октября 1905 г. В то же время, переписка хозяйственного департамента сената с губернаторами и другими органами власти переводилась на русский язык до 1 октября 1903 г. [15, с. 142]. В результате с 1899 г. по 1904 г. численность сотрудников канцелярии генерал-губернатора увеличилось с 11 до 31. Все они являлись поданными России, прибывшими из-за пределов Финляндии. Если в 1899 г. все сотрудники канцелярии являлись гражданами Финляндии, то в 1904 г. таких практически не осталось [27, л. 5]. В результате на высшие должности в Финляндии назначались лица не по своим деловым качествам, а только исходя из их знания русского языка [3, с. 127]. Власти империи, понимая определенные риски, предписывали чиновникам, прибывшим из России учить местные языки, желательно осваивая местную историю и культуру.

По итогам работы Особого совещания Николаем II подписывается Высочайший манифест о введении русского языка в делопроизводство Великого княжества Финляндского. С 1 октября 1900 г. вся переписка канцелярии генерал-губернатора, статс-секретариата, Финляндского паспортного стола в Санкт-Петербурге производилась только на русском языке. С этого же времени хозяйственный отдел сената в общении с губернаторами княжества переходил на русский язык, но по необходимости с переводом документов на шведский или финский языки. С 1 октября 1903 г. хозяйственный отдел сената все делопроизводство переводил на русский язык, кроме документов, подготовленных на шведском или финском языке, по просьбе заявителей, которым документы выдавались сенатом на одном из данных языков. Председатель сената еще в течение 5 лет разрешал выступать сенаторам на шведском или финском языках. Ведомства, подчиняющиеся сенату, правления губерний с 1 октября 1905 г. в общении с вышестоящими инстанциями переводились на русский язык. Все структуры, перешедшие в делопроизводство на русский язык, должны были при-

нимать заявления от частных лиц на финском или шведском языках. Обращение, подготовленные на русском языке принимались всеми органами власти Финляндии [34, с. 628-629]. В 1902 г. появляются Высочайшие постановления, регламентирующего введение русского языка в административной системе управления и судопроизводстве [10, с. 332-333]. С 1903 г. русский язык без особого распоряжения постепенно внедряется на таможене и железных дорогах Финляндии [18, с. 376].

Финляндский сенат 30 июня 1900 г. вынес по поводу языковой политики специальное представление, отказавшись обнародовать манифест императора. В нем шла речь о полной внутренней автономии Финляндии, дарованной ей императором Александром I и последующими российскими монарха. Поэтому вопрос о языке делопроизводства, официальных языках княжества находился в компетенции автономии и император не в праве в одностороннем порядке решать этот вопрос. По мнению сената, управление княжеством должно осуществляться на местных языках, а не на языке непонятном подавляющему числу его жителей. Увеличение численности русскоговорящих чиновников не входило в противоречие с законами Финляндии, так как оно не затрагивало проблему статуса официальных языков в княжестве [33, с. 165-166].

Сенат предупреждал российские власти о проблемах, возникающих при реализации на практике манифеста о русском языке. Во-первых, он приведет к росту недовольства среди общественности Финляндии, что может осложнить ее взаимоотношения с империей. Во-вторых, в высших эшелонах власти княжества работает незначительное количество чиновников, знающих русский язык, и еще меньше, способных вести на нем делопроизводство и правильно переводить документы. По расчетам сената около 370 штатных чиновников и еще больше внештатных чиновников попадало под действие манифеста и как минимум 2/3 из них должны были знать русский язык. В случае невыполнения этого требования они подлежали увольнению, но тут возникала еще одна проблема, часть чиновников, можно было уволить только по решению суда. Уволенных чиновников невозможно было в кратчайшие сроки заменить на новых сотрудников, владевших русским языком. Это привело бы к коллапсу всей административной системы в княжестве [33, с. 167].

Финляндия уже столкнулась с такого рода проблемами, когда значительная часть чиновников жаловалась на нереальность владения, тем более профессионального использования одновременно шведского и финского языков. Изучение третьего языка в таком случае еще больше усугубляло проблему. Сенат волновала и необходимость выделения больших средств на организацию обучения русскому языку чиновников. Изучение третьего языка снизило бы общий уровень профессиональной подготовки чиновников, так как увеличение учебных часов на русский язык делалось за счет профессиональных дисциплин. Более того, 12 сенаторов выразила готовность уйти в отставку, если империя будет настаивать на проведении в жизнь языкового манифеста. Н. И. Бобриков назвал действия сената неоправданными и призвал Санкт-Петербург не реагировать на его угрозы [37, с. 172]. Сейм полностью поддержал действия Сената, приняв соответствующую петицию. Одновременно генерал-губернатор предпринимает меры по назначению инспекторов и их помощников, отвечающих за проверку знаний гражданами княжества русского языка из числа поданных России, не проживавших на его территории [25, л. 2-4].

Последним аккордом в принятии языковых законов становится проведение 20-27 марта 1901 г. Особого совещания по делу о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском в котором не находит больших противоречий в процедуре принятия нового Устава о воинской службе. 21 мая 1901 г. оно же выносит специальное заключение по данному поводу. В нем шла речь о том, что все офицеры и унтер-офицеры финляндской армии должны были свободно говорить на русском языке. Отдельно министру статс-секретарю, генерал-губернатору и сенату Финляндии следовало в кратчайшие сроки пересмотреть учебные планы всех военных учебных заведений княжества, чтобы увеличить количество

учебных часов, выделяемых для преподавания русского языка [16, с.218]. 12 июля 1901 г. Николай II подписывает Манифест об издании для Финляндии нового Устава о воинской службе. В нем четко прописывалась необходимость владения русским языком офицерами и унтер-офицерами [23, с. 244].

Подводя итоги 1900-1903 гг. имперские власти выделяли те структуры, где законодательство об использовании русского языка было реализовано практически в полном объеме. К ним относились статс-секретариат, канцелярия генерал-губернатора, паспортная экспедиция, хозяйственный департамент сената, подчеркивая, что с 1 октября 1905 г. на него полностью перейдут главные и губернские правления [26, л. 36]. Но начальник отделения генерального штаба полагал, что манифест 1900 г. следовало обновить, чтобы обязать главные и губернские правления вести переписку на русском языке не только с вышестоящими инстанциями, но и равными себе и нижестоящими инстанциями. Более того в тех общинах, где проживало исключительно финское или шведское население было желательно вести переписку на русском и местном языке.

Российская община Финляндии вносит свой вклад в оценку языковой политики. Один из офицеров, служивший в Финляндии, успех новой политики видел в росте стремления жителей княжества отдавать своих детей в те школы, где изучался русский язык, в том числе в русские школы княжества. В тоже время, по мнению генерал-губернатора, здесь возникла большая проблема – нехватка учебных помещений. Поэтому многим школам приходилось отказывать жителям княжества в приеме детей для изучения русского языка [26, л. 37].

В Финляндии и за ее пределами языковая политика России вызвала большой общественно-политический резонанс. На страницах финляндской печати развернулась дискуссия о языковой политике России в Финляндии. Все авторы публикаций поддерживали традиционную политику империи, закрепивший в качестве официальных языков шведский и финский. Политика Николая II в этом отношении подвергалась жесткой критике. Финляндская пресса не сомневалась в попытках России проводить политику ассимиляции местного населения, его русификации и первым инструментом в достижении данной задачи становится внедрение в княжестве русского языка, сначала в сферу административного делопроизводства, а затем и в других сферах жизни общества. Лидеры Финляндии позволяли жесткие и радикальные высказывания в адрес России и Николая II, что вызывало раздражение среди российских консерваторов, убежденных в необходимости ликвидации автономии княжества [32, с. 252]. В знак протеста жители Финляндии надевали траурные одеяния, демонстрируя свое неприятие указу от 3 февраля 1899 г. [4, с. 121-122]. Княжество захлестнули акции массового неповиновения, затронувшие практически все слои финляндского общества. В результате около столицы империи возник регион, где набирали силу антироссийские настроения, чего так опасались противники наступления на права Финляндии среди представителей высших эшелонов власти в Санкт-Петербурге.

В условиях повального бойкота использования русского языка в Финляндии в сложной ситуации оказались губернаторы финляндских губерний. С одной стороны, с них империя требовала исполнения всех предписаний. С другой стороны, они находились под давлением общественности и практики, показывавшей сложности и проблемы при введении русского языка в княжестве. Полногие губернаторы сами не знали русский язык, и для них приходилось готовить документы, как на местном, так и русском языке [26, л.6]. Часть губернаторов, предчувствовала свою скорую отставку, что не могло не сказаться на эффективности их работы.

4. Заключение

Таким образом, вопрос о продвижении русского языка в Финляндии становится одной из проблем во взаимоотношениях Великого княжества Финляндского с Россией в конце XIX – начале XX вв. Российские власти видели в этом инструмент укрепления связей Фин-

ляндии с Россией и позиций империи в княжестве. Следовательно, правящая элита России признавала решающую роль русского языка в интеграции Финляндии в имперское пространство. В тоже время, в Санкт-Петербурге возникла оппозиция политике Николая II. Она включала не только российских либералов, но и часть представителей императорского двора, высшей бюрократии и военных. Данная часть имперской элиты опасалась дестабилизации ситуации в княжестве, игравшего важную роль в обороне Санкт-Петербурга и Северо-Западной России. Принятый цикл законов должен был продвигать русский язык во всех сферах жизни Финляндии и прежде всего в его системе управления и в армии. Имперская бюрократия, в общем, позитивно воспринимала реализацию на практике законов 1897-1901 гг., не обращая особого внимания на возражения и доводы финляндской стороны и возникающие практические сложности. Однако, стабильность оказалась обманчивой. Общественность Финляндии консолидируется, протестуя против языковых законов. Традиционные пророссийские силы оказались в сложной ситуации. Использование русского языка в княжестве было затруднено и приводило к серьезным издержкам. Финляндское общество проводит тактику бойкота русского языка, развивая антироссийские настроения. Все этого привело к глубокому кризису в отношениях между Россией и Финляндией в 1904-1906 гг., завершившегося отменой «языкового курса» 1897-1901 гг., правда, ненадолго.

Список источников и литературы

1. Аврех, А. Я. (1968). *Столыпин и Третья Дума*. М.: Наука, 520 с.
2. Бахтурина, А. Ю. (2007). *Дискуссии об общегосударственном и местном законодательстве в отношении Великого княжества Финляндского (1908–1910 гг.)*// Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия. Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 8. С. 31-46.
3. Бахтурина, А. Ю. (2018). *Кадровая политика генерал-губернатора Н.Н.Герарда в Финляндии в 1905-1906 гг.* // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия. История. Политология. Международные отношения. № 4. С. 119-129.
4. Богданович, А. В. (1924). *Три последних самодержца: Дневник А. В. Богданович* М.-Л.: Воен. тип. Штаба Р.К.К.А. 504 с.
5. Бородкин, М. М. (1911). *Краткая история Финляндии*. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг. 198 с.
6. Бенуа, А. (1980). *Мои воспоминания*. Кн. IV-V. М.: Наука. 783 с.
7. Всеподданнейший отчет финляндского генерал-губернатора по управлению Великим княжеством с сентября 1898 по сентябрь 1902 г. СПб.: Государственная типография, 1902. 268 с.
8. Высочайший манифест от 15 февраля 1899 г. // Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший Манифест от 3/15 Февраля 1899 г. Берлин: М. Штур, 1901. 123 с.
9. Высочайшее постановление об изменениях правил в Высочайше утвержденные правила о формах и порядке обнародования указаний и правительственных распоряжений. Издаваемых для Великого княжества Финляндского. 10 июля 1902 / Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг. Т.1. От автономии к противостоянию. Сост. М.В. Зеленов, П. Хакала. М.: РОССПЭН, 2021. С. 332-333.
10. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому «Об употреблении русского языка в исходящих от финляндских правительственных установлений бумаг. 19 июня 1902 // Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг. Т.1. От автономии к противостоянию. Сост. М.В. Зеленов, П. Хакала. М.: РОССПЭН, 2021. С.329-330.
11. Данилов, Ю. Н. (1992). *На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии*. М.: Военное издательство. 286 с.

12. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора Ф.А. Зейна председателю Совета министров П.А. Столыпину о некоторых законодательных мерах, вызываемых нынешним положением Финляндии. 7 ноября 1910 г. / Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг. Т.2. Динамика противостояния 1908-1917 гг. Сост. М.В. Зеленов, П. Хакала. М.: РОССПЭН, 2021. С. 596-602.

13. Доклад Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова Императору Николаю II с программой подчинения Финляндии России от 11 (23) марта 1899 г. // Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг. Т.1. От автономии к противостоянию. Сост. М.В.Зеленов, П.Хакала. М.: РОССПЭН, 2021. С.71-73.

14. Епанчин, Н. А. (1996). *На службе трех императоров*. М.: Полиграфресурсы. 573 с.

15. Журнал высочайше образованного Особого совещания для обсуждения вопроса и введении русского языка в делопроизводство правительственных установлений Великого княжества Финляндского от 19 января 1900 г. // Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг. Т. 1. От автономии к противостоянию. Сост. М.В. Зеленов, П. Хакала. М.: РОССПЭН, 2021. С. 132-143.

16. Заключение Особого совещания по делам о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском от 21 мая 1901 г. // Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг. Т. 1. От автономии к противостоянию. Сост. М.В. Зеленов, П. Хакала. М.: РОССПЭН, 2021. С.217-218.

17. Зиновьев, А. В., Уткин Н. И. (2000). *Взаимоотношения Российской империи с Великим княжеством Финляндским: историко-правовой анализ и современность* // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 2. С. 73-82.

18. Из «Высочайшей записки» Финляндского генерал-губернатора 1902-1903» Императору Николаю II о законодательных и административных мероприятиях в Финляндии с сентября 1892 по январь 1904 г. 3 марта 1904 г. // Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг. Т. 1. От автономии к противостоянию. Сост. М.В. Зеленов, П. Хакала. М.: РОССПЭН, 2021. С. 373-380.

19. Из всеподданнейшего отзыва земских чинов Финляндии по поводу Его Императорского Величества предложений с проектом Устава о воинской2 повинности и об основных началах устройства и управления финских войск от 27 мая 1899 г. / Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг. Т.1. От автономии к противостоянию. Сост. М.В. Зеленов, П. Хакала. М.: РОССПЭН, 2021. С. 88-98.

20. Из «Проекта Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском (с объяснительными моментами) // Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг. Т. 1. От автономии к противостоянию. Сост. М.В. Зеленов, П. Хакала. М.: РОССПЭН, 2021. С.140-150.

21. Кадеты и финляндский протест // Россия. 1910. 31 марта.

22. Клинге, М. (2005). *Имперская Финляндия*. СПб.: Коло. 614 с.

23. Манифест об издании Высочайше утвержденного для Великого княжества Финляндского нового Устава о воинской службе 12 июля 1901 / Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг. Т.1. От автономии к противостоянию. Сост. М.В. Зеленов, П. Хакала. М.: РОССПЭН, 2021. С.243-244.

24. Меньшиков, М. *Великорусская партия* // Новое время. 1907. 21 июня.

25. Национальный архив Финляндии. Канцелярии Финляндского генерал-губернатора. Hd. 20. Д. 322.

26. Национальный архив Финляндии. Канцелярии Финляндского генерал-губернатора Hd. 183. Д. 10-3.

27. Национальный архив Финляндии. Канцелярии Финляндского генерал-губернатора. Hd. 350. Д. 54 (1907).

28. Новикова, И. Н. (1997). *Великое княжество Финляндское в имперской политике России* // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М.: ЗАО «Первый печатный двор». С. 141-143.

29. Петухова, А. П. (2008). «Финляндский вопрос» в системе внутривнутриполитических представлений российской правящей элиты в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 4. С. 56-64.

30. Письмо Императора Николая II Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову о проведении Манифеста 3 февраля в жизнь от 1 апреля 1899 г. / Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг. Т. 1. От автономии к противостоянию. Сост. М.В. Зеленов, П. Хакала. М.: РОССПЭН, 2021. С.73-74.

31. Погодин, С. Н., Рябов А. Л. (2016). *Первый период русификации Финляндии (1899-1905 гг.)* // Россия в глобальном мире. № 9. С. 338-248.

32. Полвинен, Т. (1997). *Держава и окраина*. СПб.: Европейский дом. 318 с.

33. Представление Финляндского Сената Императору Николаю II с протестом против введения русского языка в делопроизводство Финляндии от 30 июля 1900 г. // Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг. Т.1. От автономии к противостоянию. Сост. М.В. Зеленов, П. Хакала. М.: РОССПЭН, 2021. С. 165-168.

34. Полное собрание законно Российской империи (1902). Т. XX. Отдел 1. СПб.: Государственная типография. 1168 с.

35. Похлебкин, В. В. (1975). *СССР – Финляндия: 260 лет отношений. 1713-1973 гг.* М.: Международные отношения. 408 с.

36. Рассила, В. (1996). *История Финляндии*. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета. 294 с.

37. Сопроводительное письмо Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова министру статс-секретарю фон В.К. Плеве к представлению Сената // Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг. Т.1. От автономии к противостоянию. Сост. М.В. Зеленов, П. Хакала. М.: РОССПЭН, 2021. С.172.

38. Талин, Н. А. *Финляндия к столетию покорения*. Ч. 2 // Московские ведомости. 1908. 19 января.

39. По финляндскому вопросу // Гражданин. 1908. № 35–36.

40. Юссила, О. (2009). *Великое княжество Финляндское 1809-1917*. Хельсинки: Ruslania Books Oy. 844 с.

References

1. Avreh, A.Ja. (1968). *Stolypin i Tret'ja Duma* [Stolypin and the Third Duma]. Moscow, Nauka. (in Russian).

2. Bahturina, A. Ju. (2007). *Diskussii ob obshhegosudarstvennom i mestnom zakonodatel'stve v otnoshenii Velikogo knjazhestva Finljandskogo (1908–1910 gg.)* [Discussions on national and local legislation in relation to the Grand Duchy of Finland (1908-1910)] In *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Serija. Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija*, 8. (in Russian).

3. Bahturina, A. Ju. (2018). *Kadrovaja politika general-gubernatora N.N.Gerarda v Finljandii v 1905-1906 gg.* [Personnel policy of Governor-General N.N. Gerard in Finland in 1905-1906] In *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Serija. Istorija. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 4. (in Russian).

4. Boglanovich, A. V. (1924). *Tri poslednih samodержca: Dnevnik A. V. Bogdanovich* [The Last Three Autocrats: Diary of A.V. Bogdanovich]. Moscow-Leningrad, Tipografija shtaba Krasnoj Armii. (in Russian).

5. Borodkin, M. M. (1911). *Kratkaja istorija Finljandii* [A Brief History of Finland]. St. Petersburg, Tovarishhestvo R. Golike i A. Vil'borg. (in Russian).
6. Benua, A. (1980). *Moi vospominanija* [My Memories]. Kn. IV-V. Moscow, Nauka. (in Russian).
7. *Vsepoddannejšij otchet finljandskogo general-gubernatora po upravleniju Velikim knjazhestvom s sentjabrja 1898 po sentjabr' 1902 g.* [The Most Humble Report of the Finnish Governor-General on the Administration of the Grand Duchy from September 1898 to September 1902.] St. Petersburg, Gosudarstvennaja tipografija. (in Russian).
8. *Vysochajšij manifest ot 15 fevralja 1899 g.* [The Imperial Manifesto of February 15, 1899] In *Materialy po finljandskomu voprosu. Vysochajšij Manifest ot 3/15 Fevralja 1899 g.* Berlin, M. Shtur, 1901. (in Russian).
9. *Vysochajshee postanovlenie ob izmenenijah pravil v Vysochajshe utverzhdennye pravila o formah i porjadke obnarodovanija ukazanij i pravitel'stvennyh rasporjazhenij. Izdavaemyh dlja Velikogo knjazhestva Finljandskogo. 10 ijulja 1902* [The Imperial Resolution on Amendments to the Rules in the Imperially Approved Rules on the Forms and Procedure for Promulgating Directives and Government Orders. Issued for the Grand Duchy of Finland. July 10, 1902] In *Rossija i nezavisimost' Finljandii 1899-1920 gg., 1 Ot avtonomii k protivostojaniju.* Sost. M.V. Zelenov, P. Hakala. Moscow, ROSSPJeN, 2021. (in Russian).
10. *Vysochajshee postanovlenie po Velikomu knjazhestvu Finljandskomu «Ob upotreblenii russkogo jazyka v ishodjashih ot finljandskih pravitel'stvennyh ustanovlenij bumag. 19 ijunja 1902.* [The Supreme Decree on the Grand Duchy of Finland "On the use of the Russian language in papers emanating from Finnish government institutions. June 19, 1902.] In *Rossija i nezavisimost' Finljandii 1899-1920 gg., 1 Ot avtonomii k protivostojaniju.* Sost. M.V. Zelenov, P. Hakala. Moscow, ROSSPJeN, 2021. (in Russian).
11. Danilov, Ju. N. (1992). *Na puti k krusheniju: Oчерki iz poslednego perioda russkoj monarhii* [On the Road to Collapse: Essays from the Last Period of the Russian Monarchy]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo. (in Russian).
12. *Dokladnaja zapiska Finljandskogo general-gubernatora F.A. Zejna predsedatelju Soveta ministrov P.A. Stolypinu o nekotoryh zakonodatel'nyh merah, vzyvaemyh nyneshnim položeniem Finljandii. 7 nojabrja 1910 g.* [Report of the Finnish Governor-General F.A. Zein to the Chairman of the Council of Ministers P.A. Stolypin on some legislative measures caused by the current situation in Finland. November 7, 1910] In *Rossija i nezavisimost' Finljandii 1899-1920 gg., 1 Ot avtonomii k protivostojaniju.* Sost. M.V. Zelenov, P. Hakala. Moscow, ROSSPJeN, 2021. (in Russian).
13. *Doklad Finljandskogo general-gubernatora N.I. Bobrikova Imperatoru Nikolaju II s programmoj podchinenija Finljandii Rossii ot 11 (23) marta 1899 g.* [Report of the Finnish Governor-General N.I. Bobrikova to Emperor Nicholas II with a program of subordination of Finland to Russia dated March 11 (23), 1899] In *Rossija i nezavisimost' Finljandii 1899-1920 gg., 1 Ot avtonomii k protivostojaniju.* Sost. M.V. Zelenov, P. Hakala. Moscow, ROSSPJeN, 2021. (in Russian).
14. Epanchin, N. A. (1996). *Na sluzhbe treh imperatorov* [In the service of three emperors]. Moscow, Poligrafresursy.
15. *Zhurnal vysochajshe obrazovannogo Osobogo soveshanija dlja obsuzhdenija voprosa i vvedenii russkogo jazyka v deloproizvodstvo pravitel'stvennyh ustanovlenij Velikogo knjazhestva Finljandskogo ot 19 janvarja 1900 g.* [Journal of the highly educated Special Conference to discuss the issue and introduction of the Russian language in the office work of government regulations of the Grand Duchy of Finland dated January 19, 1900] In *Rossija i nezavisimost' Finljandii 1899-1920 gg., 1 Ot avtonomii k protivostojaniju.* Sost. M.V. Zelenov, P. Hakala. Moscow, ROSSPJeN, 2021. (in Russian).

16. *Zakljuchenie Osobogo soveshhanija po delam o voinskoj povinnosti v Velikom knjazhestve Finljandskom ot 21 maja 1901 g.* [Conclusion of the Special Conference on Military Service in the Grand Duchy of Finland dated May 21, 1901] In *Rossija i nezavisimost' Finljandii 1899-1920 gg.*, 1 *Ot avtonomii k protivostojaniju*. Sost. M.V. Zelenov, P. Hakala. Moscow, ROSSPJeN, 2021. (in Russian).

17. Zinov'ev, A. V., Utkin N. I. (2000). *Vzaimootnoshenija Rossijskoj imperii s Velikim knjazhestvom Finljandskim: istoriko - pravovoj analiz i sovremennost'* [Relations between the Russian Empire and the Grand Duchy of Finland: Historical and Legal Analysis and Modernity] In *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*, 2. (in Russian).

18. *Iz «Vysochajshej zapiski» Finljandskogo general-gubernatora 1902-1903» Imperatoru Nikolaju II o zakonodatel'nyh i administrativnyh meroprijatijah v Finljandii s sentjabrja 1892 po janvar' 1904 g. 3 marta 1904 g.* [From the "Highest Note" of the Finnish Governor-General 1902-1903" to Emperor Nicholas II on legislative and administrative measures in Finland from September 1892 to January 1904. March 3, 1904] In *Rossija i nezavisimost' Finljandii 1899-1920 gg.*, 1 *Ot avtonomii k protivostojaniju*. Sost. M.V. Zelenov, P. Hakala. Moscow, ROSSPJeN, 2021. (in Russian).

19. *Iz vsepoddannejshogo otzyva zemskih chinov Finljandii po povodu Ego Imperatorskogo Velichestva predlozhenij s proektom Ustava o voinskoj povinnosti i ob osnovnyh nachalah ustrojstva i upravljenja finskih vojsk ot 27 maja 1899 g.* [From the most humble response of the zemstvo officials of Finland regarding His Imperial Majesty's proposals with the draft Charter on military service and on the basic principles of the structure and management of the Finnish troops dated May 27, 1899] In *Rossija i nezavisimost' Finljandii 1899-1920 gg.*, 1 *Ot avtonomii k protivostojaniju*. Sost. M.V. Zelenov, P. Hakala. Moscow, ROSSPJeN, 2021.

20. *Iz «Proekta Ustava o voinskoj povinnosti v Velikom knjazhestve Finljandskom (s objasnitel'nymi momentami)* [From the "Draft Charter on Military Service in the Grand Duchy of Finland (with explanatory points)] In *Rossija i nezavisimost' Finljandii 1899-1920 gg.*, 1 *Ot avtonomii k protivostojaniju*. Sost. M.V. Zelenov, P. Hakala. Moscow, ROSSPJeN, 2021. (in Russian).

21. Kadety i finljandskij protest [Cadets and the Finnish Protest] In *Rossija*. 1910. 31 marta. (in Russian).

22. Klinge, M. (2005). *Imperskaja Finljandija* [Imperial Finland]. St. Petersburg, Kolo. (in Russian).

23. *Manifest ob izdanii Vysochajshe utverzhdennogo dlja Velikogo knjazhestva Finljandskogo novogo Ustava o voinskoj sluzhbe 12 ijulja 1901* [Manifesto on the publication of the Highest approved for the Grand Duchy of Finland new Charter on military service July 12, 1901] In *Rossija i nezavisimost' Finljandii 1899-1920 gg.*, 1 *Ot avtonomii k protivostojaniju*. Sost. M.V. Zelenov, P. Hakala. Moscow, ROSSPJeN, 2021. (in Russian).

24. Men'shikov, M. *Velikorusskaja partija* [The Great Russian Party] In *Novoe vremja*. 1907. 21 ijunja. (in Russian).

25. *Nacional'nyj arhiv Finljandii. Kanceljarii Finljandskogo general-gubernatora*. Hd. 20. D. 322. (in Russian).

26. *Nacional'nyj arhiv Finljandii. Kanceljarii Finljandskogo general-gubernatora*. Hd. 183. D. 10-3. (in Russian).

27. *Nacional'nyj arhiv Finljandii. Kanceljarii Finljandskogo general-gubernatora*. Hd. 350. D. 54 (1907). (in Russian).

28. Novikova, I. N. (1997). *Velikoe knjazhestvo Finljandskoe v imperskoj politike Rossii* [The Grand Duchy of Finland in the imperial policy of Russia] In *Imperskij stroj Rossii v regional'nom izmerenii (XIX — nachalo XX v.)*. Moscow, ZAO «Pervyj pechatnyj dvor». (in Russian).

29. Petuhova, A. P. (2008). «*Finljandskij vopros*» v sisteme vnutripoliticheskikh predstavlenij rossijskoj pravjashhej jelity v konce XIX – nachale XX vv. ["The Finnish Question" in the

System of Domestic Political Ideas of the Russian Ruling Elite in the Late 19th – Early 20th Centuries] In *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 8 (4). (in Russian).

30. *Pis'mo Imperatora Nikolaja II Finljandskomu general-gubernatoru N.I. Bobrikovu o provedenii Manifesta 3 fevralja v zhizn' ot 1 aprelja 1899 g.* [Letter from Emperor Nicholas II to the Finnish Governor-General N.I. Bobrikov on the Implementation of the Manifesto of February 3 of April 1, 1899] In *Rossija i nezavisimost' Finlandii 1899-1920 gg.*, 1 *Ot avtonomii k protivostojaniju*. Sost. M.V. Zelenov, P. Hakala. Moscow, ROSSPJeN, 2021. (in Russian).

31. Pogodin S. N., Rjabov A. L. (2016). *Pervyj period rusifikacii Finlandii (1899-1905 gg.)* [The First Period of Russification of Finland (1899-1905)] in *Rossija v global'nom mire*, 9. (in Russian).

32. Polvinen, T. (1997). *Derzhava i okraina* [The State and the Outskirts]. St. Petersburg, Evropejskij dom. (in Russian).

33. *Predstavlenie Finljandskogo Senata Imperatoru Nikolaju II s protestom protiv vvedeni-ja russkogo jazyka v deloproizvodstvo Finlandii ot 30 ijulja 1900 g.* [Submission of the Finnish Senate to Emperor Nicholas II with a protest against the introduction of the Russian language in the office work of Finland dated July 30, 1900] In *Rossija i nezavisimost' Finlandii 1899-1920 gg.*, 1 *Ot avtonomii k protivostojaniju*. Sost. M.V. Zelenov, P. Hakala. Moscow, ROSSPJeN, 2021. (in Russian).

34. *Polnoe sobranie zakonno Rossijskoj imperii (1902)*, 20 (1), St. Petersburg, Gosudarstvennaja tipografija. (in Russian).

35. Pohlebkina, V.V. (1975) *SSSR – Finlandija: 260 let otnoshenij. 1713-1973 gg.* [USSR – Finland: 260 years of relations. 1713-1973]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija. (in Russian).

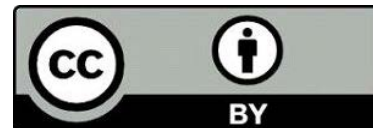
36. Rassila, V. (1996). *Istorija Finlandii* [History of Finland]. Petrozavodsk, Izd-vo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. (in Russian).

37. *Soprovoditel'noe pis'mo Finljandskogo general-gubernatora N.I. Bobrikova ministru stats-sekretarju fon V.K. Pleve k predstavleniju Senata* [Covering letter of the Finnish Governor-General N.I. Bobrikov to the Minister of State Secretary von V.K. Plehve to the submission of the Senate] In *Rossija i nezavisimost' Finlandii 1899-1920 gg.*, 1 *Ot avtonomii k protivostojaniju* Sost. M.V. Zelenov, P. Hakala. Moscow, ROSSPJeN, 2021. (in Russian).

38. Talin, N.A. *Finlandija k stoletiju pokorenija*, 2 [Finland on the centenary of the conquest. Part 2] In *Moskovskie vedomosti*. 1908. 19 janvarja. (in Russian).

39. *Po finljandskomu voprosu* [On the Finnish question] In *Grazhdanin*. 1908. № 35–36. (in Russian).

40. Jussila, O. (2009). *Velikoe knjazhestvo Finlandskoe 1809-1917* [The Grand Duchy of Finland 1809–1917]. Hel'sinki, Ruslania Books Oy. (in Russian).

УЧАСТИЕ ЧИНОВНИКОВ В СИЛОВЫХ КООПЕРАТИВНЫХ ЗАВЛАДЕНИЯХ ОДНОДВОРЧЕСКОЙ ЗЕМЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XVIII СТОЛЕТИИ

К. Б. Кудланов,

*Курская академия государственной и муниципальной службы,
ул. Станционная, д. 9, г. Курск, 305044, Россия*

Аннотация.

Введение. В настоящей статье автор изучает противозаконную кооперацию предстоящих «у дел» с разными сословиями в силовых завладениях земли потомков мелких служилых людей Центрального Черноземья в XVIII столетии. **Материалы и методы.** Исследование основано на массе нарративных и неопубликованных источников. В процессе работы использовались аналитико-синтетический и сравнительно-исторические методы, а также ретроспективный и историографический анализы. **Результаты.** Сначала пристальное внимание автор уделяет потворству чиновников помещикам. После чего исследователь показывает существенное наличие помощи власть предержащих и остальным недворянским сословиям. Присутствие последнего явления, особенно завладений земли однодворцами друг у друга при помощи чиновников, очень трудно, а порой вообще невозможно, вместить в марксистскую концепцию «классовой борьбы». **Заключение.** Автор приходит к выводу о том, что земля оставалась инициатору захвата. В случаях с силовыми кооперативными завладениями существенно чаще роль чиновников состояла в прикрытии разбойных нападений и невмешательстве. Причина этого явления крылась, во-первых, в законах запрещавших власть предержащим иметь землю в тех уездах, где проходила их служба. Во-вторых, в положении захватчика, ведь чем ниже оно было, тем грубее применялись методы завладений. В-третьих, в том, что власть предоставляла целый перечень различных способов мягких захватов, и чиновники не были заинтересованы в инициативе силовых завладений, тем более кооперативных. Предстоящие «у дел» Центрального Черноземья в выборе сообщников для противозаконных действий руководствовались больше собственной выгодой, нежели сословной комплементарностью. Последнее свидетельствует, во-первых, о внедрении в сознание чиновничества элементов «капиталистической формации», которые они пытались решить феодальными методами. А, во-вторых, о наличии во взаимоотношениях сословий духовного фактора, который невозможно вместить в исключительно материалистические рамки.

Ключевые слова: однодворцы, чиновники, предстоящие «у дел», помещики, захваты, завладение землёй, землевладение, Центральное Черноземье

Для цитирования: Кудланов К.Б. (2024). Участие чиновников в силовых кооперативных завладениях однодворческой землей Центрального Черноземья в XVIII столетии // История: Факты и символы. 2024. № 2 (36). С. 78-88 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-78-88

Статья поступила: 10.04.2024

Статья принята в печать: 27.05.2024

Статья опубликована: 20.09.2024

©Кудланов К., 2024

PARTICIPATION OF OFFICIALS IN COOPERATIVE CONQUERIES OF ONE-COURTYARD PEOPLE LAND IN THE CENTRAL CHERNOZEM REGION IN THE XVIII-TH CENTURY

Konstantin B. Kudlanov

*Kursk Academy of State and Municipal Service,
st. Stationnaya, 9, Kursk, 305044, Russia*

Annotation

Introduction. In this article, the author studies the illegal cooperation of the upcoming «in business» with different estates in the power possession of the land of one-courtyard people from the Central Chernozem region (hereinafter – CC) in the XVIII century. **Materials and methods.** The study is based on a mass of narrative and unpublished sources. In the process of work, analytical-synthetic and comparative-historical methods were used, as well as retrospective and historiographical analyses. **Results.** First, the author pays close attention to the indulgence of officials to the landowners. After that, the researcher shows the significant presence of assistance from those in power for the rest of the non-noble estates. The presence of the land seizure of one-courtyard people from each other with the help of officials is impossible to fit into the Marxist concept of "class struggle". **Conclusion.** At the end of the article, the author comes to the conclusion that the land was left to the initiator of the seizure. In cases of forceful cooperative possessions, much more often the role of officials was to cover up robbery attacks and non-intervention. The reason for this phenomenon lay, firstly, in the laws forbidding officials to have land in counties where they served. Secondly, in the position of the invader, because the lower it was, the more rudely he applied the methods of taking possession. Thirdly, in the fact that the authorities provided the focus of various methods of soft seizures and officials were not interested in the initiative of taking possession by force, especially cooperative ones. The upcoming «in business» of the CC in the choice of accomplices for illegal actions was guided more by their own benefit in the form of self-interest than by class complementarity. The latter testifies, firstly, to the introduction into the consciousness of the officials of the elements of the "capitalist formation", which they tried to solve by feudal methods. And, secondly, about the presence of a spiritual side in the relations between classes, which cannot be accommodated exclusively in a materialistic framework.

Keywords: one-courtyard people, smallholders, officials, upcoming «in business», landowners, seizures, land acquisition, land ownership, Central Chernozem region

For Citation: Kudlanov K. (2024). Participation of officials in cooperative conquests of one-courtyard people land in the Central Chernozem region in the XVIII century In *History: facts and symbols*, 3 (40), 78-88 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-78-88

Received: 19.03.2024

Received: 10.04.2024

Revised: 27.05.2024

Published: 20.09.2024

© Kudlanov K., 2024

1. Введение

Само существование управленческой системы обуславливает высокую значимость исследований на тему различных сторон жизнедеятельности чиновников. Актуальность ещё увеличивается, когда дело касается их злоупотреблений. Ведь пристальное изучение противозаконных действий предстоящих «у дел» способствует накоплению опыта для избежания подобных злоупотреблений в будущем. В этой связи цель исследования состоит в изучении

незаконной синергии чиновников с разными сословиями на примере силовых завладений земли у потомков мелких служилых людей Центрального Черноземья в XVIII столетии.

2. Материалы и методы

Вопросу перераспределения земельного фонда однодворцев посвящён существенный пласт Отечественной историографии [2], [3, с. 23–38], [5, с. 32–41], [6, с. 597–601], [7, с. 116–127], [8, с. 34–39], [9, с. 140–151], [11, с. 130–132], [14, с. 53–72], [15, с. 38–57], особенно советской [1], [10, с. 239–259], [13, с. 133–154], [17, с. 107–133], [18, с. 95–104] и др. Однако, даже в последней эпохе роль чиновников в озвученном процессе так и осталась в стороне от пристального изучения авторов. К тому же в большинстве работ захват однодворческой земли рассматривался с помощью материалистической методологии «классовой борьбы», которая, на наш взгляд, уже устарела. Помимо того, что настоящее исследование вводит в научный оборот новый архивный материал, ещё в нём ставится на главенствующий пьедестал именно духовный фактор в истории. Озвученное в своей совокупности должно внести дополнительную лепту как в прояснении роли чиновников в силовых кооперативных захватах однодворческой земли, так и выявлении причинно-следственных связей злоупотреблений в среде предстоящих «у дел».

Статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория показала эффективность при выявлении роли чиновников в перераспределении земельного фонда однодворцев; сужая охват исследования, микроанализ включил микрообъекты (определённые синергии силовых захватов с участием предстоящих «у дел») в широкий историографический контекст.

Сравнительно-исторические методы мы использовали для сопоставления различных коопераций чиновников в насильственном отбирании однодворческих угодий. Соединение общих и уникальных явлений выявило особенности силовых завладений земли потомков мелких служилых людей с участием чиновников. Проблемно-хронологический метод был использован в порядке рассмотрения различных примеров захватов земли. Историко-типологический метод позволил установить роль противозаконной синергии чиновников в насильственных завладениях однодворческих угодий в ретроспективе всего перераспределения земельного фонда потомков мелких служилых людей.

3. Результаты

Для полноценного рассмотрения потворства чиновников разным сословиям в силовых завладениях однодворческой земли, прежде всего, разберёмся во всех методах отбирания угодий, которые использовали власть предрержащие. Итак, всего их существовало 5 (2 активных и 3 пассивных). К активным относились личные и кооперативные участия самих предстоящих «у дел». К пассивным – замеченное однодворцами отсутствие заступничества от помещичьих захватов чиновниками и их же противодействие жалобам обиженных в высшие государственные инстанции. К пятому методу относились незафиксированные теневые злоупотребления чиновников и клевета однодворцев на них.

Активные кооперативные захваты с участием предстоящих «у дел» крайне разнообразную природу. Один только кромский Наказ отражает 7 вариаций такой противозаконной синергии чиновников с другими сословиями в завладениях однодворческой земли [1, с. 149–160]. Однако, этим не ограничивалось разнообразие состава захватчиков, т.к. в истории Центрального Черноземья мы их встречали более 10 [1, с. 149–160], [17, с. 133] и т.д.¹. Следовательно, с первого взгляда «единый фронт» чиновнических завладений не был монолитным, но имел крайне пёструю природу.

Теперь перейдём к более подробному рассмотрению участию чиновников в силовых кооперативных завладениях однодворческой земли. Начнём с «усильных помещиков». По

¹ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 80; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 332. Л. 21; ГАКО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 25. Л. 11.

нашему мнению, под этим термином потомки мелких служилых людей имели в виду тех, кто по той или иной причине, в захватах был тесно связан с предстоящими «у дел». Одной из такой причин являлась корысть. Так, по словам однодворцев, князь Трубецкой продолжал расширять свои владения в Карповском у. при помощи бывшего тамошнего воеводы А.Ф. Верчерева. «Его сиятельство князь Александр Юрьевич Трубецкой, – пишут жители г. Богатого, – поселил слободы при 70 хатах черкас на жалованной пашенной земле и на сенокосах лет тому за 40. А нас нижайших [по] поселению их до владения не знаемо почему усиленной руки не допускают». Однодворцы из с. Мелового того же уезда тоже подчёркивают насильственный способ передачи земель Трубецкому¹.

Упоминание об «усильных помещиках» мы встречаем ещё в белгородском и суджанском Наказах². К сожалению, описанное выше потворство иногда до крайности воодушевляло лиц, не имевших нравственного стержня, к исполнению их злочестивых намерений. И действительно, обоянские однодворцы писали, что из-за безнаказанности и поддержки администрации «иные помещики пришли в отваги». Последние «яко действительной неприятель, собрав своих вотчин крестьян с нарядным делом и ружьем, с копьями и дубьем» разорили деревни, выгнали однодворцев с их жёнами и детьми, отняли у них скот, хлеб, платье и «все без остатку», а многих «на их собственных, жилищах и до смерти побивали». На захваченных землях и в домах они поселили своих крепостных крестьян [1, с. 48].

Подобные случаи, происшедшие, видимо, не без покровительства местных чиновников, мы встречаем и в хотмыжском Наказе, а также корочанском. В последнем однодворцы с. Черкасского, дер. Девинной и Красного починка жаловались на обоянского помещика Переверзева, который не только захватил земли и населил их своими крепостными, но и жестоко расправлялся с однодворцами, в том числе однажды устроил на пашне целое побоище [8, с. 37]. Следовательно, здесь мы видим крайне аморальное поведение помещиков и молчаливое потворство чиновников, вместо требующегося от их служебного долга заступничества за обиженных. Очевидно, что всё это было вызвано заражением «духом капитализма», причём до крайних пределов. Последнее обуславливало то, что такие «болящие» ради выгоды были готовы на многое, а некоторые даже на всё.

Интересным и показательным будет озвучивание многоходового земельного завладения двумя поколениями рода Шидловских в синергии с местными властью предрержащими на протяжении практически полувека. Из этого исторического прецедента выберем три силовых нападения на селения и имущество однодворцев. Первое произошло в 1709 г., когда имевший «большую власть» генерал Ф.В. Шидловский без всяких юридических актов построил на землях потомков «детей боярских и станичных голов» два больших села Рождественское и Ивановское.

Второе нападение произошло в 1729 г. после ряда безуспешных мягких попыток обеления помещиком отобранного. Тогда чугуевский воевода и племянник генерала, Г.И. Шидловский арестовал множество несговорчивых однодворцев, после чего на их села и деревни был сразу совершён настоящий набег. При этом разбойном нападении было захвачено 30 лошадей, 50 волов и коров, 300 свиней, а также 500 копен ржи и 1 000 копен пшеницы с полей.

Наконец, третье нападение произошло в 1733 г. снова после ряда мягких методов, только уже успешных. Оно явилось ответом на возражения однодворцев, вызванных признанием в Белгородской губернской канцелярии ложной меновой за действительную и возложением судебных пошлин с 252 руб. штрафа в пользу сына генерала Шидловского. Тогда новый чугуевский воевода А. Арсеньев как и прежде забрал в тюрьму многих возражающих, а в их деревню послал чиновников, для конфискации имущества. Отобранное у одно-

¹ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 51.

² ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 80.

дворцев, общей примерной стоимостью в 1 000 руб., было оценено всего в 29 руб. 53 копейки [1, с. 62–63].

Таким образом, упомянутым вечно сопротивляющимся однодворцам противозаконная синергия рода Шидловских с предстоящими «у дел» вместо одного силового нападения с отобранием земли учинила три. Сначала нелегальное, потом покрывающее его полуофициальное и затем официальное. Очевидно, что после нападений имущественное положение этих потомков «детей боярских и станичных голов» существенно истощилось. Следовательно, для них было дешевле перенести захват с кротостью и смирением, нежели защищая справедливость остаться совсем ни с чем. Однако, известны и успешные попытки однодворцев в отыскивании правды [18, с. 99–100], [17, с. 117], [4, с. 47] и т.д.

Из представленных примеров мы видим, что при совместных силовых захватах помещики часто использовали предстоящих «у дел», т.к. земля после отбирания оставалась у первых. Следовательно, чиновники в таких случаях получали лишь единовременную прибыль, в виде барыша за потворство. Всего же имелось три разновидности соприкосновения чиновника с захваченной землёй по длительности продажи. Одни фигурировали в качестве захватчиков и довольствовались только взяткой от сообщника. Вторые становились временными хозяевами отобранной земли и вскоре её продавали. Третьи после захвата принимали ряд мер для увеличения стоимости угодий, а затем в среднесрочной или долгосрочной перспективе избавились от некогда отобранного. В отдельной категории находились те чиновные лица, которые после захвата присваивали землю себе.

Для того чтобы сторонники «классовой борьбы» не заявили о предрасположенности чиновников исключительно к социальной толерантности, необходимо привести ряд исторических примеров подобной синергии предстоящих «у дел» с другими сословиями. Наличие этой взаимопомощи будет свидетельствовать не о руководстве принципами «классовой борьбы», но о заражённости «духом капитализма» продажной части чиновнического аппарата. Последние ради наживы помогали тем, кто больше им платил.

Действительно, потворство власть предержащих при захвате однодворческой земли прослеживалось не только в сторону помещиков. Во-первых, предстоящие «у дел» при таких завладениях помогали друг другу. Например, валдмейстер Л. Вельяминов, используя своё служебное положение, в нач. 1760-х гг. изобретал махинации, в которых были задействованы три уровня губернской власти. Путём сговора, с помощью подложных документов, он в добровольно-принудительном порядке подговаривал мелких чиновников, которые становились якобы потерпевшими от однодворческих захватов. Третьим лицом в управленческом аппарате являлся сам воронежский губернатор Пушкин [17, с. 133]. С тем же губернатором активно сотрудничал и коллежский асессор Трубицын при силовых захватах однодворческой земли Ливенском уезде [17, с. 118].

Во-вторых, чиновники помогали представителям городских сословий. Так, Н.И. и А.Г. Афанасьевы с товарищами общества гос. крестьян из д. Афанасьевой Курковской вол. Обоянского у. в июне 1851 г. подали прошение курское губернское правление об «усильном завладении у них покосного луга мещанами г. Обояни...». Поводом к такому беспорядку послужило «противозаконное распоряжение обоянского градоначальника Петрова»¹. Обнаруженный нами случай хоть и выходит за исследуемые в статье временные рамки, но свидетельствует о наличии злонамеренной кооперации между упомянутыми сословиями. Ведь если такие прецеденты встречались в сер. XIX в., то, очевидно, имели место и в XVIII столетии.

Насильственное кооперативное завладение именьями было довольно-таки распространено и внутри самого однодворческого сословия. Например, в июле 1779 г. подпрапорщик Кондратий Иванов сын Сучкин из д. Жадиной Рыльского у. жаловался на одно-

¹ ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 1011. Л. 746.

дворцев из д. Пушкарной Савелия, Илью, Алексея, Ефимия, Фёдора, Остафия, Ивана и Семёна Князевых, а также Ивана Калужинина, которые, по его словам, «учинили попользование нахальством своим к распространению своих дач и несправедливому присвоению себе того моего владения причинили мне разные обиды и разорение». «Согнали наёмных моих работников однодворцев Ермолая Варванина с товарищи» (8 человек), «с моего покосу Еницкого лугу семь возов», «на другом лугу Кашировой поляне 800 копен и во огороде моём селидебною мою рощу немалое число насильством своим вырубали и бывшее в той моей роще пасечное место рубленным с моей рощи кольем огородили и против оногo пасечного места плетневою огорожу колья подрубили и плетни поламали, а потом тое мое пасечное место наглостию своею разорили всё без остатку...»¹. Роль чиновников в этом захвате состояла в том, что по долгу их службы «волей и неволей, разумением или неразумением» [12, с. 36], им пришлось занять ту или иную сторону, согласно своей честности.

Озвученное выше ярко показывает следующий пример. Так, в мае 1760 г. Карповского у. д. Верх Мелового Колодезя однодворец Г. Греховодов жаловался на своих односельчан и братьев по сословию А. и В. Реутовых, которые силой завладели его помещением, а именно двором, огородом и гумном. Пока карповским однодворческим управлением заведовал капитан Мазнев, то он заступался за Греховодова, которому Реутовы были вынуждены написать мировое письмо. Последние осознали значимость чиновничьей помощи, и когда новым управителем стал майор Шишков, то они всеми возможными способами заручились его поддержкой. Озвученный процесс в своём замечании от 1762 г. Греховодов отразил так: «майор Шишков похлебствуя ему Василию Реутову, и, чиня токмо ему удобность и отовсюду обнадёживание, а мне бедному явную волокиту и по разным канцеляриям немалые харчей и убытков, и мне удовольствия, и никакой справедливости не учинил»².

Предложение нового управителя о примирении однодворцев состояло в следующем. Греховодову оставалась половина имения, при этом у него Шишков силой отобрал мировые письма Реутовых. Для большей сговорчивости отца новый управитель держал длительное время в колодах сына Греховодова – Петра. Об этом 29 января 1762 г. была написана жалоба императрице. В резолюции от 5 февраля 1762 г. им было велено³, чтобы жить на одной усадьбе «пополам без всякого спору»⁴. Таким образом, представленный случай ярко доказывает свидетельства, специалиста по четвертному землевладению Н.А. Благовещенского о том, что и «однодворцы умели подкупить стролябию» [2, с. 335].

Несколько интересных видов коопераций с участием чиновников имеются в одном из наиболее полных Наказов кромских однодворцев, оригинал которого размещён в Приложениях труда проф. МГУ, д.и.н. М.Т. Белявского [1, с. 149–159]. Наказ настолько важен, что заслуживает более подробного внимания. Этот чистый архивный материал мы разделили на категории захватчиков, благодаря падежам, которые использовали однодворцы в изложении Наказа. Первоисточник отражает инициативу завладения землей.

Итак, из кромского Наказа видно, что активное участие чиновников в захватах составляло 11,8 % от всех незаконных земельных приобретений в уезде [1, с. 149–159]. Они распределялись на три категории: личные, кооперативные и смежные. Из всех 16 захватов чиновных лиц у кромских однодворцев 3 случая приходилось на личные завладения со стороны предстоящих «у дел», другие 2 – на кооперативные, а остальные – на смежные. Последние, по своей природе больше тяготели к кооперативным, собственно поэтому мы их и объединили и для наглядности свели в таблицу. Обратимся к её рассмотрению.

¹ ГАКО. Ф. 482. Оп. 1. Д. 21. л. 8–10 об.

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1055. Оп. 1. Д. 153. Л. 1–1 об.

³ РГАДА. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 153. Л. 8.

⁴ РГАДА. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 153. Л. 13–13 об.

Таблица 1. Кооперативные силовые захваты земли кромских однодворцев с участием чиновников в XVIII веке [1, с. 149–159].

Table 1. Cooperative forceful seizures of land by Kromsk single-householders with the participation of officials in the 18th century [1, pp. 149–159].

№	Сословия	Захватов	Дворовое место	Распашн. и не распашн.	Пустоши и урочища	Сенные покосы	Дес.	%
1	Крестьяне чиновников	10	2	2	6	-	236	21,3
2	Чиновники с крестьянами других помещиков	2	-	1	1	-	70, 25	6,3
3	Крестьяне чиновника с поселянами помещика	1	-	-	-	1	800	72,3
4	Всего	13	2	3	7	1	1 106,25	100

Итак, как видно из таблицы, различных кооперативных захватов было большинство, т.е. 13 из 16. По средству их в земельный фонд чиновников перешло 1 106, 25 дес. земли. Существенная часть последней, т.е. 991, 25 дес. или 89,6%, занимали не обрабатываемые однодворцами владения. А именно: 6 пустошей составляли 173, 75 дес., 1 урочище – 17, 5 дес. и, наконец, сенные покосы – 800 дес.

Крестьяне, принадлежащие чиновникам, без ведома своих господ отбирали однодворческую землю 11 раз, из которых один случай приходится на их синергию с владельческими крестьянами другого помещика. В 10 из всех упомянутых 11 захватов крестьяне принадлежали крупным государственным чиновникам, не проживавших лично в Кромском уезде.

Смежную группу самовольных захватов крестьяне чиновников к силовым кооперациям относятся условно. В них предстоящие «у дел» участвовали лишь обелением отобранного, т.е. после такого завладения уступали своим подданным и регистрировали на своё имя однодворческую землю. Такие захваты действительно предпринимались самовольно и без ведома от господ, т.к. об этом свидетельствуют сами однодворцы. К примеру, они пишут: «крестьяне графа, генерал-аншефа и сенатора М. К. Сковронского из с. Казмыдемьянского, Короскова тож» или «крестьяне штатс-дамы княгини Е. Д. Галицыной, живущие в с. Старом Гнездилове» и др. В случаях, когда однодворцы считали виновным в захвате самого чиновника, они писали иначе, например: «помещиком статским советником Г. Н. Тепловым» или «помещик надворной советник Г. Арбузов» и т.д.

Из объёмов каждого захвата видно, что крестьяне чиновников отбирали частные однодворческие дачи четвертных владельцев, скорее всего, смежных с именьями их помещиков. Кстати, наиболее аморальные захваты «усадебных мест» приходятся именно на их завладения. Однако, это не было всеобщим явлением, т.к. коэффициент освоенности однодворцами отобранного у них этой группой составлял 6 к 4, в пользу пустопорожних угодий. Всего же самовольные крестьяне чиновников отобрали у кромских однодворцев 21,3% от всего их земельного фонда, перешедшего к предстоящим «у дел» по средству силовых коопераций.

Уникальна по своему социальному составу и самая крупная прирезка из всех чиновничьих приобретений. Там крестьяне княгини действительной штатс-дамы Е.Д. Галицыной и князя капитана Д.Ю. Трубецкого из с. Шахова в совместной кооперации захватили у од-

подворцев Черкасской слободы 800 дес. сенных покосов за р. Окою под Волошиным лесом, на р. Березовце «как деды, так и отцы их и оне и поныне не владеют» [1, с. 153]. Другими словами, две общины помещичьих крестьян, одна из которой принадлежала высокопоставленной чиновнице, сообща отобрали крупную дачу сенных покосов у душевой общины одноворцев.

Два других кооперативных силовых захвата тоже по-своему необычны. В них бывший кромский подьячий А. Г. Звягинцев совместно с крестьянами вдовствующей графини Н. П. Головиной за два раза отобрали у одноворцев Н. и К. Супоневых в д. Хмелевой 70,25 дес. земли. Первое завладение составляло 50 дес. «распашной и нераспашной земли из Дикого поля, промеж пустошей Герасимовой и Долголозья», а второе – 20, 25 дес. в пустоши Хмелевой. Кстати, последнюю Звягинцев заселил крестьянскими дворами [1, с. 157].

4. Заключение

Подводя итог настоящего исследования, отметим, что силовое кооперативное участие чиновников в захватах одноворческой земли подразделялось на пассивное потворство и активную организацию кооперативного завладения. Второй метод синергии очень тесно переплетался с третьим. Последний, кстати, также подразделялся на пассивное отсутствие заступничества за обиженных и активное противодействие жалобам одноворцев в высшие инстанции. Другими словами, захваты в кооперациях были связаны с вакуумом чиновнических злоупотреблений.

Если же составить общий перечень распространённости видов силовых коопераций с участием предстоящих «у дел» Центрального Черноземья XVIII в., то получится следующее. В нём доминировала группа самовольных захватов одноворческих угодий крестьянами, которым, их хозяева – высокопоставленные чиновники, под своим именем оставляли землю для пользования. Затем шла группа предстоящих «у дел», которая от захвата только извлекала единовременную наживу. Потом следовала группа сторонников перепродажи отобранного, а после них отставные чиновники, оставлявшие за собой землю для её обработки. Правда, такие по «маломочности» уже не имели возможности захватывать как мягкими методами, так и единоличными силовыми, поэтому для кооперативного завладения нуждались в помощи, например, чужих помещичьих крестьян. Наиболее редкими были случаи с участием тех чиновников, которые после силового захвата в кооперации оставляли землю за собой для вложения в неё средств для последующего её более выгодного сбыта. Следовательно, в кооперативных силовых завладениях одноворческих угодий Центрального Черноземья в XVIII столетии существенно преобладало безынициативное потворство чиновников, где, последние, играли второстепенную роль наёмников или подсобников, покрывающих разбой.

Причины меньшей инициативы предстоящих «у дел» в захватах, на наш взгляд, крылись в следующем. Во-первых, в законодательстве, запрещавшем чиновникам иметь собственность в тех уездах, где они служили. Во-вторых, в отсутствии необходимости в пособниках у тех чиновных лиц, которые сами были инициаторами захвата. Богатые и средние могли силой отбирать у одноворцев с помощью своих крестьян, либо на крайний случай, «воинскими» командами. Бедные же предстоящие «у дел» не обладали достаточными возможностями как для силового захвата земли, так её удержания и обработки. И наконец, в-третьих, чиновники, как и большинство других людей, шли по пути наименьшего сопротивления. Они обладали целым пакетом мягких способов захватов одноворческой земли и не были заинтересованы в силовых завладениях, тем более кооперативных.

В ходе исследования нами была установлена закономерность: чем ниже было положение захватчика, тем грубее он применял методы завладения. Например, крестьяне чиновников не имели возможности использовать мягкие захваты, поэтому употребляли силовые приёмы. Напротив, последними методами не мог воспользоваться мелкий предстоящий «у дел», которому одноворцы своей многочисленностью были способны дать отпор. А вот

мягкие способы захвата, в его случае вполне могли иметь успех. Высокопоставленный же чиновник использовал все совокупные методы, в зависимости от наибольшей для себя выгоды и наименьших проблем от противодействия потерпевшей стороны.

Другая замеченная взаимосвязь состояла в том, что у всех чиновников была разная степень заражения «духом капитализма». Лучшим индикатором этого уровня при захватах земель являлся нравственный порог, который готовы были преступить чиновники ради прибыли. Задумывались ли захватчики-капиталисты о судьбе тех однодворцев, которых они выгоняли из собственных жилищ? Причём речь шла не только о мужчинах, но и о женщинах с детьми, а также старшем поколении. К тому же такие рейдерские нападения нередко заканчивались смертоубийствами. А если прибыль для захватчиков стоила слёз обиженных, которых они оставили без крова над головой и средств к существованию, то очевидно, что у такого корыстолюбца с нравственностью имелись серьёзные проблемы. Правда, подобное отношение к прибыли являлось крайностью и у каждого чиновника этот порог падения был разным. Например, многие сторонники натурального ведения хозяйства или их крестьяне специализировались на захватах необработанных пустошей, лежащих у однодворцев про запас. Следовательно, упомянутый нравственный порог состоял в том, что одни отбирали у потомков мелких служилых людей лишнее, а другие – необходимое.

Список источников и литературы

1. Белявский, М. Т. (1984). *Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.)*. М.: Изд-во Московского университета. 268 с.
2. Благовещенский, Н. А. (1899). *Четвертное право*. М.: Тип-я Тов. Кушнерев и Ко. 538 с.
3. Глазатова, Е. А. (2015). *Судьба вальдмейстера: лесной надзиратель воронежской губернии Лука Вельяминов на государственной службе (50 – 60-е гг. XVIII в.)* // История: факты и символы. № 4 (5). С. 23–38.
4. Готье, Ю. В. (1913). *История областного управления в России от Петра I до Екатерины II*. Т. 2. М.: Изд. Акад. Наук СССР. 308 с.
5. Жиров, Н. А. (2023). *Конфликты и тяжбы между однодворцами и помещиками Орловской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.* // История: факты и символы. № 4 (37). С. 32–41.
6. Камараули, Е. В. (2019). *К вопросу о структуре служилого землевладения и системе землепользования в южных пограничных уездах в XVII в.* // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. № 6. С. 597–601.
7. Кудланов, К. Б. (2023). *Мотивы предстоящих «у дел» в захватах однодворческой земли в XVIII столетии, как индикатор капитализма* // Вестник Брянского государственного университета. № 4 (58). С. 116–127.
8. Кудланов, К. Б. (2023). *Региональный вакуум чиновнических злоупотреблений и методы его поддержания в среде однодворцев Центрального Черноземья с середины XVII по середину XIX веков* // Ученые записки Орловского государственного университета. 2023. № 3 (100). С. 34–39.
9. Кудланов, К. Б. (2023). *Комбинирование методов захвата однодворческой земли чиновниками Центрального Черноземья со второй половины XVII по конец XVIII столетия* // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. № 5 (13). С. 140–151. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-140-151>.
10. Лаппо, Ф. И. (1950). *Наказы однодворцев как исторический источник* // Исторические записки. Т. 35. М.: Изд-во Акад. Наук СССР. С. 239–259.
11. Мельникова А. Р. (2020). *Участие однодворцев задонского уезда в земельном споре А.Д. Бехтеева и Н.Р. Воейковой 1792 г.* // IX Бартеневские чтения. Материалы Всерос-

сийской научной конференции с международным участием, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. С. 130–132.

12. Молитвослов. (2016). М.: Покровский женский монастырь. 320 с.

13. Недосекин, В. И. (1955). *Обострение борьбы за землю между помещиками и одnodворцами Воронежской губернии в середине XVIII в.* // Известия Воронежского пединститута. Т. XIX. Воронеж: 1-я тип-я Воронежского Облуправления культуры. С. 133–154.

14. Нечаев, В. В. (2020). *Землевладение одnodворцев в Козловском уезде в XVII веке* // Filo Ariadne. № 4 (20). С. 53–72.

15. Нечаев, В. В. (2021). *Поземельные отношения одnodворцев и их потомков с государством в Козловском уезде в XVIII – начале XIX веков* // Filo Ariadne. № 3 (23). С. 38–57.

16. Попов, М. А. (2023). *Одnodворцы Центрального Черноземья XVIII-XIX веков в Отечественной и зарубежной историографии* // Культурное наследие России. № 1 (40). С. 66–72.

17. Проторчина, В. М. (1955). *К истории воронежских одnodворцев в XVIII веке* // Известия Воронежского пединститута. Т. XIX. Воронеж: 1-я тип-я Воронежского Облуправления культуры. С. 107–133.

18. Рабинович, М. Г. (1976). *Положение одnodворцев переселяемых в 30–50-е годы XVIII в. на украинскую пограничную линию* // Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII в. включительно). Минск. С. 95–104.

References

1. Belyavskiy, M. T. (1984). *Odnodvortsy Chernozem'ya (po ikh nakazam v Ulozhennuyu komissiyu 1767 – 1768 gg.)* [One-courtyard people from the Central Chernozem region (according to their orders to the Legislative Commission 1767 – 1768)]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta. (in Russian).

2. Blagoveshenskij, N. A. (1899). *Chetvernoye pravo* [Quarter right]. Moscow, Print. Tov. Kushnerev i Ko. (in Russian).

3. Glazatova, Ye. A. (2015). *Sud'ba val'dmeystera: lesnoy nadziratel' voronezhskoy gubernii Luka Vel'yaminov na gosudarstvennoy sluzhbe (50 – 60-ye gg. XVIII v.)* [The fate of the Waldmeister: forest warden of the Voronezh province Luka Velyaminov in the public service (50s – 60s of the 18th century)] in *Istoriya: fakty i simvol'y*. 4 (5), 23–38. (in Russian).

4. Got'ye, YU. V. (1913). *Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Yekateriny II* [History of regional administration in Russia from Peter I to Catherine II]. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR. Vol. 2. (in Russian).

5. Zhiron, N. A. (2023). *Konflikty i tyazhby mezhdru odnodvortsami i pomeshchikami Oryol'skoy gubernii v kontse XVIII - pervoy polovine XIX vv.* [Conflicts and litigation between one-courtyard peoples and landowners of the Oryol province at the end of the 18th - first half of the 19th centuries] in *Istoriya: fakty i simvol'y*. 4 (37), 32–41. (in Russian).

6. Kamarauli, Ye. V. (2019). *K voprosu o strukture sluzhilogo zemlevladeniya i sisteme zemlepol'zovaniya v yuzhnykh pogranichnykh uyezdakh v XVII v.* [On the question of the structure of service land ownership and the land use system in the southern border counties in the 17th century] in *Rus', Rossiya. Srednevekov'ye i Novoye vremya*. 6, 597–601. (in Russian).

7. Kudlanov, K. B. (2023). *Motivy predstoyashchikh «u del» v zakhvatakh odnodvorcheskoy zemli v XVIII stoletii, kak indikator kapitalizma* [Motives of the upcoming “at work” in the seizure of smallholders land in the 18th century, as an indicator of capitalism] in *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (58), 116–127. (in Russian).

8. Kudlanov, K. B. (2023). *Regional'nyy vakuum chinovnicheskikh zloupotrebleniy i metody yego podderzhaniya v srede odnodvortsev Tsentral'nogo Chernozem'ya s serediny XVII po seredinu XIX vekov* [Regional vacuum of bureaucratic abuses and methods of maintaining it

among the one-courtyard people of the Central Chernozem region from the middle of 17th to the middle of 19th centuries] in *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (100), 34–39. (in Russian).

9. Kudlanov, K. B. (2023). *Kombinirovaniye metodov zakhvata odnodvorcheskoy zemli chinovnikami Tsentral'nogo Chernozem'ya so vtoroy poloviny XVII po konets XVIII stoletiya* [Combining methods of seizing smallholders land by officials of the Central Chernozem region from the second half of the 17th to the end of the 18th century] in *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. 5 (13), 140–151. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-140-151>. (in Russian).

10. Lappo, F. I. (1950). *Nakazy odnodvortsev kak istoricheskiy istochnik* [The Orders of the one-courtyard people as a Historical Source] in *Istoricheskiye zapiski*. Moscow, Publ. House Academy of Sciences USSR, Vol. 35, 239–259. (in Russian).

11. Mel'nikova A. R. (2020). *Uchastiye odnodvortsev zadonskogo uyezda v zemel'nom spore A.D. Bekhteyeva i N.R. Voyeykovoy 1792 g.* [Participation of the one-courtyard peoples of the Zadonsk district in the land dispute A.D. Bekhteev and N.R. Voeykova 1792] in *IX Bartenevskiy chteniya. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennoy 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne*, 130–132. (in Russian).

12. *Molitvoslov* [Prayer book]. (2016). Moscow: Pokrovskiy zhenskiy monastyr'. (in Russian).

13. Nedosekin, V. I. (1955). *Obostreniye bor'by za zemlyu mezhdum pomeshchikami i odnodvortsami Voronezhskoy gubernii v seredine XVIII v.* [The aggravation of the struggle for land between the landowners and one-courtyard people of the Voronezh province in the middle of the XVIII-th century] in *Izvestiya Voronezhskogo pedinstituta*. Voronezh, 1-st Print. house of the Voronezh Regional Directorate of Culture. Vol. XIX, 133–154. (in Russian).

14. Nechayev, V. V. (2020). *Zemlevladieniye odnodvortsev v Kozlovskom uyezde v XVII veke* [Land ownership of smallholders in Kozlovsky district in the 17th century] in *Filo Ariadne*. 4 (20), 53–72. (in Russian).

15. Nechayev, V. V. (2021). *Pozemel'nyye otnosheniya odnodvortsev i ikh potomkov s gosudarstvom v Kozlovskom uyezde v XVIII – nachale XIX vekov* [Land relations of one-courtyard people and their descendants with the state in Kozlovsky district in the 18th – beginning of 19th centuries] in *Filo Ariadne*. 3 (23), 38–57. (in Russian).

16. Popov, M. A. (2023). *Odnodvortsy Tsentral'nogo Chernozem'ya XVIII-XIX vekov v Otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii* [One-courtyard people of the Central Chernozem region of the 18th-19th centuries in Russian and foreign historiography] in *Kul'turnoye naslediyе Rossii*. 1 (40), 66–72. (in Russian).

17. Protorchina V. M. (1955). *K istorii voronezhskikh odnodvortsev v XVIII veke* [On the history of Voronezh one-courtyard people in the XVIII-th century] in *Izvestiya Voronezhskogo pedinstituta*. Voronezh, 1-st Print. house of the Voronezh Regional Directorate of Culture, Vol. XIX, 107–133. (in Russian).

18. Rabinovich, M. G. (1976). *Polozheniye odnodvortsev pereselyayemykh v 30–50-ye gody XVIII v. na ukrainskuyu pogranichnuyu liniyu* [The situation of the single-court resettled in the 30-50s years of XVIII century to the Ukrainian border line] in *Problemy agrarnoy istorii*. Minsk. 95–104. (in Russian).

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН /
THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-89-101>
УДК 340.141

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА В 1920-Е ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

*В. В. Кулачков**

*Брянский государственный инженерно-технологический университет,
проспект Станке Димитрова, д.3, Брянск, 241037, Россия*

И. В. Гончарова,

*Государственный университет управления,
Рязанский проспект, д.99, Москва, 109542, Россия,*

Г. С. Чувардин

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
ул. Комсомольская, д.95, Орел, 302026, Россия*

Аннотация.

Введение. Статья посвящена рассмотрению особенностей преемственности крестьянского обычного права в постреволюционную эпоху на региональном материале. **Материалы и методы.** Несмотря на революционные события 1917 г., развитие правовых традиций не прекратилось, и крестьянская Россия продолжала жить по своим укоренившимся обычно-правовым нормам. Однако в советской историографии преобладало мнение о полном разрыве с дореволюционным правом. Но и тогда, и особенно сейчас существуют точки зрения, что преемственность в развитии права присутствовала. **Результаты.** Наиболее отчетливо нормы обычного права проявляли себя при решении земельных споров и имущественных проблем, что было закреплено в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. Документальные материалы архивов также подтверждают, что элементы прошлого юридического опыта продолжали сохраняться. Это касается деятельности волостных судов, деятельность которых регламентировалась совестью, обычным правом, новыми законами и революционным правосознанием. В частности, при отсутствии декретов Советской власти разрешалось применять нормы обычного права. **Заключение.** Поэтому элементы крестьянского обычного права сохранялись и использовались в юридической практике советской власти, что подтверждают современные исследования в рамках данной темы. Однако загруженность судебных структур и дефицит кадров способствовали тому, что крестьяне разрешали возникающие вопросы при помощи традиционных обычно-правовых норм, эффективность которых была проверена временем. Это касалось не только центральной части России, но и ее окраинных территорий. Одновременно необратимо наступали социально-правовые изменения, что способствовало падению авторитета обычного права.

Ключевые слова: советская страна, постреволюционная эпоха, деревня, обычное право, преемственность, Брянская губерния

*** Ответственный автор**

Для цитирования: Кулачков В.В., Гончарова И.В., Чувардин Г.С. Эволюция обычного права в 1920-е гг. (на материалах Брянской губернии) // История: Факты и символы. 2024. № 2 (36). С. 89-101 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-89-101

Статья поступила: 09.03.2024

Статья принята в печать: 10.05.2024

Статья опубликована: 20.09.2024

© Кулачков В., Гончарова И., Чувардин Г., 2024

**THE EVOLUTION OF CUSTOMARY LAW IN THE 1920S.
(BASED ON THE MATERIALS OF THE BRYANSK PROVINCE)**

Vadim V. Kulachkov *

*Bryansk State University of Engineering and Technology,
3 Stanke Dimitrov Avenue, Bryansk, 241037, Russia*

Irina V. Goncharova,

*State University of Management,
Ryazansky Prospekt, 99, Moscow, 109542, Russia,*

German S. Chuvardin

*Turgenev Oryol State University,
Komsomolskaya str. 95, Orel, 302026, Russia*

Abstract

Introduction. The article is devoted to the consideration of the peculiarities of the continuity of peasant customary law in the post-revolutionary era on the regional material. **Materials and methods.** Despite the revolutionary events of 1917, the development of legal traditions did not stop and peasant Russia continued to live according to its ingrained customary legal norms. However, in Soviet historiography, the opinion prevailed about a complete break with the pre-revolutionary rule. But even then, and especially now, there are points of view that there was a preemption in the development of law. **Results.** The norms of customary law manifested themselves most clearly in solving land disputes and property problems, which was enshrined in the RSFSR Land Code of 1922. Documentary materials of the archives also confirm that elements of past legal experience continued to be preserved. This concerns the activities of the volost courts, whose activities were regulated by conscience, customary law, new laws and revolutionary legal consciousness. In particular, in the absence of decrees of the Soviet government, it was allowed to apply the norms of customary law. **Conclusion.** Therefore, elements of peasant customary law were preserved and used in the legal practice of the Soviet authorities, which is confirmed by modern research on this topic. However, the workload of judicial structures and the shortage of personnel contributed to the fact that the peasants resolved emerging issues with the help of traditional customary legal norms, the effectiveness of which has been tested by time. This concerned not only the central part of Russia, but also its outlying territories. At the same time, social and legal changes were irreversible, which contributed to the fall of the authority of customary law.

Keywords: *Soviet country, post-revolutionary era, village, customary law, succession, Bryansk province*

* Responsible author

For Citation: Kulachkov V., Goncharova I., Chuvardin G. (2024). The evolution of customary law in the 1920s (based on the materials of the Bryansk province) In *History: facts and symbols*, 3 (40), 89-101 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-89-101

Received: 09.03.2024

Revised: 10.05.2024

Published: 20.09.2024

© Kulachkov V., 2024

1. Введение

Общеизвестно, что государство самым тесным образом связано с правом, что, прежде всего, выражается в том, что все наиболее важные государственные решения принимаются с использованием юридических норм. Революционные события 1917 г., несмотря на свой внешний радикализм, не смогли полностью разорвать налаженную связь крестьянских правовых традиций. Исторически сложилось, что Россия всегда была крестьянской страной, что актуализирует изучение норм обычного права крестьян. При этом наблюдались элементы преемственности обычного права в первое постреволюционное десятилетие. В частности, В.В. Рогов отмечает, что «...решение проблем правового обычая и обычного права находится в начальной стадии. Многие нуждаются в переосмыслении. В этом отношении предстоит большая работа у историков и теоретиков права, этнографов и других исследователей» [18, с. 227]. Т.В. Шатковская считает, что «право настолько многогранно, что без учета всех его форм невозможно контролировать (регулировать) отношения между людьми» [23, с. 14]. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей преемственности крестьянского обычного права в постреволюционную эпоху на региональном материале.

В статье преимущественно используются материалы Брянской губернии, решение об образовании которой официально было принято 1 апреля 1920 г., но до этого этот вопрос дискутировался на заседании Брянского уисполкома 16 сентября 1918 г. [2]. В декабре 1926 г. к Брянской губернии были присоединены Новозыбковский, Клинецовский и Стародубский уезды упраздненной Гомельской губернии. В Брянской губернии стало насчитываться более 2 млн. жителей, 8 уездов, 54 волости. Однако в конце 1920-х гг. реализация на практике кампании по районированию привела в итоге к образованию Западной области с центром в Смоленске. В результате 1 октября 1929 г. Брянская губерния была упразднена, а через год ликвидированы и округа [2].

2. Материалы и методы

Теоретической и методологической основой для данной статьи стали принципы объективности, системности, альтернативности, историзма и конкретности. В работе использовались положения основных теоретико-методологических подходов, к которым относятся цивилизационный и формационный подходы, модернизационная теория, «новой локальной истории». Однако у каждого из них есть свои достоинства и недостатки, поэтому необходимо их применять в совокупности для достижения цели работы. В результате значительно увеличивается пространство научного поиска, что, в свою очередь, способствует более беспристрастному и объективному постижению прошлого.

Следует сказать, что в советской историографии доминировало мнение о том, что советское право не имело связи с юридической историей России. Однако были представлены и точки зрения ученых, считающих, что это в корне неверно и преемственность в развитии права присутствовала. Так, по мнению М.А. Рейснера при капитализме было не только буржуазное право, но также пролетарское и крестьянское право. Автор считал, что при капитализме доминирующее положение занимает право буржуазии, при советской власти – пролетарское право. Очевидно, что формирование рабочего и крестьянского права при буржуазии подразумевает его сохранение при диктатуре пролетариата, т.е. наблюдаются элементы преемственности [17, с. 20].

Болгарский правовед Н. Неновски отмечал, что преемственность в праве – явление объективно необходимое, только тогда право как система будет развиваться. По его мнению, обновление и преемственность тесно зависят от функционирования национальных правовых систем, исторических особенностей становления каждой из них [14]. Т.Е. Новицкая констатировала, что после революции 1917 г. продолжалось использование дооктябрьских норм права. По ее обоснованному мнению «использование это было двояким: во-первых, сознательное восприятие пролетарским правом всех достижений старого; во-вторых, вынужденное применение в течение известного времени новым государством отдельных его норм» [15, с. 48].

В современной отечественной историографии наблюдается усиление позиций сторонников преемственности между советским правом и всем предшествующим правом России. В.Н. Синюков справедливо отмечает, что «советское право – это не казус, не политическая ошибка, а закономерное явление, теснейшим образом связанное со всем предшествующим развитием русского права»¹. По мнению В.А. Рыбакова «преемственность в праве является закономерностью его развития, и советское право в этом отношении не исключение» [19, с.13]. Исследователи Р.С. Истамгалин и Э.Р. Исеева высказывают мнение, что «...в ходе эволюции российской правовой системы в период модернизации XVIII-XX вв. (включая и советский период) происходило не приспособление к позитивному праву обычного права, а, напротив, обычное право приспособлявало, адаптировало под потребности своего собственного воспроизводства институты и нормы европейского континентального права» [6].

Одновременно с вышесказанным рассмотрение обычного права крестьян способствовало формированию мнений исследователей о том, что его проблематика, в отличие от писаного права, еще до сих пор недостаточно изучена. Так, С.В. Филатов отмечает, что «...проведенный историографический анализ проблем изучения обычного крестьянского права в отечественной юридической литературе дает основания подчеркивать актуальность данной тематики и ее практическое значение для совершенствования современной российской правовой системы. Вместе с этим, плодотворность научных изысканий в этой области, очевидно, будет напрямую зависеть от их междисциплинарного характера, т.е. степени приложения усилий исследователей различных специальностей» [22, с. 66].

Стоит согласиться с мнением исследователей и сказать о том, что изучение обычного права в этнографическом контексте играет особую роль. Одним из ведущих специалистов по данной тематике является С.С. Крюкова, которая давно и плодотворно изучает правовую культуру русских крестьян. По ее мнению «для крестьян традиционный уклад в решении повседневных деревенских нужд в условиях революционных потрясений и становления нового права оставался залогом хоть какой-то стабильности, своего рода платформой для адаптации к изменившимся условиям жизни» [10, с. 62]. П.Л. Полянский обоснованно считает, что «среди принципов обычного права, выявленных в решениях советских органов, основополагающим являлся, без сомнения, принцип общей собственности на имущество сельскохозяйственного назначения всех членов крестьянского двора» [16, с. 51].

В ряде своих работ С.С. Крюкова приходит к выводу, что обычное право в сложных и противоречивых условиях 1920-х гг. в значительной мере сохраняло свое влияние. Так, она считает, что «советское официальное право, несмотря на рассогласованность и противоречивость законодательных норм этого периода, также продолжало ориентироваться на обычай как на один из источников социального, экономического и политического регули-

¹ Синюков В.Н. Российская правовая система (вопросы теории): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995. – 37 с.

рования в деревне. Коренные преобразования в деревне в 1920-х годах способствовали, как ни странно, сохранению традиционного обычного права (даже расширению пространства его применения), являясь все еще эффективным инструментом управления крестьянским обществом» [11, с. 42]. По мнению П.Л. Полянского «...советское законодательство следующего периода – нэпа (1921–1929 гг.) – прямо признало обычай источником права» [16, с. 46].

Понятно, что преемственные связи присутствовали, что подтверждается в советском законодательстве. В частности, обычное право применялось при решении земельных споров, что нашло свое закрепление в ст. 8 и 77 Земельного кодекса РСФСР 1922 г. Ранее в декрете «О земле» нашли отражение такие элементы обычного права как разделы земли по трудовой или потребительской норме. Так, по мнению Т.В. Шатковской нормы обычного права достаточно активно применялись в годы новой экономической политики: «Земельный кодекс РСФСР 1922 г. допускал использование норм обычного права в рамках крестьянских правоотношений (ст. 8). При разрешении земельных дел, согласно ст. 55, общее собрание и другие органы земельного общества руководствуются Земельным кодексом и другими действующими узаконениями, «а также принятым уставом или приговорами общества и местными обычаями, если последние не противоречат закону». В ст. 77, 84 зафиксирован порядок применения обычно-правовых норм при разделах трудовых земледельческих хозяйств. Таким образом, в период становления Советского государства обычное право сохраняет статус действующего источника права» [24, с. 91].

3. Результаты

Очевидно, что существовала неразрывная связь между обычно-правовыми принципами до и после революционных событий 1917 г. Так, П.Л. Полянский отмечает, что «обычай охранял права на долю в имуществе двора не только родственников, но и иных входящих в него лиц. Так, задолго до Октябрьской революции в деревне сложился институт примачества (пріймачества). Примачом (пріймаком, зятем) обычно называли крестьянина, принятого в члены двора в результате брака с дочерью домохозяина» [16, с. 53]. Одновременно с этим «признание примачества Советской властью не означало его однозначно позитивную оценку лицами, причастными к разработке законов» [16, с. 55].

В архивных материалах также можно найти информацию о том, что связи с дореволюционным юридическим прошлым не были разорваны окончательно [7]. По всей видимости, этого и не могло произойти, т.к. развитие общества не может начинаться с чистого листа, неизбежно будут сохраняться, и развиваться элементы прошлого юридического опыта. Большевики понимали, что длительное существование правового вакуума может привести к хаосу и беспорядкам, поэтому уже 21 марта 1918 г. судебный отдел Карачевского совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Орловской губернии незамедлительно предлагал «приступить к организации волостного суда; о лицах, вошедших в состав суда сообщить в судебный отдел Карачевского совета»¹.

Волостной суд должен был руководствоваться в своей деятельности совестью, обычным правом, новыми законами и революционным правосознанием. Упоминание обычного права еще раз доказывает невозможность радикального отказа от испытанных временем способов разрешения возникающих проблем. Состав волостной суд насчитывал трех человек, заседания должны были проводиться регулярно, не менее двух раз в месяц в определенные дни. Ведение делопроизводства также входило в круг обязанностей членов суда. При этом в «Инструкции об организации Советской власти в волостях», опубликованной в Вестнике комиссариата внутренних дел от 14 февраля 1918 г. № 5 указывалось, что

¹ Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф.1938. Оп. 1. д. 1, л. 65.

«...ведется особая книга жалоб и решений (образец прежний); для судебных дел, разбираемых в волостном Совете крестьянских депутатов, заводится по такому же образцу»¹.

Для оптимального функционирования новой судебной системы был необходим и обновленный состав народных заседателей. Требования к народным заседателям выдвигались в соответствии с духом и временем революционной эпохи [8]. Так, в циркуляре Карачевского уездного комиссариата юстиции Брянской губернии от 25 июля 1919 г. № 1068 указывалось, что «в общий список должны быть внесены в алфавитном порядке все избранные волостным советом граждане в числе двух лиц от каждого села и деревни волости, достигшие 21 года и не старше 70 лет, имеющие постоянное жительство в волости и преимущественно грамотные. В списки не могут быть внесены: 1) состоящие под судом и следствием; 2) исключенные из общества по приговорам за порочное поведение; 3) состоящие под опекой за расточительность; 4) слепые, глухие, немые и лишенные рассудка; 5) лица явно контрреволюционного образа мыслей»². Большинство из перечисленных требований существовали и раньше, но, понятно, что отбор по контрреволюционному образу мыслей не производился.

Напряженная ситуация эпохи новой экономической политики, характерная и для правовой сферы жизни, способствовала сохранению обычно-правовых норм. В архивных материалах Карачевского уездного исполнительного комитета Брянской губернии за 1924 г. сохранились сведения о том, что кадровый дефицит и нехватка судебных структур негативно отражались на жизни крестьянства: «народные суды удалены, главным образом, от большинства крестьянского населения на значительное расстояние, что затрудняет возможность крестьянству обращаться в суд, а также затрудняет возможность самим судам устраивать выездные сессии и места для проведения показательных процессов и вообще для разрешения дел на местах...»³.

В связи с этим предлагалось на каждую укрупненную волость один народный суд, причем на волости, в которые входят города – два народных суда. Одновременно эти же обстоятельства приводили к росту самостоятельности крестьян и живучести норм обычного права: «...произошло накопление дел, что приводит к тому, что гражданские дела разрешаются в последнюю очередь, что вынуждает крестьян не обращаться в суд за разрешением своих споров, а разрешать их собственной силой»⁴. Что значит собственной силой? Это означает решение возникающих вопросов при помощи традиционных обычно-правовых норм, эффективность которых была проверена временем.

Несомненно, что одним из таких эффективных и действенных способов был самосуд, под которым в общем смысле подразумевается незаконная расправа над ворами, конокрадами и другими нарушителями общинных порядков. В современной отечественной историографии исследователи к данной тематике обращались неоднократно и работают над ней до сих пор, в том числе и автор данной статьи [13]. Однако дополнение имеющихся сведений материалами периодической печати и анализом точек зрения ученых, работающих по историко-правовой тематике, совершенно не будет лишним.

Многие исследователи придерживаются мнения, что крестьяне были вынуждены прибегать к самосудам от безысходности и отсутствия помощи со стороны правоохранительных органов. Так, И.В. Курышев считает, что «в отдаленных волостях крестьяне в целях обуздания воровства, конокрадства вынуждены были прибегнуть к самосудам в силу попустительства и прямых злоупотреблений милиции» [9, с. 87]. А.Г. Тепляков отмечает, что «опаснейшим элементом революционной и пореволюционной жизни стали массовые самосуды. При этом местные власти нередко маргинализировались и сами были инициато-

¹ Там же. л. 66.

² Там же. л. 68.

³ ГАБО.Ф. 526. Оп.1. д. 367, л. 342 об.

⁴ Там же.

рами самочинных расправ» [20, с. 222]. Исследователь А.В. Федотов придерживается мнения, что «...общинный суд при советской власти превратился в неформальный орган, выносивший устаревшие и неэффективные санкции: изгнание, выговор, предупреждение и т.п. Кроме того, в крестьянской среде сохранялся самосуд»¹. Можно согласиться с мнением В.А. Бердинских, что «самосуд уществовал как своеобразная форма крестьянского права и дожил в России до 30-х годов XX века» [1, с. 46].

В Брянской губернии 1920-х гг. незаконные расправы в форме самосудов существовали и использовались, что характерно для периодов государственной нестабильности и слабости правоохранительных органов. Часто самосуды санкционировались местными органами власти, что говорит об определенной преемственности между сельскими советами и общинными структурами. Поэтому в 1926 г. были опубликованы указания Народного комиссариата внутренних дел, посвященные предупреждению самосудов, в которых говорилось о том, что они «...совершенно недопустимы, так как с одной стороны они подрывают на местах в корне авторитет власти, в другой – действуют развращающе на массы»².

В качестве примера можно привести самосуд, который произошел 18 февраля 1925 г. в Стародубском уезде Брянской области. Стародубской волостной милицией было получено сообщение по телефону из села Нижнего от заместителя председателя сельского совета Николая Печеного о том, что «в амбаре гражданина Демьяна Ботало поймали вора, который выдает своих остальных товарищей»³. При этом факт самосуда состоялся с разрешения председателя Клоповского сельсовета, что придало ему легитимный характер.

В периодической печати имеющиеся случаи самосуда также освещали, осуждали и рассказывали о наказании, которое понесли участники. Так, в газете «Наша деревня» за 1928 г. была опубликована заметка в рубрике «Суд и быт» под названием «Самосуд»: «Было это в селе Вельяминово Карачевского уезда. 11 ноября 1927 г. милиционер Карачевской умилиции Покровский с сельским исполнителем вели из села Вельяминово в г. Карачев задержанных заподозренных в краже коровы граждан Савина Ивана, Калужана Николая и Сысоева Николая. Крестьяне, находящиеся на улице, взволновались, стали требовать произвести самосуд»⁴. Иван Савин, видя, что над ним хотят совершить самосуд, бросился бежать, но крестьяне его догнали и в итоге «доставленный в Карачевскую больницу Савин, не приходя в сознание, 12 ноября 1927 г. умер от сотрясения мозга». В результате крестьяне, участники самосуда, были приговорены к 4 годам лишения свободы каждый⁵.

Исследователь Т.И. Трошина обоснованно считает, что «доступная нам информация о происходивших «самосудах» содержится в основном в газетных публикациях того времени. Вероятно, многие случаи просто не стали достоянием гласности, поскольку совершались в деревнях скрытно от «чужих глаз». Если же выстроить известное нам хронологически, то можно увидеть, что со временем наказания ужесточались. «Самосуды» все чаще заканчивались убийствами» [21, с.197].

Очередной случай самосуда был связан с налоговыми вопросами, что было очень актуальным в изучаемый период. В вышеупомянутой газете была опубликована заметка с характерным названием «Убит предселькресткома тов. Алехин. «Возмущенные крестьяне устроили самосуд над одним из убийцей Новиковым», автор – Н.С. В ней рассказывалось, что «1-го мая в дер. Мало-Кульневка Хотынецкой волости ударом ножа в голову убит председатель крестселькома – член сельсовета тов. Алехин. Убийцы – местные кулаки, бра-

¹ Федотов А.В. Крестьянская община в тульской деревне периода НЭПа (1921-1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 20 с.

² ГАБО.Ф.Р-1290. Оп.1. д.201, л. 100.

³ ГАБО.Ф.Р-1050. Оп.1. д.10, л. 163

⁴ Наша деревня, 9.03.1928. № 33 (267). С. 4.

⁵ Там же.

тя Новиковы, давно таили злобу на тов. Алехина на то, что тот, будучи членом сельхозналоговой комиссии, содействовал правильному исчислению с них налога»; «Убийство вызвало глубокое возмущение всего населения. Узнав, что убийцами являются братья Новиковы – крестьяне самосудом расправились с одним из них. Другой был доставлен в милицию. На место происшествия срочно выехал следователь. Президиум уисполкома выделил средства на оказание помощи семье тов. Алехина»¹.

В периодических изданиях Брянской губернии публиковали материалы, посвященные такому опасному для деревни явлению как конокрадство. Так, в газете «Наша деревня» размещена заметка селькора «Пролетарский» под названием «Суд и быт за самосуд». В ней содержится информация о таком явлении как конокрадство и способах борьбы с ним крестьян: «...крестьяне иногда предпочитают разделяться с конокрадами своим «судом». Эти самосуды тоже большое зло: они подрывают доверие к нашим судебным органам, они мешают проведению революционной законности. Недавно в губсуде рассматривалось дело об убийстве крестьянами пос. Поделовушка конокрадов Логачева и Сычевых Матфея и Василия, совершивших у граждан соседнего поселка кражу трех лошадей. Суд приговорил: Шевелева, Белоуса и Яцкова к лишению свободы на 5 лет каждого, со строгой изоляцией и поражением в правах и на три года, Шевцова и Прищепу на три года каждого, со строгой изоляцией и поражением в правах и на два года»². Исследователь Ш.Т. Гизатулин в своей статье придерживается мнения, что усиление конокрадства было вызвано, прежде всего, социально-экономическими причинами [3]. В других регионах нашей страны такое явление как самосуды, надо прямо сказать, процветало. Так, по сведениям О.Н. Леконцева «в Вятской губернии в июне 1922 г., по данным милиции, в деревнях «наблюдаются самосуды над ворами, бандитами и подозреваемыми в принадлежности к ним. Зачастую крестьянами при задержании воров учинялись самосуды» [12, с. 58].

Сохранению самосудов способствовало и обострение отношений в земельной сфере деревни, что было связано с развитием рыночных отношений и введением аренды. Так, С.А. Есиков обоснованно считает, что «...местные власти были еще слабы для того, чтобы организовать эффективный контроль за арендными отношениями и справиться с разъяснением правовых норм среди населения» [5, с. 112]. По мнению автора данной статьи жизнеспособности самосудов способствовало и то важное обстоятельство, что правовые нормы советского государства были еще довольно слабо распространены в сельской местности.

При разрешении имущественных вопросов обычно-правовые нормы также сохраняли свое влияние. По мнению П.Л. Полянского, в 1920-е гг. многое, что использовалось в крестьянском судопроизводстве, сохраняло свое значение. Он считает, что «...местные и центральные советские органы землеустройства при рассмотрении споров об имущественных разделах в крестьянских семьях руководствовались теми же принципами, из которых исходили в аналогичных случаях дореволюционные волостные крестьянские суды со ссылкой на местные обычаи» [16, с. 60].

С другой стороны, ход времени неумолим и изменения все равно назревали и в конечном итоге происходили, что относилось и к правовой сфере. Так, С.С. Крюкова придерживается мнения, что «...далеко не всегда обычное право отвечало законным требованиям советской власти. Иногда оно становилось подспорьем и даже поводом для выражения социального протеста...Новый порядок подрывал крестьянские мечты о справедливости и земле, разрушал ее монолитность. Один из прежних двигателей обычного права – коллективная воля – был надломлен и подвергнут серьезному испытанию» [19, с. 42-43].

¹ Наша деревня. 6.05.1928. № 75 (310). С. 8.

² Наша деревня. 8.01.1928. № 4 (238). С. 3.

А.В. Дашин и М.А. Шелепова также отмечают, что «после установления Советской власти судьбы обычаев в России были predetermined: создание «нового мира» означало разрушение привычного уклада жизни. До начала коллективизации обычное право в сфере землепользования и наследования имущества в крестьянской среде не подвергалось прямому ограничению или запрету. Этому в определенной степени мешал ГК РСФСР 1922 г., допускавший частную собственность» [4, с. 69]. Также они считают, что «после 1929 г. в процессе уничтожения крестьянства как социального слоя, подлежало ликвидации и «обычное право» [8, с. 69-70].

Распространение обычно-правовых норм было характерно не только для центральной части России, но и для ее окраин. Общеизвестно, что Россия всегда была многонациональной страной с огромной территорией, поэтому в период новой экономической политики предпринимались попытки ввести нормы обычного права в правовой обиход. Так, по мнению Д.Н. Шкаревского «...во второй половине 1920-х гг. представители местных органов власти северных территорий РСФСР предприняли попытку повысить статус своих административно-территориальных образований в т.ч. за счет создания туземных судов, внедрения обычного права местного населения в практику судопроизводства, выделения самостоятельной группы преступлений, характерных для северных территорий, и закрепления нового статуса этих территорий в проекте «Северного кодекса». Однако данная попытка не удалась ... Единственным удачным мероприятием в рамках данного проекта стало составление «Северного кодекса», однако данный документ не был принят» [25, с. 197].

4. Заключение

Таким образом, анализ опубликованных материалов позволяет сказать, что преемственность крестьянского обычного права в постреволюционную эпоху присутствовала. В советской историографии преобладала точка зрения о том, что советское право было отдельным правовым явлением и не было связано с дореволюционными правовыми нормами. Однако были представлены и точки зрения ученых, считающих, что элементы преемственности существовали, что стало особенно актуальным в современной отечественной историографии. Изучение архивных документов постреволюционной эпохи дает возможность сделать вывод о том, что деятельность советских судов регламентировалась не только декретами Советской власти. В частности, при их отсутствии разрешалось применять нормы обычного права. Можно согласиться с мнением Т.Е. Новицкой, что «факт, что наряду с декретами Советской власти в России источником права было революционное правосознание, оказал значительное влияние на использование норм дореволюционного права, во многом ускорил запрещение в законодательном порядке ссылок судами на законы свергнутых правительств» [15, с. 54]. Одновременно нельзя и отрицать очевидное – элементы крестьянского обычного права сохранялись и использовались в юридической практике советской власти, что подтверждают современные исследования в рамках данной темы.

Список источников и литературы

1. Бердинских, В. А. (2001). *Крестьянская цивилизация в России*. М.: «Аграф». 427 с.
2. Брянская губерния – предшественница Брянской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.puteshestvie32.ru/content/guberniya>, свободный (Дата обращения: 28.09.2019).
3. Гизатулин, Ш. Т. (2018). *Конокрадство в Самарской губернии в 1923-1925 годах* // Самарский научный вестник. Т. 7. № 1 (22). С. 182-185.
4. Дашин, А. В., Шелепова, М. А. (2016). *Обычное право от Российской империи до современной России: генезис и эволюция* // Мир политики и социологии. № 5. С. 68-76.

5. Есиков, С. А. (2010). *Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья)* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». 244 с.

6. Истамгалин Р. С., Исеева Э. Р. (2015). Правовая преемственность и правовая традиция в переходную эпоху: социокультурный дискурс // *Современные проблемы науки и образования*. № 1-1.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17254> (дата обращения: 27.04.2022).

7. Кулачков, В. В. (2018). *Документы Государственного архива Орловской области как источники для изучения правового сознания крестьян в начале XX века* // *Вестник архивиста*. № 1. С. 98-108.

8. Кулачков, В. В. (2017). *Архивные документы о формировании органов судебной системы в Орловской губернии в первые послереволюционные 1917-1919 гг.* // *Вестник архивиста*. № 3. С. 51-62.

9. Курьшев, И. В. (2010). *Преступность и бандитизм в Ишимском уезде в начале 1920-х гг.* // *Клио*. № 3 (50). С. 87-91.

10. Крюкова, С. С. (2019). *Советская доколхозная деревня между традиционным и новым обычным правом* // *Традиции и современность*. № 23. С. 44-63.

11. Крюкова, С. С. (2020). *Крестьянская община 1920-х годов: от имперского к советскому обычному праву* // *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина*. № 3 (68). С. 35-45.

12. Леконцев, О. Н. (2011). *Крестьянская община в первой половине 1920-х гг.* // *Ярославский педагогический вестник*. Т. 1. № 2. С. 55-59.

13. Музычук, Т. Л., Кулачков, В. В. (2017). *Самосуд в России: историко-правовой опыт (по материалам Западного региона)* // *Всероссийский криминологический журнал*. Т.11. № 2. С. 444-450.

14. Неновски, Н. (1977). *Преемственность в праве*. М.: Юрид. лит. 167 с.

15. Новицкая, Т. Е. (1983). *Использование дооктябрьских норм права в первый год Советской власти* // *Правоведение*. № 3. С.48-54.

16. Полянский, П. Л. (2019). *К вопросу об обычае как источнике права в советской России в 1917-1921 гг.* // *Вестник Московского университета*. Серия 11: Право. № 1. С. 41-61.

17. Рейснер, М. Л. (1925). *Право. Наше право. Чужое право. Общее право*. Л.; М.: Гос. изд-во. 276 с.

18. Рогов, В. В. (2014). *Проблемы правового обычая как источника права в отечественной правовой науке* // *Юридический форум*. Межвузовский сборник научных трудов. М.: МГИУ. С. 205-227.

19. Рыбаков, В.А. (2010). *Советское право: преемственный аспект* // *Современное право*. № 9. С. 13-17.

20. Тепляков, А. Г. (2018). *Криминал и власть в годы гражданской войны и нэпа* // *Исторические записки*. № 17 (135). С. 220-249.

21. Трошина, Т. И. (2012). *Крестьянские «самосуды» в революционную эпоху: актуализация коллективного опыта (на материалах северных губерний Европейской России)* // *Российская история*. № 2. С. 193-201.

22. Филатов, С. В. (2019). *Обычное право русских крестьян в отечественной юридической литературе* // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. № 10 (113). С. 64-67.

23. Шатковская, Т. В. (2015). *Смысл и назначение современных историко-правовых исследований* // *Северо-Кавказский юридический вестник*. № 2. С. 10-15.

24. Шатковская, Т. В. (2008). *Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917-1922 гг.)* // Юристъ-правоведъ. № 3 (28). С. 87-92.

25. Шкаревский, Д. Н. (2020). *Органы туземной юстиции и обычное право во второй половине 1920-х гг.* // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 2(65). С. 192-198.

References

1. Berdinskih, V. A. (2001). *Krest'yanskaya civilizaciya v Rossii* [Peasant civilization in Russia]. Moscow, Agraf. (In Russian)

2. Bryanskaya guberniya – predshestvennica Bryanskoj oblasti [Bryansk province – the predecessor of the Bryansk region]. [Elektronnyj resurs]. – Mode of access: <http://www.puteshestvie32.ru/content/guberniya>, free (date accessed: 28.09.2019). (In Russian)

3. Gizatulín, S.H.T. (2018). *Konokradstvo v Samarskoj gubernii v 1923-1925 godah* [Horse stealing in Samara province in 1923-1925] in Samarskij nauchnyj vestnik. 7, 1 (22). 182-185. (In Russian)

4. Dashin, A. V., Shelepova, M. A. (2016). *Obychnoe pravo ot Rossijskoj imperii do sovremennoj Rossii: genezis i evolyuciya* [Customary Law from the Russian Empire to Modern Russia: Genesis and Evolution] in *Mir politiki i sociologii*. 5. 68-76. (In Russian)

5. Esikov, S. A. (2010). *Rossijskaya derevnya v gody nepa. K voprosu ob al'ternativah stalinskoj kollektivizacii (po materialam Central'nogo Chernozem'ya)* [The Russian village during the NEP years. On the question of alternatives to Stalinist Collectivization (based on the materials of the Central Chernozem region)]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN); Fond «Prezidentskij centr B.N. El'cina». (In Russian)

6. Istamgalin, R. S., Iseeva, E. R. (2015). *Pravovaya preemstvennost' i pravovaya tradiciya v perekhodnuyu epohu: sociokul'turnyj diskurs* [Legal continuity and Legal Tradition in a Transitional Era: Sociocultural Discourse] in *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. № 1-1.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17254> (date accessed: 27.04.2022). (In Russian)

7. Kulachkov, V. V. (2018). *Dokumenty Gosudarstvennogo arhiva Orlovskoj oblasti kak istochniki dlya izucheniya pravovogo soznaniya krest'yan v nachale XX veka* [Documents of the State Archive of the Orel region as sources for studying the legal consciousness of peasants at the beginning of the XX century] in *Vestnik arhivista*.1. 98-108. (In Russian)

8. Kulachkov, V. V. (2017). *Arhivnye dokumenty o formirovanii organov sudebnoj sistemy v Orlovskoj gubernii v pervye poslerevolucionnyye 1917-1919 gg.* [Archival documents on the formation of the judicial system in the Orel province in the first post – revolutionary years of 1917-1919] in *Vestnik arhivista*.3. 51-62. (In Russian)

9. Kuryshhev, I. V. (2010). *Prestupnost' i banditizm v Ishimskom uezde v nachale 1920-h gg.* [Crime and banditry in the Ishim district in the early 1920s.] in *Klio*. 3 (50). 87-91. (In Russian)

10. Kryukova, S. S. (2019). *Sovetskaya dokolhoznaya derevnya mezhdru tradicionnym i novym obychnym pravom* [Soviet pre-kolkhoz village between traditional and new customary law] in *Tradicii i sovremennost'*. 23. 44-63. (In Russian)

11. Kryukova, S. S. (2020). *Krest'yanskaya obshchina 1920-h godov: ot imperskogo k sovetskomu obychnomu pravu* [The Peasant Community of the 1920s: from Imperial to Soviet Customary Law] in *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 3 (68). 35-45. (In Russian)

12. Lekoncev, O. N. (2011). *Krest'yanskaya obshchina v pervoj polovine 1920-h gg.* [The peasant community in the first half of the 1920s.] in *YAroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 1, 2. 55-59. (In Russian)
13. Muzychuk, T. L., Kulachkov, V. V. (2017). *Samosud v Rossii: istoriko-pravovoj opyt (po materialam Zapadnogo regiona)* [Lynching in Russia: historical and legal experience (based on materials from the Western region)] in *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 11, 2. 444-450. (In Russian)
14. Nenovski, N. (1977). *Preemstvennost' v prave* [Succession in law]. Moscow, Legal lit. (In Russian)
15. Novickaya, T. E. (1983). *Ispol'zovanie dooktyabr'skih norm prava v pervyj god Sovetskoy vlasti* [The use of pre-October norms of law in the first year of Soviet power] in *Pravovedenie*. L., 3. 48-54. (In Russian)
16. Polyanskij, P. L. (2019). *K voprosu ob obychnye kak istochnike prava v sovetskoj Rossii v 1917-1921 gg.* [On the question of custom as a source of law in Soviet Russia in 1917-1921] in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: pravo*. 1. 41-61. (In Russian)
17. Rejsner, M. L. (1925). *Pravo. Nashe pravo. CHuzhoe pravo. Obshchee parvo* [Right. Our right. Someone else's right. Common law]. L.; M.: State Publishing House. L. (In Russian)
18. Rogov, V. V. (2014). *Problemy pravovogo obychnaya kak istochnika prava v otechestvennoj pravovoj nauke* [Problems of legal custom as a source of law in domestic legal science] in *YUridicheskij forum. Mezhdvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. Moscow, 205-227. (In Russian)
19. Rybakov, V. A. (2010). *Sovetskoe pravo: preemstvennyj aspekt* [Soviet law: the succession aspect] in *Sovremennoe pravo*. 9. 13-17. (In Russian)
20. Teplyakov, A. G. (2018). *Kriminal i vlast' v gody grazhdanskoj vojny i nepa* [Crime and power during the Civil War and NEP] in *Istoricheskie zapiski*. 17 (135). 220-249. (In Russian)
21. Troshina, T. I. (2012). *Krest'yanskije «samosudy» v revolyucionnuyu epohu: aktualizaciya kollektivnogo opyta (na materialah severnyh gubernij Evropejskoj Rossii)* [Peasant "lynchings" in the revolutionary era: actualization of collective experience (based on the materials of the northern provinces of European Russia)] in *Rossijskaya istoriya*. 2. 193-201. (In Russian)
22. Filatov, S. V. (2019). *Obychnoe pravo russkih krest'yan v otechestvennoj yuridicheskoj literature* [The Customary law of Russian peasants in the domestic legal literature] in *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprini-matel'stvo; pravo i upravlenie*. 10 (113). 64-67. (In Russian)
23. SHatkovskaya, T. V. (2015). *Smysl i naznachenie sovremennyh istoriko-pravovyh issledovanij* [The meaning and purpose of modern historical and legal research] in *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik*. 2. 10-15. (In Russian)
24. SHatkovskaya, T. V. (2008). *Mesto obychnogo prava v regulirovanii zemel'nyh otnoshenij v pervye gody sovetskoj vlasti (1917-1922 gg.)* [The place of customary law in the regulation of land relations in the early years of Soviet power (1917-1922)] in *YUrist"-pravoved"*. 3 (28). 87-92. (In Russian)
25. SHkarevskij, D. N. (2020). *Organy tuzemnoj yusticii i obychnoe pravo vo vtoroj polovine 1920-h gg.* [The bodies of native justice and customary law in the second half of the 1920s.] in *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (65). 192-198. (In Russian)

Вклад авторов:

В.В. Кулачков: написание текста рукописи; обзор публикаций по теме статьи;

И.В. Гончарова, Г.С. Чувардин: получение данных для анализа, анализ полученных данных.

Authors' contributions:

Kulachkov Vadim V.: writing the text of the manuscript; review of publications on the topic of the article;

Goncharova Irina V., Chuvardin German S.: obtaining data for analysis, analyzing the data obtained.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1990-Х ГОДАХ

П. А. Меркулов,

Е. М. Самородова,

*Среднерусский институт управления – филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
ул. Октябрьская, д. 12, г. Орёл, 302028, Россия*

Аннотация

Введение. Исторический опыт экономических реформ России 1990-х годов является уникальным: никогда ранее перед государством-мировым лидером не стояло задачи реформирования плановой социалистической экономики в экономику рыночную, капиталистическую. Актуальность исследования заключается в необходимости беспристрастной оценки результативности мер, принятых руководством СССР, РСФСР, а затем и Российской Федерации при переходе от командно-административной, плановой экономики к экономике, основанной на рыночных принципах. Представляется, что такая оценка может быть дана по результатам анализа динамики макроэкономических показателей и изменений в общественном отношении к реализуемым правительством реформам. **Материалы и методы.** Исследование проведено на материалах нормативных правовых актов; программ и концепций экономических реформ, предлагаемых разными группами ученых и политиков в 1990-е гг.; письменно зафиксированных позиций ведущих политических лиц государства (выступления, письма, комментарии); научных работ сторонников и оппонентов радикальных рыночных реформ; материалы периодической печати, официальной статистики и данные социологических опросов. Методика исследования основана на применении сравнительного анализа, периодизации, классификации, группировке, а также специальных источниковедческого, проблемно-хронологического и историко-типологического методов. Хронологические рамки исследования заданы периодом с 1990 г. до кризиса 1998 г. **Результаты.** По результатам исследования обобщен и критически осмыслен исторический опыт реализации реформ перехода к рыночной экономике в 1990-х гг., представлены описание и результаты сравнительного анализа преобразований, предлагаемых как в актах законодательства СССР, РСФСР и РФ, так и в зафиксированных письменно, но оставшихся нереализованными концепций реформирования. Результативность экономических реформ оценивается не только в контексте макроэкономической динамики, но и с учетом общественного отношения к реализации преобразований, ожиданий и надежд российского общества. **Заключение.** Авторы делают вывод о том, что несмотря на обостренные дискуссии относительно программ перехода к рыночной экономике на рубеже 1980-1990-х гг., к обсуждению которых привлекались авторитетные советские ученые и опытные управленцы, большая часть фактически реализованных реформ основывалась на рекомендациях «вашингтонского консенсуса». Политические решения о преобразованиях часто носили стихийный, непроработанный характер и предопределялись интересами различных групп, управленческих команд и стремитель-

ным ухудшением макроэкономических показателей. Изменилось и общественное отношение к рыночным реформам: если в начале 1990-х гг. население возлагало большие надежды на перемены, то в начале 2000-х гг., скорее, испытывало разочарование и умеренный негативизм по отношению к ним.

Ключевые слова: рыночные реформы 1990-х гг., программа Рыжкова-Абалкина, программа «500 дней», приватизация, либерализация цен, залоговые аукционы

Для цитирования: Меркулов П. А., Самородова Е. М. (2024). Исторический опыт реализации экономических реформ в России в 1990-х годах // История: факты и символы. № 3 (40). С. 102-121 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-102-121

Статья поступила: 19.03.2024

Статья принята в печать: 27.05.2024

Статья опубликована: 20.09.2024

© Меркулов П., Самородова Е., 2024

HISTORICAL EXPERIENCE OF ECONOMIC REFORM IN RUSSIA IN THE 1990S

*Pavel A. Merkulov,
Elena M. Samorodova*

*The Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Oktyabrskaya st., 12, Orel, 302028, Russia*

Abstract.

Introduction. The historical experience of economic reforms in Russia in the 1990s is unique. Never before has a world leader state been faced with the task of reforming a planned socialist economy into a market, capitalist economy. The relevance of the study lies in the fact that it is necessary to impartially assess the effectiveness of the measures taken by the leadership of the USSR, the RSFSR, and then the Russian Federation during the transition from a command-administrative, planned economy to an economy based on market principles. It seems that such an assessment can be given on the basis of macroeconomic indicators and changes in public attitudes towards the reforms being implemented by the government. **Materials and methods.** The study was conducted on materials of regulatory legal acts; programs and concepts of economic reforms proposed by various groups of scientists and politicians in the 1990s; written positions of leading political figures of the state (speeches, letters, comments); scientific works of supporters and opponents of radical market reforms; materials from periodicals, official statistics and sociological survey data. The research methodology is based on the use of comparative analysis, periodization, classification, grouping, as well as special source studies, problem-chronological and historical-typological methods. The chronological framework of the study is set to the period from 1990 to the 1998 crisis. **Results.** The historical experience of implementing reforms in the transition to a market economy in the 1990s is generalized and critically comprehended. The results of a comparative analysis of the reforms proposed both in the acts of legislation of the USSR, the RSFSR and the Russian Federation, and the remaining unrealized reform concepts are presented. The effectiveness of economic reforms is assessed not only in the context of macroeconomic dynamics, but also taking into account public attitudes towards the implementation of reforms, expectations and hopes of Russian society. **Conclusion.** The authors conclude that despite the heated discussions regarding programs for the transition to a market economy at the turn of the 1980-1990s, in which authoritative Soviet scientists and experienced managers were involved, most of the actually implemented reforms were based on the recommendations of the “Washington Consensus”. Political decisions on transformations were often spontaneous, unelaborated and predetermined by the in-

terests of various groups, management teams and the rapid deterioration of macroeconomic indicators. The public attitude towards market reforms has also changed: if in the early 1990s. While the population had high hopes for changes, in the early 2000s they rather experienced disappointment and moderate negativism towards them.

Keywords: market reforms of the 1990s, Ryzhkov-Abalkin program, "500 days" program, privatization, price liberalization, collateral auctions

For Citation: Merkulov P., Samorodova E. (2024). Historical experience of implementing economic reforms in Russia in the 1990s in *History: facts and symbols*, 3 (40), 102-121, doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-102-121

Received: 19.03.2024

Revised: 27.05.2024

Published: 20.09.2024

© Merkulov P., Samorodova E., 2024

1. Введение

Актуальность выбранной для исследования темы определяется потребностью исторической науки в научном осмыслении проблем развития экономики постсоветской России, в первую очередь, в период перехода от плановой системы к системе рыночной. Сегодня опыт и уроки реформ 1990-х годов имеют особое значение для поиска государством своего особого пути экономического развития в контексте особенностей хозяйственной практики, обеспечения социальных гарантий, баланса рыночных механизмов и государственного вмешательства, понимания причин допущенных ошибок и избегания их в перспективе. Многие проблемы, порожденные в 1990-е годы, а именно, социальная дифференциация населения по уровню дохода, структурные диспропорции, низкий уровень благосостояния значительной части населения, несправедливость в распределении государственного имущества в результате приватизации, механизме налогообложения, не решены в отечественной экономике до сегодняшнего дня.

Анализ основных тенденций экономического развития России в 1990-е годы в контексте реализуемых реформ реализован в диссертационных исследованиях А.В. Веселова¹, Д. А. Гугелева², С. В. Кименчиже³, С. В. Кулакова⁴, Т. З. Шогенова⁵, М. М. Ярмоленко⁶ и др. Эволюция концепций реформирования отечественной экономики в 1990-е гг. рассмотрена в работе Д. Е. Шестакова, Р. Г. Хаиткулова, А. С. Самулкина [22]. Однако, представляется, что осмысление итогов и исторического опыта реформирования отечественной экономики в первое постсоветское десятилетие должно основываться не только на данных, характеризующих их экономическую результативность, но и сведениях об изменениях общественного мнения и массового сознания по отношению к экономической политике правительства, ориентиров государственного развития и принципов хозяйствования.

¹ Веселов, А. В. (2002). Экономическая политика Российской Федерации в 90-е годы XX века и ее административно-правовое обеспечение: дис. ... к. и. н. Краснодар. 205 с.

² Гугелев, Д. А. (2008). Социально-экономическое развитие Российской Федерации в 1992-1999 гг.: автореферат дис. ... к. и. н. М. 23 с.

³ Кименчиже, С. В. (2005). Государственная финансовая политика Российской Федерации в условиях экономических реформ 1991 - 1999 гг.: дис. ... к. и. н. Краснодар. 208 с.

⁴ Кулаков, С. В. (2006). Исторический опыт государственного управления экономическим развитием Российской Федерации в 1990-е гг.: дис. ... к. и. н. М. 180 с.

⁵ Шогенов, Т. З. (2007). Финансово-экономическая политика Российской Федерации в 1992-1999 гг.: автореферат дис. ... к. и. н. М. 19 с.

⁶ Ярмоленко, М. М. (2004). Основные тенденции экономического развития Российской Федерации в 1990-е гг. XX в.: дис. ... к. и. н. М. 198 с.

2. Материалы и методы исследования

Материалы для проведения исследования следует разделить на несколько блоков. Официальная позиция законодательных органов, правительства и отдельных представителей государственной власти по отношению к различным аспектам экономической политики исследовалась по публикациям официальных материалов в подведомственных государственным структурам изданиях, в том числе по законодательным и подзаконным актам. В состав исследуемых материалов вошли научные работы, посвященные особенностям государственного регулирования переходной экономики России в 1990-х гг. и теоретическому обоснованию предлагаемых реформ, в том числе нереализованных вариантов. Публикации данного блока отличаются идейным плюрализмом, разнообразием подходов к пониманию места страны в мировой экономике и часто насыщены практическим материалом, статистическими данными. В состав эмпирической базы также включены статьи периодической печати, отражающие полемику по отдельным аспектам экономического реформирования. В исследовании используются данные официальной статистики 1980-1999 гг., а также результаты проводимых социологических опросов, отражающих динамику общественного отношения к реализуемым изменениям.

Основными используемыми в исследовании методами являются сравнительный анализ, периодизация, группировка и классификация, а также методы источниковедения, проблемно-хронологический и историко-типологический методы. Хронологические рамки исследования заданы периодом с 1990 г. до кризиса 1998 г., при рассмотрении причин реформ – с 1985 г.

3. Результаты и обсуждение

Необходимость реформ: финансово-экономические тенденции, системные недостатки и социальные ожидания в конце 1980-х гг.

Причины, побудившие государственную власть к разработке и осуществлению экономических реформ в 1990-х годах, зрели в советской экономике не одно десятилетие и являлись системными. Наглядно иллюстрирует необходимость изменений состояние государственных финансов Советского Союза (таблица 1): по данным официальной статистики дефицит государственного бюджета в 1989 г. составлял 16,7% расходной части, стабильно нарастая в второй половине 1980-х годов с 13,9 млрд. руб. до 80,7 млрд. руб. Об актуальности проблемы косвенно свидетельствует появление в статистических сборниках конца 1980-х – начала 1990-х годов строки, характеризующей состояние государственного внутреннего долга, увеличившегося с 1985 г. по 1989 г. почти в 3 раза и составившего 42,8% от валового национального продукта СССР.

Таблица 1. Показатели, характеризующие состояние государственных финансов СССР в 1960-1980 – е годы

Table 1. Indicators characterizing the state of public finances of the USSR in the 1960s-1980s

Источник: [12, с. 559; 13, с. 14-15]

Показатель, млрд. руб.	1960 год	1970 год	1975 год	1980 год	1985 год	1986 год	1987 год	1988 год	1989 год
Доходы	77,1	156,7	218,8	302,7	372,6	371,6	376,4	376,9	401,9
Расходы	73,1	154,6	214,5	294,6	386,5	417,1	430,9	459,5	482,6
Превышение расходов над доходами	-4	-2,1	-4,3	-8,1	13,9	45,5	54,5	82,6	80,7
Государственный внутренний долг	нет данных				141,6	161,7	184,1	311,8	398,2
в % от ВВП					18,2	20,3	22,3	35,6	42,8

Один из наиболее ярких критиков социалистической экономики в конце 1980-х годов Н. П. Шмелёв, называл монополию производителя в условиях систематически возникающего дефицита товаров массового потребления и отсутствие заинтересованности предприятий в научно-техническом прогрессе двумя «встроенными» дефектами советской экономики [23, с. 143]. Совместно с коллегой В.В. Поповым ученый в числе одной из причин систематического недостатка различных товаров народного потребления называют специфику директивного планирования, основанного на принципах планирования по номенклатуре и фондировании ресурсов. Характеризуя влияние первого принципа на возникновение дефицита, ученые отмечают, что «ассортимент фактически производимых изделий удваивается примерно каждые 10 лет и насчитывает сейчас 25 млн. наименований... Предприятие на практике имеет свободу производственного выбора, но очень небольшую: нельзя выпускать гвозди вместо рельсов, хотя можно заменять производство одних гвоздей другими... Несанкционированные сверху сдвиги в номенклатуре производимой продукции в довольно узких пределах, т.е. в той мере, в какой предприятие само может определять ассортимент, действительно происходят. В жертву, естественно, всегда приносятся малорентабельные изделия, производство которых хлопотно, но прибыли не даёт и, главное, не особенно помогает «накрутить вал». Таким путём, между прочим, «вымываются» из ассортимента пуговицы и туалетная бумага, сушки и градусники» [24, с. 109-110]. Авторы критикуют и «карточную» систему снабжения предприятий, подающих заявки на материально-техническое обеспечение за 1-2 года до планового периода производства [24, с. 111].

Об ожидании перемен говорит и социологическая статистика. В 1989 г. в одном из выпусков «Литературной газеты» была опубликована анкета «Как Вы думаете?»¹, вызвавшая у читателей значительный интерес. За короткий период времени в редакцию поступило более 200 тыс. писем с заполненными анкетами. Содержащаяся в них информация была обобщена, а итоги изложены в выпуске «Литературной газеты» от 29 марта 1989 г. Каждый пятый респондент был жителем г. Ленинграда или г. Москвы, что делает выборку нерепрезентативной в масштабах всего СССР, результаты опроса представляются нам интересными. Вполне обеспеченными считали себя 11% респондентов, 33% опрошенных описали своё положение как «устойчивое, но скромное благополучие». 27% читателей отметили, что вынуждены ограничивать себя самым необходимым, а 29% указали, что еле сводят концы с концами, регулярно занимают деньги в долг у родственников и знакомых, так как имеющихся заработков им не хватает. Авторы статьи отмечают, что самооценки финансового положения коррелируют с уровнем среднемесячного дохода респондентов. Два из трех участников опроса отмечали наличие проблем в продовольственном снабжении, девять из десяти – наличие дефицита промышленных товаров. Показательным является замечание авторов статьи об ожидании россиянами перемен, о возлагаемых ими надеждах на политическое руководство страны, что сопровождается своего рода инфантилизмом большей части населения, неверием в собственные силы и возможности добиться улучшений совместными усилиями. Пути преодоления трудностей респонденты видят в сокращении военных расходов бюджета (71%), предоставлении крестьянам права беспрепятственного владения землей и средствами её обработки (67%), наведении твёрдого порядка и усиления государственного планирования (30%), развитии частного предпринимательства под должным государственным контролем (37%) и привлечении иностранного капитала (32%)¹. Таким образом, на рубеже 1980-1990 гг. экономика СССР нуждалась в коренных изменениях, предпосылками к чему служили не только экономические тенденции, но и сформированные в эпоху гласности социальные ожидания.

¹ Голов, А., Гражданкин, А., Гудков, Л., Дубинин, Б., Зоркая, Н., Левада, Ю., Левинсон, А., Седов, Л. (1989) Что мы думаем? Первые итоги опроса наших читателей по анкете «Общество-88 - Общество-89» // Литературная газета. 29.03.1989. № 13. С. 12.

Переход к внедрению рыночных начал в экономике СССР стал поддерживаться ведущими советскими экономистами со второй половины 1980-х гг., чем в значительной степени способствовали советские либеральные реформы под девизом «гласность – перестройка – ускорение». В июле 1989 г. была сформирована Государственная комиссия Совета министров СССР по экономической реформе, задачами которой была разработка концепции и этапов реформы и её нормативного правового обеспечения. Председателем комиссии назначен Л. И. Абалкин, в её состав вошли ведущие учёные-экономисты и опытные хозяйственники. Реализация изменений планировалась в три этапа: 1990-1991 гг., 1991-1992 гг. и 1993-1994 гг. с чёткой дифференциацией задач на каждом из них, сопровождением вариантов прогнозными оценками в рамках эволюционного, радикального и умеренно-радикального сценариев. Реформа предусматривала следующие направления:

- стимулирование перехода государственных предприятий на арендные отношения с преобразованием их в хозяйственные общества и товарищества, кооперативы, коллективные предприятия;
- поощрение экономической конкуренции и ускоренного расширения производства товаров и услуг, введение антимонопольного законодательства, отказ от государственного контроля над ценами на продукцию, реализуемую предприятиями сверх государственного заказа;
- поэтапный отказ от государственного регулирования цен, приближение механизма ценообразования к свободному рыночному и приведение их в соответствие с ценами на мировом рынке;
- ужесточение денежно-кредитной политики для стабилизации денежного обращения;
- формирование финансового рынка, в том числе биржевого рынка с установлением государственного регулирования торговли ценными бумагами;
- развитие валютного рынка и переход к частично конвертируемости рубля;
- обеспечение притока иностранных инвестиций, формирования зон совместного предпринимательства, укрепление экспортного потенциала страны;
- перестройка структур государственного управления экономикой в условиях перехода к рынку.

13-15 ноября состоялось обсуждение концепции «Радикальная экономическая реформа: первоочередные и долговременные меры», представленной в докладе Л. И. Абалкина. С учетом замечаний коллег концепция была доработана, с откорректированным вариантом программы выступил 12-14 декабря 1989 г. Н. И. Рыжков. Реформу предлагалось реализовать по умеренному варианту в два этапа. В 1990-1992 гг. планировалось обеспечить сбалансированность бюджета, развитие потребительского рынка товаров и услуг, изменение структуры промышленного производства в пользу товаров народного потребления с использованием как директивных, так и экономических методов управления. В 1993-1995 гг. предполагалось активно осуществлять переход к рыночным отношениям, обеспечить многообразие форм собственности, основанные на них новые формы хозяйствования и их равную защиту. По мнению Н. И. Рыжкова, тотальный переход к рыночным отношениям на раннем этапе мог спровоцировать существенные социально-экономические потрясения [7, с. 214].

По своему содержанию программа соответствовала принципам рыночного социализма, допускавшего сочетание как государственных плановых, так и рыночных механизмов. Её положения вызвали с критику со стороны представителей Межрегиональной депутатской группы, в основном, из-за недостаточно быстрого, недостаточно радикального перехода к рыночным отношениям, но по итогам голосования была одобрена.

Новый вариант программы был подготовлен Л. И. Абалкиным и Ю. Д. Маслюковым к весне 1990-го г. в контексте более жестких сроков и реализации умеренно-радикального

варианта реформы. Авторы ориентировались не на либерализацию, а на административный пересмотр оптовых цен на товары, аргументируя выбор меньшим риском раскручивания инфляции и быстрым устранением ценовой диспропорции. Экспертные расчеты показывали, что при радикальном переходе к рыночным отношениям в экономике в первые два года реализации реформ ВВП может сократиться на 18-20%, объем инвестиций – более, чем в два раза, а количество высвобожденных при структурной перестройке экономики трудовых ресурсов составит около 40 млн. чел.¹

Программа была поддержан Н. И. Рыжковым, а М. С. Горбачёв поручил правительству более подробно проработать основные механизмы его реализации [2, с. 52]. Доработанная программа, получившая название «программы Рыжкова – Абалкина», предусматривала меры борьбы с товарным дефицитом и частичному восстановлению сбалансированности доходов населения и товарной массы. Ее основные положения были озвучены Н. И. Рыжковым 24 мая 1990 г. в докладе «Об экономическом положении страны и концепции перехода к регулируемой рыночной экономике». В обновленной программе предлагалось два варианта осуществления реформ: переход к рынку в течение двух или 5 лет. Н. И. Рыжков поддерживал второй вариант. По результатам обсуждений Верховный Совет СССР поддержал пятилетний план действий и принял постановление «О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике», рекомендовав правительству подготовить к сентябрю 1990 г. перечень конкретных мер.

Следует отметить, что дискуссии относительно концепции перехода к рыночным отношениям происходили на фоне усугубления социально-экономической ситуации в стране. В докладе курировавшего экономическую сферу члена Политбюро Н. Н. Слюнькова на Пленуме ЦК КПСС в феврале 1990 г. приводились неутешительные данные статистики: за 4 денежные доходы населения превысили расходы на приобретение товаров и услуг на 160 млрд. руб., что привело к росту накоплений. Результаты труда не были взаимосвязаны с его производительностью: если прирост фонда оплаты труда в 1989 г. составил 9%, то прирост производства промышленной продукции – всего 1,7%. Объем банковских вкладов населения увеличился в 1,5 раза, объем наличных денег в обороте – на треть. «Наплыв» денег привел к разбалансированию потребительского рынка, повысил градус социального напряжения в обществе и обусловил нарастание товарного дефицита из-за возросшего спроса населения на товары различных групп. Из 1200 ассортиментных позиций дефицитными являлись 1150. Принимаемые правительством меры были низкоэффективными [8, с. 220-221].

Изменения наблюдались и в общественном сознании. По данным опроса Всесоюзного Центра изучения общественного мнения, более половины населения СССР (56% опрошенных) поддерживали переход к рыночным отношениям, при этом 60% относились к его результативности скептически и полагали, что он станет причиной политического кризиса [27].

В отличие от умеренного подхода в переходе к рыночным отношениям авторов «программы Рыжкова – Абалкина», в Комиссии, работавшей над программой, были сторонники более радикальных мер при переходе к рынку – Г. А. Явлинский, Г. А. Михайлов и М. М. Задорнов. Уже к середине февраля 1990 г. они предложили альтернативный проект реформ, получивший название «400 дней доверия» и предусматривающий либерализацию цен, массовую приватизацию государственного имущества и переход на механизмы рыночного регулирования. По воспоминаниям Н. И. Рыжкова, программа Г. А. Явлинского и соавторов не была воспринята им серьезно, и он посоветовал коллегам «не отвлекаться на второстепенные дела» [19, с. 430].

¹ Ясин, Е. Г. (2002) Российская экономика: истоки и панорама рыночных реформ. М. С. 78.

Программа «400 дней» была незначительно переработана народным депутатом СССР и РСФСР М. А. Бочаровым, изменивший её название на «Программу минимум – мандат доверия на 500 дней»¹, а СССР по тексту – на РСФСР, и представлена им на I съезде народных депутатов РСФСР. Плагиат раскрылся и кандидатура М. А. Бочарова, претендовавшего на пост главы правительства РСФСР, была снята с голосования, а автор программы Г.А Явлинский возглавил Государственную комиссию по экономической реформе и стал выполнять в российском правительстве функции, аналогичные функциям Л. И. Абалкина в правительстве всесоюзном. Программа ускоренного перехода к рыночной экономике нашла поддержку у Б.Н. Ельцина, избранного в мае 1990 г. Председателем Верховного Совета РСФСР, а также у либеральной российской интеллигенции и либеральных СМИ, работавших над её популяризацией в обществе. После обращения Г. А. Явлинского к М. С. Горбачеву и встречи последнего с Б. Н. Ельциным, была сформирована совместная рабочая группа о разработке единой программы перехода к рыночным отношениям на основе положений «500 дней» под руководством С. С. Шаталина.

М. Ф. Полюнов и Е. А. Тарасова обращают внимание на то, что альянс с участием Горбачёва и Ельцина состоялся уже после принятия программы Рыжкова – Абалкина как основы для перехода к рыночным отношениям. В этом взаимодействии Б. Н. Ельцин получал возможность закрепить своё лидерство в новой России, Г. А. Явлинский – реализовать на практике свои наработки по экономической реформе, а М. С. Горбачев – перейти к реальным экономическим реформам по либеральному образцу. При этом правительство СССР было вынуждено отказаться от ранее одобренной программы Рыжкова – Абалкина и перейти к разработке и реализации более радикальных экономических реформ при переходе к рынку. Для Л. И. Абалкина и Н. И. Рыжкова договоренности между М. С. Горбачевым и Б. Н. Ельциным были неожиданными [1, с. 196], и, несмотря на попытки М. С. Горбачева к объединению групп Абалкина-Рыжкова и Шаталина-Явлинского, они продолжили автономно работать над программами реформирования экономики.

Причины отказа Н. И. Рыжкова и Л. И. Абалкина от сотрудничества с авторами программы «500 дней» заключались в существенной разнице концептуальных принципов не только формирования новой экономики, но и политических принципов существования государства, заложенных в программы. Авторы «500 дней» основывались на необходимости признания полной независимости республик СССР и, по сути, обосновывали его развал с созданием вместо федеративного государства экономического союза суверенных государств [1, с. 206]. Аналогичного мнения придерживался и А. С. Черняев [21, с. 871].

Рассматривая потенциальные сценарии экономического реформирования, авторы программы «500 дней» ограничивали их тремя основными вариантами:

– «постепенное преобразование»: борьба с негативными экономическими тенденциями и процессами уже после их фиксации в официальных данных статистики и в наблюдаемой реальности. Из контекста программы можно предположить, что к данному варианту авторы относят эволюционный и умеренно-радикальный варианты реформы, называя их «политикой полумер»;

– «откат к централизованному управлению экономикой»: восстановление директивного планирования фондирования материально-технического снабжения предприятий, жесткого ограничения доходов, ликвидация новых форм хозяйствования;

– «радикальная экономическая реформа»: создание основ рыночной экономики за 1,5-2 года, ориентация на потребности людей, приватизация и отказ от государственного вмешательства в экономику [14, с. 23].

¹ 500 дней, которые могут возродить Россию (интервью с М. А. Бочаровым) (1990) // Диалог. № 14. С.15–21.

К предпосылкам, которые необходимо сформировать для перехода к рынку, авторы программы относили обеспечение максимальной свободы и полной ответственности экономического субъекта; обеспечение конкурентных условий; переход к свободному ценообразованию; распространение рыночных отношений в сферы, где они являются более эффективными по сравнению с государственными формами регулирования (в том числе, создание финансового рынка, рынка труда) при сохранении государственного управления здравоохранением, образованием, обороной, наукой и культурой; открытость экономики и её интеграция в систему мирохозяйственных связей; обеспечение социальной защищенности граждан, определяемой как возможность обеспечения достойной жизни собственным трудом и помощь нетрудоспособным и социально уязвимым категориям граждан; отказ от прямого вмешательства государственных органов в деятельность хозяйствующих субъектов (кроме некоторых специфических сфер) [14, с. 25-27].

Программа «500 дней» предусматривала реализацию в четыре этапа. В первые 100 дней планировалось обеспечить базовое правовое регулирование рыночных отношений, создание рыночной инфраструктуры, приватизацию жилья и мелких предприятий; в следующие 150 дней – объявить о либерализации цен на 70-80% товаров и услуг, за исключением цен на товары первой необходимости, и введение жестких финансовых ограничений. Далее в течение 150 дней планировалось обеспечить стабилизацию рынка и в завершающие 100 дней предполагалось начало рыночного роста различных экономических отраслей.

Максимальный накал дискуссия о преимуществах и недостатках двух представленных программ приобрела в рамках совместного заседания Президентского совета и Совета Федерации СССР под председательством М. С. Горбачева, состоявшегося 29-30 августа 1990 г., на которое были приглашены более 200 представителей академического и политического сообществ [9, с. 573]. Итогом двухдневных обсуждений стало решение о подготовке совместной согласованной программы перехода к рыночным отношениям [6, с. 636-637]. Однако, российское руководство не поддержало его, нарушив в одностороннем порядке по инициативе Б. Н. Ельцина. В попытке снизить градус возрастающего противостояния центра и властей РСФСР Н. И. Рыжков в сентябре 1990 г., в день одобрения программы «500 дней» Верховным Советом РСФСР, выступает на сессии Верховного Совета СССР с компромиссным вариантом и предложением по выработке единых мер общегосударственного перехода к рыночной экономике. Её основными принципами провозглашались: признание в политически и экономически допустимых пределах суверенитета советских республик; формирование общегосударственного рынка и создание единых условий для деятельности предприятий различных форм собственности [19, с. 449]. Позднее еще один «компромиссный вариант» был предложен М. С. Горбачевым, но в историографии он, как правило, не рассматривается подробно, так как в виду ограниченности времени для его разработки он носил ориентировочный, расплывчатый характер и, несмотря на конкретизацию этапов реформирования и поэтапного определения перечня реализуемых мер, не содержал привязанных к конкретным временным срокам.

Сравнительный анализ «компромиссного варианта» программы перехода к рынку, предложенной М. С. Горбачевым, и программы «500 дней» представляется необходимым для определения ключевых противоречий между позицией центральной власти СССР, стремившейся сохранить СССР как единое государство, и позицией власти РСФСР, реализующей очевидное стремление к децентрализации. Программа Горбачева объявляла о безальтернативном переходе к рынку, что, по мнению авторов, не противоречило «социалистическому выбору» советского народа¹. Закрепленные в ней основные условия, которые необходимо было сформировать в течение переходного периода, практически полностью

¹ Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 44. Ст. 906. С. 1088.

дублировали предпосылки перехода к рынку, определенные авторами программы «500 дней». При этом экономические отношения между суверенными республиками предлагалось выстраивать не только исходя из признания их государственного суверенитета и равенства, но и в контексте целостности союза *как федерации*¹. Если в программе «500 дней» суверенные республики назывались «субъектами Экономического союза», то в программе М.С. Горбачева – суверенными республиками СССР. Различия программ заключались также в закреплении в «компромиссной» программе рубля как единственного законного средства платежа на территории СССР, разработке единого таможенного законодательства СССР (в отличие от предусмотренных программой «500 дней» «таможенных правил»), формировании союзного бюджета за счет союзных (федеральных) налогов, ставки и объект налогообложения по которым определяются совместным соглашением республик (в отличие от взносов республик в союзный бюджет пропорционально размеру ВВП (национального дохода), на душу населения предусмотренных в программе «500 дней»), в расходной части предусмотрено формирование фонда регионального развития и поддержки и т.п.

Парадоксально, что сомнения в успешности реализации программы «500 дней» возникли в октябре 1990 г. у её разработчиков и впервые были высказаны Г. А. Явлинским, осознавшим бесперспективность идеи самостоятельного, отдельного от СССР перехода РСФСР к рынку². Опровергая ошибочность программы, автор, тем не менее, говорит о невозможности её реализации в контексте изменения экономических, политических и организационных условий.

Согласимся с Д. Е. Шестаковым и его коллегами в том, что основным трендом эволюции программ экономического реформирования был переход от традиционной политической экономии к постулатам общей теории рыночной экономики, а затем к принципам либеральной экономической теории [22, с. 19].

Политика «шоковой терапии» 1992-1994 гг.

Практическое воплощение в Российской Федерации нашла программа Е. Т. Гайдара, которая стала реализовываться практически сразу после распада СССР. К концу 1990-го г. руководство СССР, безрезультатно противостоящее нарастающему продовольственному кризису, настойчиво обращается к зарубежным странам и международным финансовым институтам за кредитными ресурсами и благотворительной помощью. После распада СССР с 1 января 1992 г. к работе приступает новое российское правительство под руководством Е. Т. Гайдара. Критическое состояние экономики и рост социальной напряженности отодвинули борьбу программ и концепций и требовали принятия быстрых эффективных решений. «Экономическая программа» Гайдара была представлена осенью 1991 г.

Симпатии молодых реформаторов к политике «шоковой терапии» О. И. Ананьин объясняет влиянием эндогенного фактора: до 1987-1988 гг. теоретический фон реформ был эндогенным для определенной части общественного, политического и академического сообществ, в то время как провозглашенная М. С. Горбачевым перестройка сформировала условия для расширения международных контактов с участием ученых экономистов, в том числе в рамках деятельности Международного института прикладного системного анализа в Вене, организовывавшего совместные мероприятия с участием ведущих зарубежных экономистов (Р. Дорнбуша, Л. Лэйарда, В. Нордхауса и др.) [4, с. 5]. Обучавшийся на отделении зарубежной экономики Е. Т. Гайдар специализировался на изучении экономического пути Чили, в том числе радикальных экономических преобразований в государстве, что впоследствии отразилось на его позиции по отношению к экономическим реформам.

¹ Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 44. Ст. 906. С. 1091.

² Письмо Г. А. Явлинского депутатам Верховного Совета РСФСР 16 октября 1990 года. URL: <https://www.yabloko.ru/Publ/500/500-yavl-1.html>.

Направления реализуемых реформ задавались и более развитыми зарубежными партнёрами, в первую очередь, консультантами международных финансовых институтов, оказывающих России финансовую поддержку. Указанные положения обобщены в так называемом «Вашингтонском консенсусе», изначально предназначенном для осуществления реформ в государствах Латинской Америки. Комплекс политических рекомендаций был сформирован английским экономистом Дж. Уильямсоном, обобщившим в них ключевые положения доминирующих в зарубежной науке и практике 1980-х годов экономических течений и школ и включавших в себя следующие пункты:

- фискальная дисциплина в виде фиксации предельного уровня бюджетного дефицита по отношению к ВВП и стремление к его ограничению;
- минимизация субсидирования в пользу развития ключевых государственных социальных услуг в сфере образования, здравоохранения, а также развития инфраструктуры;
- установление относительно низкого уровня предельных налоговых ставок с расширением налогооблагаемой базы;
- рыночное регулирование процентных ставок с вмешательством регулирующих органов при превышении их предельных значений;
- конкурентоспособный обменный курс национальной валюты;
- либерализация торговли и импорта, в том числе установление единых относительно низких таможенных тарифов;
- либерализация инвестиций и стимулирование притока прямых иностранных инвестиций;
- приватизация государственных предприятий;
- снижение уровня государственного вмешательства с использованием регулирующих инструментов, развитие конкуренции, устранение барьеров входа на рынки при сохранении должного регулирования в сфере обеспечения безопасности, охраны окружающей среды, защиты прав потребителей и надзора над деятельностью финансовых организаций;
- обеспечение юридических гарантий прав собственности [28, с. 7-20].

Таким образом, основные рекомендации зарубежных партнёров базировались на принципах рыночной экономики, бюджетной и макроэкономической дисциплины и открытости во внешнеэкономических отношениях.

Общие контуры новой реформы были обозначены в материалах V съезда народных депутатов РСФСР в октябре-ноябре 1991 г. Позднее были опубликованы сборники правовых актов первого этапа реформы, в том числе, брошюра «Экономическая политика Правительства России. Документы. Комментарий» [26] (приложение «Стабилизация и выход из кризиса. Об экономической политике Правительства России в вопросах и ответах») и «Программа углубления экономических реформ в России» [15]. Авторы указанных публикаций видели основную экономическую угрозу в возрастающем инфляционном навесе, углублении диспропорций структуры денежного потока, породивших бюджетный кризис, талонную систему распределения товаров, разрушение хозяйственных связей между предприятиями. Замедление темпов инфляции планировалось осуществить с использованием жесткой кредитно-финансовой политики, предельного ограничения платежеспособного спроса со стороны населения в условиях либерализации ценообразования в условиях укрепления валютного курса рубля, приватизации государственного имущества и конверсии ВПК. Необратимость преобразований обеспечивалась формированием новых, специфических для рыночной экономики институтов и механизмов регулирования хозяйственных процессов.

Экономическая реформа Гайдара-Ельцина базировалась на четырех основных постулатах: обеспечение экономического суверенитета страны, либерализация цен и торговли, стабилизация и приватизация. В её рамках не допускалось возрождение «рудиментов союзного государства», соответствующих социалистической практике командно-административной системы и способов хозяйствования и государственного планирования

[25, с. 95]. Результатом работы команды Е. Т. Гайдара, содержащим основные ориентиры реформирования, стала «Стратегия России в переходный период» (так называемый «меморандум Бурбулиса») и «Ближайшие экономические перспективы России» [25, с. 97, 101-103], в которых содержались конкретные предложения по реформированию с конкретизацией правового регулирования принимаемых решений. Указанные документы не имели статуса формально утвержденной программы и, по сути, на протяжении двух лет реформы реализовывались на основании положений, прозвучавших в октябре 1991 г. в президентской речи. Такой подход обеспечивал возможность вариативность выбора инструментов реформирования, делал его гибким и позволял не отвлекать ресурсы на политическую борьбу по поводу «политического акта», как это было в период противостояния программ. В политическом плане Б. Н. Ельцин получал дополнительные возможности реализации компромиссных вариантов реформы [5, с. 216-217].

Выработка реформы осуществлялась в условиях противостояния парламента и правительства. Так, если правительство определяло спад производства как закономерное последствие структурной перестройки национальной экономики, парламент называл его последствием инвестиционного кризиса, когда старое, неконкурентоспособное производство уничтожается, а новое вместо него не формируется. Если законодатели прогнозировали последовательное и значительное снижение уровня жизни населения, то правительство говорило о кратковременном снижении реальных доходов населения в результате либерализации цен и ожидали в перспективе рост реальных доходов граждан и повышение уровня их благосостояния. Правительственный вариант в итоге получил широкую поддержку и был реализован.

2 января 1992 г. была начата либерализация цен. Провозглашенный курс на максимально жесткую стабилизационную и фискальную политику был нарушен практически сразу, в том числе в рамках подписания соглашения с шахтерами [11, с. 89]. Негативные последствия реформ привели к усугублению противостояния правительства и законодателей. Через 3 месяца после начала реформ для восполнения бюджетного дефицита началось фактически эмиссионное его покрытие за счет кредитов Центрального банка правительству на фоне увеличения кредитования банковского сектора, что вряд ли соответствовало требованиям проведения жесткой монетарной и фискальной политики.

В августе 1992 г. принимается еще одна попытка разработки мер по экономической стабилизации, основанных на признании кризисного характера экономического развития в 1992-1993 гг. Для смягчения последствий радикального перехода к рынку планировалось сохранить государственное регулирование цен на коммунальные услуги, транспортные тарифы и энергоресурсы. При этом озвученные планы представлялись слишком оптимистичными: инфляция прогнозировалась на уровне 3% ежемесячно, бюджетный дефицит – на уровне 3% от ВВП [15].

Провалы реформ после безуспешных первых попыток стабилизации, выраженные, в первую очередь, в неконтролируемых темпах инфляции и нарастании бюджетного дефицита, привели к смене руководства правительства: лидером был назначен В. С. Черномырдин, продолживший реформаторскую линию своего предшественника. В сентябре 1993 г. в состав правительства вновь вошел Е. Т. Гайдар.

К концу 1993 г. В. С. Черномырдин осуществляет переход к более консервативной политике, что позволяет сократить дефицит бюджета и остановить наращивание денежной массы за счет снижения выдачи кредитов. Невысокий результат сторонников либеральных реформ вынуждает Е. Т. Гайдара покинуть правительство. Вице-премьером назначается А. Б. Чубайс, принимающий жесткую программу финансовой стабилизации, основанную на жестких антиинфляционных мерах, ограничении предела бюджетного дефицита 7,8%. При этом в новом плане стабилизации акцент делался на достижении краткосрочных результатов, а серьезные структурные проблемы в нем практически игнорировались.

При рассмотрении реформ 1992-1994 гг. следует особое внимание уделить приватизации государственного имущества, идея которой обсуждалась еще в конце 1980-х гг. Законы о приватизации были приняты еще в 1991 г., однако, обсуждение строилось вокруг механизма их реализации. Первоначальный вариант реформы предполагал введение для каждого гражданина персонального приватизационного счета [16]. Правительство Е. Т. Гайдара отказалось от этого варианта и в 1992 г. ввело в действие приватизацию, основанную на приватизационных чеках. Основной идеей приватизации являлось разгосударствление предприятий, цели пополнения доходной части бюджета за счет этого не ставилось.

Крупные предприятия, сформировавшиеся еще в советский период отечественной истории, представляли собой народно-хозяйственные комплексы, поэтому особенно острой была дискуссия относительно их приватизации. С. Глазьев предлагал приватизировать их как научно-производственные объединения, А. Чубайс, наоборот, предлагал дробить их и приватизировать их отбельные компоненты – фабрики, заводы. Предложение о сохранении комплексов в результате приватизации основывалось на стремлении сохранить сформировавшиеся интеграционные связи между предприятиями и сложные производственные цепочки. Приватизация в рамках второго варианта основывалась на стремлении правительства создать «массового собственника», а не ограниченной прослойки собственников, владеющих огромными активами. На практике была реализована ваучерная реформа А. Б. Чубайса, при этом уступки по сохранению крупных производственных комплексов были сделаны в отношении нефтяных компаний с их производственными цепочками.

Продолжение реформ: 1995-1998 гг.

В 1995-1996 гг. дискуссии о продолжении реформ уступили место предвыборным дебатам: начинать крупные структурные реформы накануне выборов было бы рискованным шагом. Команда Б. Н. Ельцина теряла политические позиции в обществе, поэтому стремилась обеспечить сдерживание инфляции, в том числе за счет игнорирования необходимости серьезных структурных изменений в экономике. В поисках способов покрытия бюджетного дефицита, не сопряженных с дополнительной эмиссией и разгоном инфляции, был реализован один из самых скандальных в новой российской истории механизм залоговых аукционов. Правительство России получало от коммерческих банков – победителей аукционов кредит, передавая им в качестве залогового обеспечения пакет акций крупных стратегических государственных предприятий, в первую очередь, добывающих отраслей, продукция которых экспортировалась за рубеж. В случае невозврата Правительством кредитных средств государственные пакеты акций переходили в собственность коммерческих банков. Идея была поддержана А. Б. Чубайсом, а курировал процесс проведения аукционов А. Кох. Правовым основанием для проведения аукционов являлся Указ Президента Российской Федерации. По мнению ряда исследователей, Правительство изначально не планировало возвращать кредиты коммерческим банкам, так как соответствующие расходы по их обслуживанию не были заложены в качестве самостоятельной расходной статьи федерального бюджета на следующий финансовый год. Таким образом, механизм залоговых аукционов позволил заинтересованным лицам обойти запрет на прямую продажу указанных активов, установленный Государственной Думой, а его реализация осуществлялась с многочисленными нарушениями [3].

Социально-экономические последствия экономических реформ 1990-х гг.

В современной литературе экспертные оценки последствий реформ описаны достаточно подробно. Обращает на себя внимание статья А. И. Татаркина и В. Л. Берсенёва, в которой проведен достаточно подробный и качественный историографический обзор литературы авторства как апологетов «шоковой терапии», так и их оппонентов [20]. Согласимся с авторами в том, что сторонники и непосредственные участники реализации экономических реформ аргументируют необходимость их реализации и оправдывают наступившие негативные последствия безальтернативностью перехода плановой экономики СССР к рынку,

высокими рисками наступления голода и гражданской войны, считают основным результатом формирование базовых институтов рыночной экономики. Критики реформ акцентируют внимание на негативных последствиях, реализованных в 1990-х гг. решений и настаивают на том, что альтернативы им имелись на протяжении всего исследуемого периода, в том числе в рамках постепенного внедрения рыночных механизмов и институтов [20, с. 325].

Как показывает исторический опыт перехода от плановой к капиталистической экономике государств, возникших после распада СССР и стран Центральной и Восточной Европы, процесс трансформации сопровождается рядом социально-экономических проблем, свойственных ему во всех государствах. В их числе:

- финансово-бюджетные проблемы (дефицит государственного бюджета, наращивание государственного долга и т.п.), сопровождающие кризис системы государственного управления;

- гиперинфляция при переходе к рыночному порядку ценообразования, оказывающая негативное влияние на уровень благосостояния населения;

- нестабильность валютного курса и часто девальвация национальной валюты, с одной стороны, дающая преимущество национальным товаропроизводителям перед иностранными конкурентами в краткосрочном периоде, с другой – отрицательно влияющая на инвестиционные процессы;

- формирование нового класса собственников в условиях, когда большая часть населения не способна участвовать в этом процессе из-за обесценившихся накоплений и экономической неграмотности, и приватизация государственной собственности по заниженным ценам, компенсирующим инвесторам политические риски, в том числе с использованием коррупционных и преступных схем;

- разрушение целых отраслей и сегментов экономики и социальной сферы в результате неконкурентоспособности, сокращения государственного финансирования и поддержки¹.

Постсоветская Россия в этом плане не является уникальной, однако, не следует забывать о том, что она специфична по отношению к другим странам с переходной экономикой, что диктуется её региональным и мировым геополитическим влиянием, громоздкой отраслевой и бюрократической структурой, традициями хозяйствования, наличием нерешенных межэтнических и межнациональных конфликтов и рядом других факторов.

Обратимся к данным официальной статистики 1990-1991 гг., используя по возможности сопоставимые данные о динамике основных социально-экономических показателей развития России. На основании данных таблицы 2 можно сделать вывод о том, что в исследуемый период ВВП в сопоставимых ценах стабильно снижался за исключением незначительного роста, наблюдаемого в 1997 г. и 1999 г. Коэффициент Джини, характеризующий расслоение населения страны по доходам и являющийся своеобразным маркером социальной справедливости в обществе увеличился с 0,260 в 1992 г. до 0,400 в 1999 г., т.е. почти в 2 раза. Реальные денежные доходы населения России, сократившись вдвое в 1992 г., несмотря на рост в 1993 г., 1994 г., 1996 и 1997 г. не смогли достигнуть значений начала 1990-х гг.

¹ Герасимова, Р. Г. (2010) Сравнительный анализ экономического развития и рыночных реформ в странах с переходной экономикой в 1990-2009-е годы: автореф. дис. ... к.э.н. М. С. 7.

Таблица 2. Показатели социально-экономического развития России в 1990-1999 гг.

Table 2. Indicators of socio-economic development of Russia in 1990-1999.

Источник: [17, с. 38, 171]

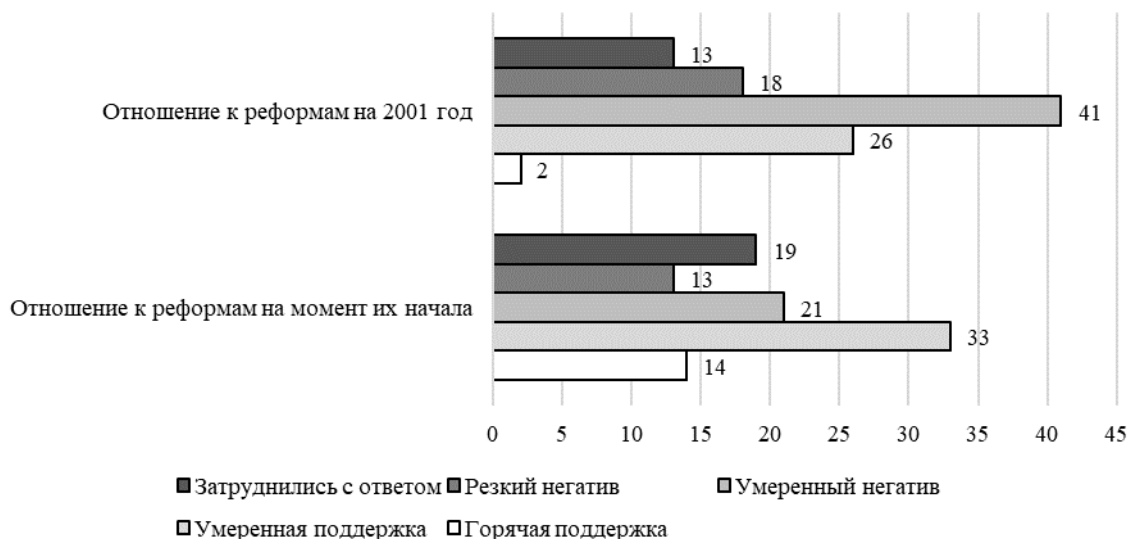
Показатель	1990 год	1991 год	1992 год	1993 год	1994 год	1995 год	1996 год	1997 год	1998 год	1999 год
ВВП в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году	97	95	85,5	91,3	87,3	95,9	96,6	100,9	95,1	105,4
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), %	-	0,26	0,289	0,398	0,409	0,381	0,387	0,401	0,399	0,400
Реальные денежные доходы населения, % к предыдущему году	-	-	53	116	112	84	101	106	84	87

Результаты социологических опросов говорят о том, что большая часть населения изменила своё отношение к реформам за годы их реализации. Если в начале 1990-х гг. в поддержку перехода к рынку выступал каждый пятый россиянин, то к началу 2001 г. уже после их реализации поддерживает реформаторский курс только каждый пятидесятый (рисунок 1). Если в начале реализации реформ большая часть населения страны (33%) умеренно поддерживала их проведение, то в 2001 г. 41% граждан России относился к ним умеренно негативно.

Рисунок 1. Отношение россиян к радикальным реформам 1990-гг. на момент их начала и в 2001 г.

Illustration 1. Russians' attitude to radical reforms of the 1990s. at the time of their start and in 2001.

Источник: [10, с. 14]

К числу преимуществ, достигнутых в результате реформ, в 2001 г. россияне относили насыщение рынка товарами (54%), свободу слова и мысли (24%), свободу выезда за рубеж, восстановление церкви и прекращение гонений (по 22%), приближение российского образа жизни к образу жизни населения развитых государств, возможность зарабатывать без ограничений (20%), свободные выборы и многопартийность (19%) [10, с. 30]. К наибо-

лее значимым потерям население России в начале 2000-х гг. относит снижение уровня жизни населения (54%), развал науки и промышленности, снижение авторитета страны на международной арене (по 35%), рост коррупции и отход от обеспечения порядка в стране (28%), отход от социалистических идей (27%), резкое социальное расслоение и утрата уверенности в завтрашнем дне (по 22%) [10, с. 33].

Таким образом, позиция критиков реформ 1990-х гг. подтверждается материалами анализа официальных статистических данных и результатами социологических опросов. Мнение населения, ожидавшего позитивных изменений в начале 1990-х гг., в процессе проведения реформ изменилось, а отношение к их результатам стало преимущественно негативным, что позволяет сделать вывод о реализации конкретных реформ в отсутствие поддержки преобразований со стороны граждан. Экономические тенденции говорят о том, что реформаторы не смогли к началу 2000-х гг. восстановить уровень жизни населения, объем производства и усугубили социальное расслоение в обществе.

4. Выводы

К рубежу 1980-1990-х гг. как в экономике, так и в обществе СССР назрели очевидные предпосылки к осуществлению экономических реформ. В начале 1990-х гг. в качестве основных вариантов перехода к рыночным отношениям обозначились две программы – «программа Рыжкова – Абалкина» и программа «500 дней» Шаталина-Явлинского, которые концептуально отличались между собой и основывались на разных принципах перехода к рыночной экономике, что усугубило экономический и политический кризис в стране. Несмотря на ожесточенную полемику при обсуждении на высшем государственном уровне обеих программ экономического реформирования, ни одна из них не была практически реализована.

1992-1994 гг. как этап реформирования российской экономики можно назвать периодом стихийного реформирования, во время которого основными задачами регулирования были формирование базовых рыночных институтов (в первую очередь, отношений собственности), стабилизация цен в результате перехода к рыночному ценообразованию, бюджетного дефицита, а также иные требующие безотлагательного решения проблемы текущего макроэкономического регулирования. Несмотря на то, что показатели инфляции и спада производства оказались хуже изначально планируемых, правительство не отказалось от реформаторского курса. Попытки обеспечения макроэкономической стабилизации предполагали отклонение от выбранного жесткого монетарного регулирования в моменте, в том числе по причине противостояния с парламентом, часто настаивавшем на увеличении государственных расходов и своими решениями усугубляющим бюджетный дефицит. Важным последствием исследуемого периода стало принятие решения о ваучерной приватизации, заменившего идеи о введении персонифицированных, а потому неотчуждаемых, приватизационных счетов. Несмотря на ожидания реформаторов, относительно создания в стране «массового собственника» механизм реализации реформы позволил в короткие сроки аккумулировать в руках ограниченного круга лиц огромные активы. Принятие решения о допустимости приватизации отдельных предприятий в составе научно-производственных объединений способствовало разрушению годами формировавшихся хозяйственных связей и усугубило развал промышленного производства в стране.

С 1997 г. и вплоть до кризиса 1998 гг. серьезных изменений с точки зрения реализуемых реформ не наблюдалось, а российская экономика развивалась эволюционным путем. Государственное регулирование экономики было сосредоточено на конкретизации рыночных «правил игры», что отразилось в принятии фундаментальных федеральных законов, в том числе кодифицированных актов налогового и бюджетного законодательства. Основные принимаемые решения носили тактический, а не стратегический характер. Результаты анализа экономической статистики и результатов социологических опросов говорят о том, что поддержка реформ среди населения постепенно сменилась их неприятием, а негативные

экономические последствия свидетельствуют в пользу слишком высокой цены за формирование основных рыночных институтов. Реформы 1990-х годов заложили фундамент современной российской экономики, которая все еще нуждается в преобразованиях в условиях обострения геополитического противостояния, действия санкций и ведения специальной военной операции. Итогом научного осмысления исторического опыта реформ 1990-х гг. представляется следующий вывод: любые реформы должны опираться на широкую общественную поддержку, быть детально проработанными и стратегически ориентированными, а также направленными на сохранение лучших, уже достигнутых результатов социально-экономического развития с реформированием исключительно проблемных аспектов.

Список источников и литературы

1. Абалкин, Л. И. (1991). *Неиспользованный шанс. Полтора года в Правительстве*. М.: Политиздат. 322 с.
2. Алексеев, М. Ю. (2010). *Экономические реформы в СССР в 80-90-х годах XX века: попытка переосмысления и построения основной сюжетной линии* // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Т. 10. № 5. С. 43-61.
3. *Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации в 1993-2003 гг.: экспертно-аналитическое мероприятие Счетной палаты Российской Федерации (2004)* / Руководитель рабочей группы – Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. М.: Издательство «Олита». 155 с.
4. Ананьин, О. И. (2012). *Как сложились команда реформаторов и ее программа, или о неофициальном экономическом дискурсе в реформаторском движении 1980-х годов* // Мир России. №1. С. 3-10.
5. Байдаков, И. М. (2022). *Разработка радикальной реформы Ельцина-Гайдара в программах Правительства Российской Федерации* // Исторический журнал: научные исследования. № 6. С. 209-225.
6. *В Политбюро ЦК КПСС... По дневниковым записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991)* (2008). М.: Горбачев-фонд. 800 с.
7. *Второй Съезд народных депутатов СССР, 12–24 декабря 1989 г. Стенографический отчет*. Т. 1. (1990). М.: Издание Верховного Совета СССР. 639 с.
8. *Выступление Н.Н. Слюнькова (1990)* // Материалы Пленума ЦК КПСС, 5-7 февраля 1990 г. М.: Издательство политической литературы. 384 с. С. 220-221.
9. Горбачев, М. С. (1995). *Жизнь и реформы*. Кн.1. М.: Новости. 596 с.
10. *Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров (2011)* / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь Мир. 328 с.
11. Илларионов, А. Н. (1995). *Попытки проведения политики финансовой стабилизации в СССР и России* // Вопросы экономики. № 7. С. 84-99.
12. *Народное хозяйство СССР в 1985 г.: статистический ежегодник (1986)*. М.: Финансы и статистика. 655 с.
13. *Народное хозяйство СССР в 1990 г.: статистический ежегодник (1990)*. М.: Финансы и статистика. 752 с.
14. *Переход к рынку. Концепция и Программа (1990)*. М.: «Архангельское». 244 с.
15. *Программа углубления экономических реформ в России (1992)*. М.: Издательство «Республика». 63 с.
16. *Российская программа перехода к рыночным отношениям, разработанная рабочей группой, образованной распоряжением Председателя СМ РСФСР И. С. Силаева № 178-р от 6 марта 1991 г.* // ГАРФ. Ф.10026. Оп.4. Д.1202.
17. *Российский статистический ежегодник (2001)*. М.: Госкомстат.
18. Рыжков, Н. И. (2006). *Истоки разрушения* // Наш современник. № 4. С.197.

19. Рыжков, Н. И. (1995). *Десять лет великих потрясений*. М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие». 576 с.
20. Татаркин, А. И., Берсенёв, В. Л. (2016). *Крутой разворот к рынку. Экономическая реформа в России (1992–1998 гг.) и ее последствия* // Экономика региона. Т. 12. Вып. 2. С. 325-341.
21. Черняев, А. С. (2010). *Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы*. М.: РОССПЭН. 1047 с.
22. Шестаков, Д. Е., Хаиткулов, Р. Г., Самулкин, А. С. (2007). *Эволюция концепции российских экономических реформ 1980–1990-х гг.* / Под ред. О. И. Ананьина. М.: ГУ ВШЭ. 56 с.
23. Шмелев, Н. П. (1987). *Авансы и долги* // Новый мир. № 6. С. 142-158.
24. Шмелев, Н. П., Попов, В. В. (1989). *На переломе: экономическая перестройка в СССР*. М.: АПН. 400 с.
25. *Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России (1991-1997)* (1998) / Гл. ред. Е. Т. Гайдар. М.: ИЭПП. 1114 с.
26. *Экономическая политика Правительства России. Документы. Комментарий* (1992). М.: Издательство «Республика». 78 с.
27. *Экспресс-отчет ВЦИОМ. Отношение населения к возможности ускоренного перехода к рыночной экономике* (1990) // Государственный архив Российской Федерации. Ф.5446. Оп.162. Д.2. Л.225.
28. Williamson, J. (1990). *Latin American Adjustment. How Much has Happened?* Washington: Institute for International Economics. 445 p.

References

1. Abalkin, L. I. (1991) *Neispol'zovannyj shans. Poltora goda v Pravitel'stve*. [An unused chance. A year and a half in the Government]. Moscow, Politizdat. (in Russian).
2. Alekseev, M. Yu. (2010). *E'konomicheskie reformy v SSSR v 80-90-x godax XX veka: popytka pereosmysleniya i postroeniya osnovnoj syuzhetnoj linii* [Economic reforms in the USSR in the 80-90s of the twentieth century: an attempt to rethink and build the main storyline] in *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Vol. 10. 5. 43-61*. (in Russian).
3. *Analiz processov privatizacii gosudarstvennoj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii v 1993-2003 gg.: e'kspertno-analiticheskoe meropriyatie Schetnoj palaty Rossijskoj Federacii* (2004). / Rukovoditel' rabochej gruppy – Predsedatel' Schetnoj palaty Rossijskoj Federacii S.V. Stepashin [Analysis of the processes of privatization of state property in the Russian Federation in 1993-2003: expert and analytical event of the Accounts Chamber of the Russian Federation]. Moscow, Izdatel'stvo «Olita». (in Russian).
4. Anan'in, O. I. (2012). *Kak slozhilis' komanda reformatorov i ee programma, ili o neoficial'nom e'konomicheskom diskurse v reformatorskom dvizhenii 1980-x godov* [How the team of reformers and its program came together, or about the unofficial economic discourse in the reform movement of the 1980s] in *Mir Rossii*. 1. 3-10. (in Russian).
5. Bajdakov, I. M. (2022). *Razrabotka radikal'noj reformy El'cina-Gajdara v programmax Pravitel'stva Rossijskoj Federacii* [Development of the radical Yeltsin-Gaidar reform in the programs of the Government of the Russian Federation] in *Istoricheskij zhurnal: nauchny'e issledovaniya*. 6. 209-225. (in Russian).
6. *V Politbyuro CzK KPSS... Po dnevnikovy'm zapisyam Anatoliya Chernyaeva, Vadima Medvedeva, Georgiya Shaxnazarova (1985–1991)* [In the Politburo of the CPSU Central Committee... According to the diary entries of Anatoly Chernyaev, Vadim Medvedev, Georgy Shakhnazarov (1985–1991)]. (2008). Moscow, Gorbachev-fond. (in Russian).

7. *Vtoroj S`ezd narodny`x deputatov SSSR, 12–24 dekabrya 1989 g. Stenograficheskiy otchyot. T. 1.* [Second Congress of People's Deputies of the USSR, December 12–24, 1989. Verbatim report. T. 1.] (1990). Moscow, Izdanie Verxovnogo Soveta SSSR. (in Russian).
8. *Vy`stuplenie N. N. Slyun`kova (1990) // Materialy` Plenuma CzK KPSS, 5-7 fevralya 1990 g.* [Speech by N. N. Slyunkova (1990) // Materials of the Plenum of the CPSU Central Committee, February 5-7, 1990]. Moscow, Izdatel`stvo politicheskoy literatury`. 220-221. (in Russian).
9. Gorbachev, M. S. (1995). *Zhizn` i reformy`.* Kn.1. [Life and reforms]. Moscow, Novosti. (in Russian).
10. *Dvadcat` let reform glazami rossiyan: opy`t mnogoletnix sociologicheskix zamerov /* Pod red. M. K. Gorshkova, R. Krumma, V. V. Petuxova [Twenty years of reforms through the eyes of Russians: the experience of many years of sociological measurements] (2011). Moscow, Ves` Mir. (in Russian).
11. Illarionov, A. N. (1995). *Popy`tki provedeniya politiki finansovoj stabilizacii v SSSR i Rossii* [Attempts to implement a policy of financial stabilization in the USSR and Russia] in *Voprosy` e`konomiki.* 7. 84-99. (in Russian).
12. *Narodnoye khozyaystvo SSSR v 1985 g.: statisticheskiy yezhegodnik* [National economy of the USSR in 1985: statistical yearbook]. (1985). Moscow: Finansy i statistika. (in Russian).
13. *Narodnoye khozyaystvo SSSR v 1990 g.: statisticheskiy yezhegodnik* [National economy of the USSR in 1990: statistical yearbook]. (1990). Moscow: Finansy i statistika. (in Russian).
14. *Perekhod k rynku. Kontseptsiya i Programma* [Transition to the market. Concept and Program]. (1990). Moscow: «Arkhangel'skoye». (in Russian).
15. *Programma uglubleniya ekonomicheskikh reform v Rossii* [Program for deepening economic reforms in Russia] (1992). Moscow: Izdatel'stvo «Respublika». (in Russian).
16. *Rossiyskaya programma perekhoda k rynochnym otnosheniyam, razrabotannaya rabochey gruppy, obrazovannoy rasporyazheniyem Predsedatelya SM RSFSR I. S. Silayeva № 178-r ot 6 marta 1991 g.* [Russian program for the transition to market relations, developed by a working group formed by order of the Chairman of the Council of Ministers of the RSFSR I. S. Silaev No. 178-r dated March 6, 1991] // GARF. F.10026. Op.4. D.1202. (in Russian).
17. *Rossiyskiy statisticheskiy yezhegodnik* [Russian statistical yearbook] (2001). Moscow: Goskomstat. (in Russian).
18. Ryzhkov? N. I. (2006). *Istoki razrusheniya* [Origins of destruction] in *Nash sovremennik.* 4. 197. (in Russian).
19. Ryzhkov? N. I. (1995). *Desyat' let velikikh potryaseniy* [Ten years of great upheaval]. Moscow: Assotsiatsiya «Kniga. Prosveshcheniye. Miloserdie». (in Russian).
20. Tatarin, A. I., Bersenov, V. L. (2016). *Krutoy razvorot k rynku. Ekonomicheskaya reforma v Rossii (1992–1998 gg.) i yeyo posledstviya* [A sharp turn towards the market. Economic reform in Russia (1992–1998) and its consequences] in *Ekonomika regiona.* Vol. 12. 2. 325-341. (in Russian).
21. Chernyayev, A. S. (2010). *Sovmestnyy iskhod. Dnevnik dvukh epokh. 1972–1991 gody* [Joint outcome. Diary of two eras. 1972–1991]. Moscow: ROSSPEN. (in Russian).
22. Shestakov, D. Ye., Khaitkulov, R. G., Samulkin, A. S. (2007). *Evolyutsiya kontseptsii rossiyskikh ekonomicheskikh reform 1980–1990-kh gg.* [Evolution of the concept of Russian economic reforms of the 1980–1990s] / Pod red. O. I. Anan'ina. Moscow.: GU VSHE. (in Russian).
23. Shmelev, N. P. (1987). *Avansy i dolgi* [Advances and debts] in *Novyy mir.* 6. 142-158. (in Russian).
24. Shmelev, N. P., Popov, V. V. (1989). *Na perelome: ekonomicheskaya perestroyka v SSSR* [At the turning point: economic restructuring in the USSR]. Moscow: APN. (in Russian).

25. *Ekonomika perekhodnogo perioda: Ocherki ekonomicheskoy politiki postkommunisticheskoy Rossii (1991-1997)* [Economy in Transition: Essays on the Economic Policy of Post-Communist Russia (1991-1997)]. (1998). / Gl. red. Ye. T. Gaydar. Moscow: IEPP. (In Russian).

26. *Ekonomicheskaya politika Pravitel'stva Rossii. Dokumenty. Kommentariy* [Economic policy of the Russian Government. Documentation. Commentary]. (1992). Moscow: Izdatel'stvo «Respublika».

27. *Ekspress-otchet VTSIOM. Otnosheniye naseleniya k vozmozhnosti uskorennoy perekhoda k rynochnoy ekonomike* [Express report. Attitude of the population to the possibility of an accelerated transition to a market economy] (1990) // *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii*. F.5446. Op.162. D.2. L.225. (in Russian).

28. Williamson J. (1990). *Latin American Adjustment. How Much has Happened?* Washington: Institute for International Economics. (In English).

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР 1920-Х ГГ. В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

*А. Ю. Сулов**

*Казанский национальный исследовательский технологический университет
ул. К. Маркса, 68, Казань, 420015, Россия*

А. А. Голосеева

*Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. Фотиевой, 6, Москва, 119333, Россия*

Аннотация.

Введение. Цель статьи – изучение восприятия проблемы индивидуального политического террора в российском эмигрантском социалистическом сообществе 1920-х годов. **Материалы и методы.** Методологической основой работы выступают принципы интеллектуальной истории, позволяющие рассмотреть террора с точки зрения анализа идейной борьбы, противостояния отдельных политических деятелей и общественных групп за пространство внимания. Дается краткая историографическая характеристика основным работам отечественных и зарубежных историков. **Результаты.** Разбирается контекст судебного процесса 1923 г., реакция различных лагерей эмиграции, деятельность по организации защиты Коноради и Полунина. Показано, что в отношении самой практики политического терроризма со стороны правых и умеренно консервативных кругов русской эмиграции проявились двойные стандарты: к политическим противникам – можно применять подобные методы, но когда жертвой покушения становится «свой» политики – это вызывает неприятие и публичное осуждение. Фиксируется официальная реакция Заграничной Делегации партии социалистов-революционеров в журнале «Революционная Россия». Наибольшее внимание уделяется неопубликованной статье В.М. Чернова «Оба хуже» (1923 г.), посвященной итогам суда в Лозанне. Анализируется аргументация Чернова, его взгляды на принципиальные различия дореволюционного эсеровского террора и убийства В.В. Воровского. Отмечается, что народовольческий и эсеровский террор находился в жестких морально-этических рамках, которые не позволяли совершать политические убийства на территории свободных демократических стран. Эсеровские террористы никогда не шли по пути наименьшего сопротивления и провозглашали идею самопожертвования. Чернов подчеркивает, что привлекать к ответственности за красный террор могут только те, кто не причастен к террору белому. Оценивается реакция российской социал-демократии в эмиграции, в частности, статья лидера зарубежных меньшевиков Ф.И. Дана, посвященная лозаннскому процессу. **Выводы.** Авторы приходят к выводу о преобладании тезиса о праве только социалистических партий, без привлечения белого движения, бороться с большевистской диктатурой. Делается заключение о принципиально единой позиции заграничных российских социалистов в деле противостояния политическому террору.

Ключевые слова: В.В. Воровский, политический террор, судебный процесс, М. Конради, эмиграция, В.М. Чернов, партия социалистов-революционеров, меньшевики

*** Ответственный автор**

Для цитирования: Суслов А.Ю., Голосеева А.А. (2024). Индивидуальный политический террор 1920-х гг. В оценках российской социалистической эмиграции // История: факты и символы. № 3 (40). С. 122-137 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-122-137

Статья поступила: 26.02.2024

Статья принята в печать: 27.05.2024

Статья опубликована: 20.09.2024

© Суслов А., Голосеева А., 2024

THE INDIVIDUAL POLITICAL TERROR OF THE 1920-S IN THE ASSESSMENTS OF THE RUSSIAN SOCIALIST EMIGRATION

*Aleksei Y. Suslov**

Kazan National Research Technological University
68 K. Marx Street, Kazan, 420015, Russia

Anna A. Goloseeva

Institute of Socio-Political Studies of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
6, Fotieva str., Moscow, 119333, Russia

Annotation.

Introduction. The purpose of the article is to study the perception of the problem of individual political terror in the Russian emigrant socialist community of the 1920s. **Materials and methods.** The methodological basis of the work is the principles of intellectual history, which allow us to consider terror from the point of view of analyzing the ideological struggle, the confrontation of individual political figures and public groups for the space of attention. A brief historiographical description of the main works of domestic and foreign historians is given. **Results.** The context of the 1923 trial, the reaction of various emigration camps, and the activities of organizing the defense of Konradi and Polunin are analyzed. It is shown that double standards have been manifested in relation to the very practice of political terrorism on the part of right-wing and moderately conservative circles of Russian emigration: similar methods can be applied to political opponents, but when an attempt victim becomes a "friend" of politics, this causes rejection and public condemnation. The official reaction of the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party is recorded in the magazine *Revolutionary Russia*. The greatest attention is paid to V.M. Chernov's unpublished article "Both are worse" (1923), dedicated to the results of the trial in Lausanne. Chernov's argumentation and his views on the fundamental differences between the pre-revolutionary Socialist Revolutionary terror and the murder of V.V. Vorovsky are analyzed. It is noted that the popular-will and Socialist-Revolutionary terror was in a strict moral and ethical framework that did not allow political crimes to be committed. Chernov emphasizes that only those who are not involved in the white terror can be held accountable for the red terror. The reaction of Russian social democracy in emigration is evaluated, in particular, the article by the leader of the foreign Mensheviks F.I. Dan, dedicated to the Lausanne process. **Conclusions.** The authors conclude that the thesis of the right of only socialist parties, without involving the white movement, to fight the Bolshevik dictatorship prevails. The conclusion is made about the fundamentally unified position of foreign Russian socialists in opposing political terror.

Keywords: V.V. Vorovsky, political terror, trial, M. Konradi, emigration, V.M. Chernov, Party of Socialist Revolutionaries, Mensheviks.

* Responsible author

For citation: Suslov A., Goloseeva A. (2024). The individual political terror of the 1920-s in the assessments of the Russian socialist emigration In *History: facts and symbols*, 3 (40), 122-137 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-122-137

Received: 26.03.2024

Revised: 27.05.2024

Published: 20.09.2024

© Suslov A., Goloseeva A., 2024

1. Введение

Террор в качестве метода политической борьбы использовали как радикальные организации, так и одиночки, считающие, по различным основаниям, свои акции морально оправданными. В начале XX в. в России индивидуальный политический террор достиг значительных масштабов. Как системный элемент тактики его приняли сразу несколько политических организаций, в том числе партия социалистов-революционеров (террор нашей полит программы).

Эпоха революции 1917 г. и Гражданской войны вновь обострила эту проблему. Проблема индивидуального политического террора в годы гражданской войны и причастности к нему различных политических деятелей и организаций в России является одной из наиболее острых и дискутируемых в историографии. Зачастую политические убийства становились оправданием для ответного массового террора, к которому прибегали все противостоящие стороны. Покушения на лидеров большевиков в 1918 г. имели серьезные и длительные последствия, как для правящей партии, так и для ее оппонентов.

Позиция партии социалистов-революционеров по этому вопросу была следующей: официально террор не был включен в партийную тактику ни на IV съезде, ни на VIII, IX и X Советах партии в 1917–1921 гг. [10, с. 329 – 330]. Несмотря на жаркие внутренние споры о возможности применения террористических методов борьбы с большевиками, например, на IV съезде партии в ноябре – декабре 1917 г., категорически отвергалась причастность партии к террору против большевистских лидеров (главным образом, к покушению Фанни Каплан на Ленина и убийству Володарского).

В начале 1920-х гг. российские социалистические партии, противники большевиков, в значительной мере были вытеснены в эмиграцию. Прошедшие события заставили пересмотреть основы мировоззрения российских социалистов, задуматься не только о разработке новых путей и методов осуществления социализма, но и о ревизии его содержания, изменения программных принципов. В этом процессе идейной эволюции проблема политического террора не занимала центрального места. Однако такие дискуссии актуализировались, когда русскую эмиграцию потрясли громкие политические убийства, к которым представители партии, в прошлом знаменитой своей Боевой организацией, не могли оставаться безучастными. Одной из таких террористических акций стало убийство советского дипломата Вацлава Вацлавовича Воровского (1871–1923) в швейцарской Лозанне 10 мая 1923 г.

2. Материалы и методы

Методологической основой работы выступают принципы интеллектуальной истории, позволяющие рассмотреть оценку террора с точки зрения анализа идейной борьбы, противостояния отдельных политических деятелей и общественных групп эмиграции за пространство внимания. Исследуется интеллектуальная мысль эпохи, способы построения и выражения мыслей, интерпретации. Цель данной статьи – изучение восприятия проблемы индивидуального политического террора в российском эмигрантском социалистическом сообществе 1920-х гг.

За прошедшее время гибели Воровского сложилась определенная историографическая традиция. В СССР было опубликовано несколько биографических трудов о В.В. Воровском, переизданы его философские и литературоведческие работы, статьи по вопросам внешней политики [6]. Из зарубежной историографии можно выделить монографии Анетты Гатикер [26] и А. Сенна [27], а также статьи Г. Каполя [23] и Р. Матоса Франко [24; 25]. В современной российской исторической литературе сюжет о Воровском так или иначе затрагивается в работах Н. Ю. Васильевой [1], А. В. Ганина [2], Ю. В. Дойкова [4], В. П. Драгунова [5], Ю. Н. Сколяр [13], К. А. Чистякова [16; 17] и других.

В то же время стоит отметить, что существующая литература сосредоточена главным образом на юридических аспектах судебного процесса и в меньшей степени затрагивает общественно-политическую реакцию на дело Конради-Полунина в среде российской эмиграции. Только в последнее время появились работы, так или иначе анализирующие подготовку суда, подготовку защиты и обвинения, международный резонанс. Не получила научного освещения реакция различных лагерей российской эмиграции, прежде всего, неонароднического. Между тем, отклики представителей левого крыла Зарубежья на процесс 1923 г. и проблему политического террора представляют безусловный интерес в плане изучения эволюции программных и тактических установок социалистов-революционеров и социал-демократов в 1920-е гг.

3. Результаты и их обсуждение

В. Воровский находился в Лозанне в составе советской делегации для участия в международной конференции, посвященной положению черноморских проливов, которая проходила в два этапа – с 21 ноября 1922 г. по 5 февраля 1923 г. и с 23 апреля по 24 июля 1923 г. Однако, из-за противодействия великих держав, советские дипломаты не получили официального статуса участников конференции и не были допущены к заседаниям. Впоследствии это дало повод властям Швейцарии считать Воровского частным лицом и отказать СССР в участии в судебном процессе в качестве законной стороны, и обвинения на процессе выдвигали представители гражданских истцов. Швейцарский коммунист Вельти выступал как поверенный вдовы Воровского, Членов С.Б. – представителем одного из раненых коллег дипломата.

Убийцей Воровского был М. М. Конради (1896–1947), русский эмигрант швейцарского происхождения, белый офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн. Дождавшись Воровского в ресторане отеля «Сесиль», он убил его выстрелами из пистолета и ранил еще двух человек: секретаря Воровского М. А. Дивильковского и его помощника и пресс-секретаря И. Л. Аренса. После совершения террористического акта Конради не пытался бежать и сдался полиции. Через несколько дней после обыска у членов был арестован его сообщник А. П. Полунин (1889–1933), также офицер и эмигрант, член русского Красного Креста, который лично в террористическом акте не участвовал, но являлся его организатором.

Судебный процесс над Конради и Полуниным (5–16 ноября 1923 г.) в Лозанне завершился довольно скандально – оправданием подсудимых. Суд присяжных счел, что Конради действовал под давлением «обстоятельств, исходивших из его прошлого». Действительно, Конради имел серьезный личный мотив для мести: в период «красного террора» погибли его отец и дядя, владелец кондитерских фабрик в Москве и Санкт-Петербурге.

Стоит отметить, что лозаннский процесс 1923 г. проходил на фоне активизации индивидуального политического террора в Европе после окончания Первой мировой войны. Общественное мнение (как и, разумеется, присяжные заседатели) было прекрасно информировано о целом ряде резонансных убийств начала 1920-х гг. Так, 13 июня 1920 г. албанец А. Рустеми убил в Париже Эссад-пашу Топтани, в прошлом видного османского военачальника. 15 марта 1921 г. армянский студент С. Тейлирян застрелил в Берлине М. Талаат-пашу, одного из лидеров младотурецкой партии, бывшего министра внутренних дел Османской

империи. 26 августа 1923 г. от рук Й. Цицонкова в Праге погиб Райко Доскалов, болгарский политик, один из руководителей Болгарского земледельческого народного союза, бывший министр внутренних дел и бывший посол в Чехословакии. Во всех трех случаях эти политические убийства рассматривались как акты патриотической борьбы, и убийцы избежали наказания либо ввиду оправдания присяжными, либо ввиду признания невменяемыми. Трудно оценить, насколько большое воздействие оказали эти прецеденты на Лозаннский процесс, но учитывать этот фактор необходимо. Сыграла свою роль и ситуация внутри Швейцарии, особенно убежденность значительной части швейцарского общества в том, что всеобщая забастовка 1918 г. была организована советскими агентами и воспоминания о разграблении дипломатической миссии в Петрограде (соответствующая информация прозвучала на процессе).

Гибель В. В. Воровского и процесс Конради–Полунина получили большой общественный резонанс, вызвали острую полемику в эмиграции и активно освещались в периодической печати, как советской, так и зарубежной. Появились брошюры адвоката Полунина Т. Обера [12; 22] и советского представителя на суде С.Б. Членова [18; 19]. Советская пропаганда связывала гибель Воровского с империалистическими кругами стран Антанты, а также возлагала ответственность на правительство Швейцарии, не обеспечившей безопасности дипломата. По Советскому Союзу прокатилась волна массовых акций по поводу гибели Воровского. Еще до вердикта суда в июне 1923 г. власти РСФСР приняли решение о полном бойкоте Швейцарии – не выдавать виз швейцарским гражданам (за исключением пролетариата) и остановить экономические взаимосвязи.

Правительства многих стран – Италии, Швеции, Турции, Греции, Германии, Латвии, Литвы, Монголии, Болгарии, Эстонии, Персии и даже Ватикана, выразили Советскому Союзу свои соболезнования. Под давлением европейских держав (прежде всего, Франции) в 1927 г. и правительство Швейцарии «осудило» и «выразило сожаление» по поводу убийства Воровского, бойкот был снят, однако дипломатические отношения с СССР были восстановлены только в 1946 г.

Как же удалось добиться оправдательного приговора убийцам? Главным образом, это был результат слаженных действий адвокатов подсудимых и определенных кругов российской эмиграции, которым удалось превратить судебный процесс Конради–Полунина в суд над большевистской властью. Возник организационный центр, наиболее активным деятелем которого был А. И. Гучков. Гучков сыграл решающую роль в сборе материалов и доказательств для швейцарского суда [8, с. 136]. Он писал из Парижа в Италию 30 июня 1923 г. известному литератору А. В. Амфитеатрову: «Как только произошло в Лозанне известное Вам событие, мне и небольшому кружку моих политических друзей естественно пришло в голову воспользоваться предстоящим процессом, чтобы выполнить акт грандиозной пропаганды против большевиков и, что называется, подменить подсудимых, посадив на скамью подсудимых саму советскую власть» [11, с. 590]. Был составлен план подготовки к процессу (сбор сведений о красном терроре, деятельности ВЧК и др.), активную помощь Гучкову оказывали П. Б. Струве, И. С. Шмелев [20], С. П. Мельгунов, В. И. Гурко, Ю.И. Лодыженский и многие десятки других известных деятелей эмиграции.

В активной роли Гучкова в процессе была своя ирония, так как в эмиграции он сам был объектом ненависти и угроз монархистов, винивших его в организации заговора против императора в 1917 г. В январе 1921 г. в Берлине на станции подземки Гучков случайно столкнулся с офицером–монархистом С.В. Таборицким, который напал на него и довольно сильно избил зонтиком, называя Гучкова предателем. После вмешательства полиции Гучков был отправлен в больницу. Как известно, через год именно от руки Таборицкого погибнет В. Д. Набоков.

Представители истцов пытались сделать все возможное, чтобы переключить внимание на процессе с обвинений в адрес советской власти на сам факт убийства. С.Б. Членов в

своей заключительной речи среди прочего апеллировал и к факту убийства В.Д. Набокова, указав, что «к чести немецких судей, убийцы были приговорены к 20-ти годам заключения»¹. Истцы настаивали, что вопрос о русской революции должен быть разрешен не судом присяжных, а трибуналом мировой истории. Однако им, в свою очередь, пришлось обличать «белый» террор и характеризовать подсудимых как фашистов, шпионов, контрреволюционеров и предателей Родины.

Газета «Накануне», сразу же после убийства обвинила в нем швейцарские ультраправые организации: «Убийца принадлежит к группе так называемых, швейцарских фашистов, которые за последние дни неоднократно выступали с угрозами против Воровского и его товарищей»².

В ходе процесса и после оправдательного приговора советская пресса упорно продвигала версию о том, что Конради и Полуниин лишь исполнители, а заказчики убийства – некие влиятельные антисоветские силы: «Демократический суд неотлучно стоял на страже того дьявольского заговора буржуазии, имя которому фашизм»³.

«Оправдала убийц тов. Воровского та международная шайка, которая выбрала место, время и обстановку убийства, которая застигла тов. Воровского в Лозанне (...) и пустила в него рукой Конради несколько пуль. (...) Могла ли эта международная шайка допустить, чтобы Полуниин и Конради понесли действительное наказание? Могла ли она быть уверенной в том, что эти два проходимца, поставленные перед реальной, а не воведильной опасностью смертного приговора, не выдадут тех, кто их повел на убийство?»⁴.

На эпитеты в адрес Конради лично советские журналисты также не скупились, традиционно объединяя эсеров и монархистов как идейных единомышленников: «Чтобы сделаться эсеро-белогвардейским героем и святым, недостаточно быть разбойником и грабителем. Надо еще иметь трусливую и гаденькую душонку мелкого воришки»⁵.

В качестве свидетелей обвинения были привлечены бывшие белые генералы С. К. Добророльский и Е. И. Доставалов, служившие ранее во врангелевской армии, сотрудники сменовеховской газеты «Накануне», идеолог сменовеховства профессор Ю.В. Ключников, французский коммунист Ш. Раппопорт, писатель А. Барбюс (прислал письмо), несколько граждан Швейцарии и США, имевшие отношение к Гражданской войне в России. Однако свидетели из рядов сменовеховцев, из-за своей сомнительной идеологической позиции, не вызывали особого доверия. Например, в ходе самого процесса 10 ноября на очной ставке между Добророльским и Доставалов и генералом Крейтером, последний заявил, что, по общему мнению офицеров Врангелевской армии, эти генералы являются «изменниками, недостойными того, чтобы с ними разговаривать»⁶. И это был не единственный инцидент такого рода.

Сторона защиты и по числу привлеченных свидетелей, и по количеству и качеству подготовленного материала существенно превзошла обвинение. «Не только вся эмигрантская печать, – писал в варшавской газете «За свободу!» известный писатель М. П. Арцыбашев, – но и вся мировая пресса, за исключением нескольких органов усмотрела в оправдании Конради “пощечину большевизму”»⁷. Сам Арцыбашев своими статьями, в том числе «Показания, представленные на суд в Лозанну» («За свободу!», 1923, 22 и 24 но-

¹ Процесс Конради // Дни. № 314. 1923. 17 ноября. С. 3.

² Убийство Воровского // Накануне. № 331. 1923. 12 мая. С. 1.

³ П.Ш. Два суда // Правда. № 259. 1923. 15 ноября. С. 1.

⁴ П.Ш. Кто оправдал наемных убийц? // Правда. № 262. 1923. 18 ноября. С. 1.

⁵ Святой убийца (К процессу Конради) // Правда. № 255. 1923. 10 ноября. С. 1.

⁶ Дело об убийстве Воровского // Руль. № 902. 1923. 21 ноября. С. 4.

⁷ Арцыбашев М.П. Пощечина // За свободу! 1923. 26 ноября.

ября), выступая как свидетель против большевизма, также в значительной мере способствовал оправданию Конради [3, с.130].

Очевидно, что право-консервативная часть эмиграции горячо приветствовала решение Лозаннского суда, но не были исключением и правые кадеты. «Чем энергичнее большевики и их приспешники усердствовали, тем звонче на весь мир прогремела пощечина, нанесенная им оправдательным вердиктом»¹, ликовал «Руль». «Конради совершил тяжкое преступление, он нанес физический удар; но судьи совести не решились вменить ему это преступление в вину, потому что большевики создали невыносимую обстановку неслыханной тирании, которая властно толкала руку убийцы»².

Здесь невольно напрашивается сравнение с реакцией русской эмиграции на покушение 28 марта 1922 г. в Берлине монархистов П. Н. Штабельского-Борка и С. В. Таборицкого на П. Н. Милюкова, в результате которого был застрелен В.Д. Набоков. Здесь русское общество в изгнании сомкнуло ряды и единодушно выразило негодование по поводу этого бессмысленного акта насилия. Причем осуждалось не только само убийство достойнейшего человека, патриота и рыцаря, но и сам террор как метод приверженцев монархической идеи. «Господа монархисты показали себя во всей своей сущности... Доведя отчизну до небывалой катастрофы и породив большевистское засилье, которое воспроизводит в карикатурной форме все их навыки и приемы, они пользуются гостеприимством чужой страны, чтобы сводить свои кровавые счета с людьми, которые всю свою жизнь отдали на борьбу за благо и счастье России»³. «Потрясены известием о новой жертве отвратительного террора, лишившего Россию одного из лучших сынов», писали члены бюро национального комитета из Праги; «Редакция газеты «Голос России» глубоко возмущена чудовищным и бессмысленным преступлением...»; «Правление русского студенческого союза в Чехословацкой республике, объединяющего демократическое студенчество, возмущенное гнусными приемами монархической клики против партии народной свободы, всегда протестовавшей против террора, выражает чувство глубокого соболезнования...» и т.д.⁴

Разумеется, правая пресса была более сдержана, однако и участники проходившего в это время в Берлине монархического съезда, и участники совещания русских конституционных монархистов однозначно открестились от убийц, осудили их преступное деяние и выразили глубокие соболезнования вдове Владимира Дмитриевича⁵.

Таким образом, мы видим, что в отношении самой практики политического терроризма со стороны правых и умеренно консервативных кругов русской эмиграции проявились двойные стандарты: к политическим противникам – можно применять подобные методы, но когда жертвой покушения становится «свой» политики – это вызывает неприятие и публичное осуждение.

Часть деятелей левого спектра российской эмиграции также приняла участие в помощи защитникам Конради и Полунина. Обширные материалы в форме научного доклада прислал П. А. Сорокин, собирался приехать на суд А. Ф. Керенский (в итоге дал письменные показания). Это вновь оживило в эмигрантской социалистической среде дискуссию о допустимости террора как метода политической борьбы.

Газета Керенского «Дни» оперативно реагировала на все новости, связанные с убийством Воровского. На следующий день после инцидента в Лозанне на первой странице «Дней» появилась статья «Бессмысленное убийство», в которой говорилось о том, с учетом

¹ Лозаннский приговор // Руль. № 900. 1923. 18 ноября. С. 1.

² Там же.

³ Монархисты // Руль. № 417. 1922. 30 марта. С. 2.

⁴ Памяти В.Д. Набокова. Выражения сочувствия и соболезнования // Руль. № 418. 1922. 31 марта. С. 1.

⁵ К убийству В.Д. Набокова // Руль. № 418. 1922. 31 марта. С. 2.

довольно сложного положения Советской России на международной арене, данный террористический акт пойдет ей только на пользу. «Убийство Воровского будет использовано большевиками для некоторого смягчения того естественного чувства возмущения, которое вызывает у всех порядочных людей их режим ужаса и крови. Борьба с большевиками методами фашизма значит задерживать естественный процесс изоляции большевизма в Европе»¹.

После начала процесса «Дни» публиковали ежедневные отчеты о нем, однако довольно лаконичные и не на первых полосах. Однако последовало несколько публикаций как ответ на некоторые заявления большевистских деятелей. В ответ на обещания К. Радека провезти тело Воровского по всей России, А. Керенский опубликовал передовицу «Путешествие», в которой предлагал не забыть проехать под окнами Бутырской тюрьмы, где «двенадцать смертников гниют заживо», по российским деревням, где их встретят «тени младенцев, пожранных своими матерями» и запоротые мужики, и забыть «штаб Духонина» с тысячами «убитых «золотопогонников»².

Используя все эти яркие образы, Керенский умело подчеркивает цинизм большевистской скорби по убитому дипломату, которая будет использована как повод для новых репрессий. «И во имя Воровского с новой силой заполыхает пламя над «бунтующими деревнями»; с новым усердием заработают пулеметы и браунинги; еще плотнее набьются тюрьмы «контрреволюционерами» – рабочими и интеллигентами»³. В еще одной передовице «Дней» «Террор»⁴ разоблачались попытки советской прессы отрицать красный террор вообще. Такие публикации, несомненно, создавали общий фон для формирования общественного мнения о процессе.

Позиция эсеровского правого центра в лице Керенского вызвала жестко-негативную реакцию со стороны социал-демократов.

Лидер заграничных меньшевиков Ф. И. Дан резко негативно отнесся к сценарию предстоящего процесса, который формировала защита: «процесс Конради и Полунина – меньше всего обычный уголовный процесс, и в то же время, даже с точки зрения чистого человеколюбия, характер той судебной инстанции, перед которой они предстанут, менее всего заставляет опасаться чрезмерной жестокости приговора. И если правый фланг русской эмиграции с такою страстью и энергиею взялся за организацию защиты на этом процессе, то именно потому, что он желает сделать из него политическую тяжбу, а самого Конради из ополумевшего мстителя за претерпленные личные обиды и страдания превратить в передового борца, в своего рода символ и знамя всех оттенков белогвардейской контрреволюции» (...) «Бой по всей линии между контр-революцией и революцией — вот пьеса, которую хочет поставить под названием «дела Конради» белогвардейщина на швейцарском суде»⁵. Дан делает однозначный вывод, оставляя только за социалистическими партиями право борьбы с диктатурой: «Со всеми противоречиями революции, со всеми ее ошибками и даже преступлениями демократы и социалисты, стоящие на революционной почве, могут бороться только сами, своими собственными силами. Мнимым «помощникам» в этой борьбе из черной и белой сотни ответ может быть только один: «грязные руки прочь!»⁶.

От лица тех, кто решился выступить со свидетельскими показаниями на стороне защиты, на страницах «Дней» выступила Е. Кускова. С ее точки зрения, выступление на процессе со свидетельствами против большевистской власти еще не означает поддержки тер-

¹ Бессмысленное убийство // Дни. № 160. 1923. 12 мая. С. 1.

² Путешествие // Дни. № 166. 1923. 19 мая. С. 1.

³ Там же.

⁴ Террор // Дни. № 314. 1923. 17 ноября. С. 1.

⁵ Дан Ф. Под маской «судебной защиты» // Социалистический вестник. 1923. № 20 (66). С. 2.

⁶ Там же. С. 3.

рора. «С моей точки зрения, все честные и политически зрелые люди должны были бы всемерно и всякими путями стремиться выбить этот аппарат [политического террора] и из рук красных, и из рук белых. Ибо ясно, что аппарат этот – злейший враг России, злейший враг всей культуры вообще»¹. Отвечая на резкие выпады Дана, она напомнила о традиционно просоветской позиции меньшевиков, в том числе и по вопросу об официальном признании СССР: «Теперь от нас требуют не только безусловного и безоговорочного «признания советов», но и молчания на суде о той жизни, которая ими создана. И все во имя «борьбы против реакции»². Причислить всех, кто решился выступить на процессе к контрреволюции, которая готовится дать бой не только «октябрю», но и «февралю», могут только люди «имеющие дело всегда со стадом, а не с ответственными за свои действия личностями»³.

При этом ошибочно было бы полагать, что Екатерина Кускова принимает сторону «белых» и готова обличать только государственный террор большевиков. «Только при особом состоянии ума и сердца возможна постановка таких вопросов: равноценен ли красный террор белому? (...) Что лучше? Кровь от белой или от красной руки? (...) Расценивать людоедство по его «значению» или силе преступности – нельзя. Его надо уничтожить»⁴, писала она вскоре после окончания процесса.

Советская пресса не оставила без внимания активность эмигрантской демократической общественности и заклеила их как участников убийства. «Кускова-Конради – это клеймо, которое выжжено на лбу «социалистов» и «демократов», добровольно примазавшихся к кровавому делу оправдания и поощрения белого убийства»⁵, писала «Правда». В эту же «шайку убийц» были записаны В. Зензинов и эсеры из «Дней», которых никто не спрашивал, «не изменили ли они после процесса своих цекистов свой взгляд на террор против представителей советской власти. Им самим было угодно дать этот ответ. Мы запомним его»⁶.

В это время появляется информация о том, что за убийство Воровского большевики угрожали расправиться с заложниками из числа социалистов-революционеров, находившихся в советских тюрьмах. Официально подобных угроз со стороны Москвы не поступало, однако сообщения о них распространились в среде русской эмиграции по разным неофициальным каналам, в том числе через «Дни» и «Vorwärts». Вот что сообщили «Дни»: «На заседании губернского комитета РКП, после доклада Бухарина о состоявшемся приговоре швейцарского суда над убийцами Воровского, выступил Сталин, заявивший следующее: ««Голоса всех трудящихся требуют от нас возмездия подстрекателям этого чудовищного убийства. Фактически убийцы тов. Воровского – не ничтожные наймиты Конради и Полунин, а те социал-предатели, которые, скрывшись от народного гнева за пределы досягаемости, еще продолжают готовить почву для наступления против руководителей русского пролетариата. Они забыли о нашей дальновидности, проявленной нами в августе 1922 года, когда мы приостановили приговор Верховного Трибунала, вопреки настойчивому желанию всех трудящихся масс. Теперь мы можем им напомнить, что постановление еще не потеряло силы, и за смерть тов. Воровского мы сумеем потребовать к ответу их друзей, находящихся в нашем распоряжении»⁷. Газета продолжила данную тему на следующий

¹ Кускова Е. Под маской борьбы с реакцией // Дни. № 310. 1923. 7 ноября. С. 1.

² Кускова Е. Под маской борьбы с реакцией // Дни. № 310. 1923. 7 ноября. С. 1.

³ Там же.

⁴ Кускова Е. Кому что нравится // Дни. № 310. 1923. 7 ноября. С. 2.

⁵ П.Ш. Кто оправдал наемных убийц? // Правда. № 262. 1923. 18 ноября. С. 1.

⁶ Там же.

⁷ Россия. Угроза расправиться с заложниками // Дни. № 323. 1923. 29 ноября. С. 2.

день в передовице «Пора покончить»: «За оправдание Конради должен быть расстрелян Тимофеев, а за Полунина – Гоц. Такова логика большевистского “правосудия”»¹.

Официальная позиция Заграничной делегации партии социалистов-революционеров по делу Воровского была выражена 30 ноября 1923 г. в обращении «По поводу новых большевицких угроз», опубликованном в № 32 журнала «Революционная Россия», центральном органе ПСР. Там указывалось: «Убийцы Воровского освобождены вердиктом суда, в юридических формах которого происходил моральный поединок между лагерем русской контрреволюции, стоявшим за Полуниным и Конради, и лагерем большевицкого искажения революции, стоявшим за телом убитого Воровского. В этом поединке нам, русским социалистам-революционерам, нечего было делать. Мы – непримиримые враги большевицкого режима произвола и красного произвола, но враг нашего врага нам не друг. Мы не раз звали большевиков к ответу перед судом общечеловеческой совести за воскрешение – лишь для субъективно иных целей – тех же методов управления, которые были при самодержавии вековым проклятием нашей родины; за проведение в жизнь великих лозунгов социализма методами, убийственно противоречащими всему их духу. Но мы не признали этого права за теми, кто поднимает голос и вооруженную руку против новорожденного деспотизма большевиков лишь во имя исконного освященного веками деспотизма старого режима. Конради и Полунин были для нас не героями, а моральными слепцами, преступно злоупотребившими для сведения политических счетов тем священным правом убежища, которое предоставляют всем гонимым свободные демократические государства: бессмысленное убийство Воровского, не более всякого рядового большевика повинного в ужасах красного террора, могло вызвать в нас лишь содрогание, как и всякое другое ненужное пролитие человеческой крови, сеющее ядовитые семена новых ужасов и новых убийств»².

С этой оценкой солидаризировался социалист-революционер М.В. Вишняк, один из редакторов журнала «Современные записки». Он писал З. Гиппиус из Парижа 22 января 1924 г.: «Конради никто из нас не «клеил». Но считать его тираноубийцей, героем и подвижником – как это делают Карташов³, Гурко⁴ и Носович⁵, – я лично считаю и неосновательным и безвкусным... Террорист оправдывает свой грех тем, что жертвует собой: он не только убивает, но и умирает. Многим ли жертвовал Конради, идя по линии наименьшего сопротивления и убивая первого попавшегося ему на пути, далеко не худшего, Воровского на швейцарской территории?.. Это убийство, повторяю, *объективно* – пошло скорее на пользу большевикам, а субъективно – очень отдаленно напоминало былых террористов...» [15, с. 241]. Схожего мнения придерживался и далекий от социалистических кругов консервативный либерал В. А. Маклаков, писавший 17 мая 1923 г. Б. А. Бахметеву: «это убийство мне показалось недостаточно мотивированным; как политический акт, т.е. устранение вредного человека, это был бы слишком плохой выбор; Воровский принадлежал к наименее вредным людям, и, во всяком случае, не влиятельным. Как акт мести он тоже недостаточно мотивирован (...) убийство Воровского в моих глазах относится к категории тех преступлений, которые более всего объясняются сознанием безнаказанности и потому и вызывают наименее симпатий» [14, с. 556–557].

¹ Пора покончить // Дни. № 324. 1923. 30 ноября. С. 1.

² По поводу новых большевицких угроз // Революционная Россия. 1923. № 32. С. 31.

³ Карташов Антон Владимирович (1875-1960) – общественно-политический и церковный деятель, историк. Член партии кадетов. В эмиграции с 1919 г.

⁴ Гурко Владимир Иосифович (1862/63–1927) – общественно-политический деятель, монархист. В эмиграции с 1919 г.

⁵ Носович Анатолий Леонидович (1878-1968) – военный деятель, генерал-майор. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1920 г. в эмиграции.

Лидер эсеров В. М. Чернов, находившийся в Праге, в 1923 г. написал статью «Оба хуже»¹, посвященную итогам Лозаннского процесса. Она осталась неопубликованной и отложилась в рукописи в Архиве Международного института социальной истории (Амстердам, Нидерланды). Интересно, что фраза «оба хуже» впоследствии станет крылатой, но не благодаря Чернову, а благодаря И. В. Сталину, который произнесет ее в 1925 г. в отчетном докладе ЦК перед XIV съездом партии в связи с правым и левым уклоном среди партийцев.

Содержание этой работы Чернова представляет несомненный интерес. Во многом это вызвано теми аргументами, которые он приводит в поддержку позиции заграничных эсеров, осудивших убийство Воровского. Такая позиция вызвала недоумение и возражения ряда представителей эмиграции (в частности, С. П. Мельгунова)² [9], указывавших, что партия социалистов-революционеров всегда в своей деятельности использовала тактику политического террора. В связи с этим Чернов принял решение дать развернутый ответ на эти обвинения, по каким-то причинам оставшийся неопубликованным.

Чернов пишет, что «...в свое время Исполнительный Комитет партии Народной Воли должен был выступить перед всем миром с заявлением, резко отгораживавшим героические выступления Желябовых, Кибальчичей и Халтуриных от актов, вроде убийства президента Соединенных Штатов Линкольна человеком, мстившим за уничтожение рабовладельчества. Тогда же «Народная воля» установила принцип, по которому территория свободных демократических стран не может быть ареной политических убийств, применяемых как средство партийной борьбы. Этому принципу всегда с тех пор твердо и выдержанно следовали русские революционеры»³.

Чернов отмечает, что эсеровские террористы никогда не искали пути «наименьшего сопротивления», шли на огромный риск, более того, многие из них верили в то, что взять жизнь другого человека можно, лишь отдав свою. Лагерь российской контрреволюции не знал подобного, ни в 1917 г., ни позднее. Касаясь террористических актов 1918 г., Чернов указывает, что «...в следующем 1918 году в Урицкого, в Володарского, в Ленина пошли стрелять, рискуя своей головой, одиночки-социалисты»⁴. Обратим внимание – именно «одиночки» – как мы уже говорили, после прихода большевиков к власти террористическая борьба эсеров в официальную тактику партии включена так и не была, несмотря на разногласия в партии по этому вопросу. Тем не менее, возможно, здесь кроется причина того, что статья Чернова так и не была опубликована – он не хотел привлекать внимание к террористическим актам 1918 г. в условиях, когда совсем недавно, по итогам московского показательного процесса социалистов-революционеров (июнь-август 1922 г.) двенадцать человек было осуждено к смертной казни (исполнение приговора было отложено Президиумом ВЦИК), в том числе за покушения на лидеров большевиков. Только в январе 1924 г. наказание для осужденных эсеров было смягчено.

Почему убийство Воровского было бессмысленным, задается вопросом В. М. Чернов? Во-первых, оно морально «знаменовало не срачивание с моральным правосознанием страны, а разрыв с ним». Оно было бессмысленно, ибо при этих условиях «могло быть только ненужным пролитием крови, таящим в себе ядовитые семена новых актов по-

¹ Чернов В. Оба хуже. International Institute of Social History. Partija Socialistov-Revoljucionerov (Ros-sija) Archives. Folder 1037. Image 31–40. URL: <https://access.iisg.amsterdam/universalviewer/#?manifest=https://hdl.handle.net/10622/ARCH01038.1037?locatt=view:manifest>

² Мельгунов С. Несколько слов о процессе Конради // За свободу! 1924. 11 января. № 9 (1064). С. 2–3.

³ Чернов В. Оба хуже. IISH. PSR Archives. Folder 1037. Image 31.

⁴ Ibid. Image 33.

литической вендетты, новых жертв, новых кровавых эксцессов, от которых доселе так жаждет отдохнуть страна»¹.

Во-вторых, подчеркивает Чернов, «оно было бессмысленно еще и потому, что пользование на территории демократических государств священным правом убежища морально и психологически обязывает. И прежде всего, обязывает искать другого места для сведения кровавых счетов, даже вполне понятных и в этом смысле – «простительных», а не таких бессмысленно-случайных по выбору объекта как то, которое произошло в Лозанне. И с этой точки зрения лозаннское дело могло только лить воду на мельницу большевизма. Конради и Полунин добились фактического оправдания. И что же? Создалось ли на этой почве единство хотя бы антибольшевистского общественного мнения? Ничего подобного. Начиная от Вандервельде и кончая целым рядом передовых буржуазных писателей и деятелей, мы видим чувство величайшей неловкости и смущения от всего происшедшего. Приговор воспринимается как удар по основным принципам даже буржуазного правосудия»².

В-третьих, отмечает Чернов, процесс Конради «может только скомпрометировать тех демократов – не говоря уже о социалистах! – которые выступили бы в качестве защитников и апологетов его исхода. А нападать на этот исход – значит как будто «взять сторону большевиков». В том и другом случае получается как будто какая-то морально-политическая клякса. Это потому, что такую кляксу является самый акт, на который, как пешка, пошел Конради. Пошел во имя понятных, в известной мере даже законных человеческих чувств, – не к месту пристроенных и проявившихся бессмысленно – и некрасиво»³.

Главный вывод В. М. Чернова по итогам процесса в Лозанне заключался в том, что этот суд, поскольку ему удалось подняться до уровня идейного, «был как бы моральным поединком перед лицом Европы между началами белой и красной диктатуры, белого и красного террора. Но вот эта-то тяжба двух терроров и двух диктатур в самой своей основе нам – глубочайшим образом чужая»⁴. Чернов подчеркивает, что привлекать к ответственности за красный террор могут только те, кто не причастен к террору белому.

Как отмечают О. В. Коновалова и В. И. Федорова, Чернов в работе «Оба хуже», сравнивая террор социалистов-революционеров до 1917 г. с репрессиями большевиков, делал вывод, что политическое насилие – это всегда плохо, так как оно нарушает права человека. «Однако эсеровский террор был направлен против насилия государства, и боевики сознательно приносили себя в жертву для того, чтобы покарать виновных в унижении народа. В этом смысле это «сакральный» террор, так как борьба личности за свои права не только морально оправданна, но и священна. Однако большевики применяли насилие против личности, опираясь на силу государственного аппарата, и таким образом, приносили в жертву не себя, а других, поэтому эсеровский террор рассматривался как морально оправданный и даже священный. Тогда как обезличенный государственно-классовый террор большевиков носил, безусловно, аморальный характер. В оценке Черновым революционного насилия в этот период явно прослеживался моральный релятивизм, связанный, очевидно, с инерцией борьбы с самодержавием. На лицо двойная оценка революционного насилия – оправдание тех, кто действует против государственной власти и её носителей, и неприятие мер государственного принуждения» [7, с. 121]. Не оспаривая оценок террора партии социалистов-революционеров до 1917 г., заметим, что после прихода большевиков к власти Чернову и эсерам вряд ли можно поставить в вину моральный релятивизм в отношении политического террора.

¹ Ibid. Image 37.

² Ibid.

³ Ibid. Image 38.

⁴ Ibid. Image 39.

После завершения Лозаннского процесса тема террора какое-то время продолжала оставаться актуальной. Например, живую дискуссию вызвала книга левого эсера И. З. Штейнберга «Нравственный лик революции» [21], посвященная проблеме революции и террора. Автор книги прочитал доклад по книге, за которым последовали прения, привлекавшие довольно большую аудиторию. В обмене мнениями приняли участие представители различных социалистических течений и анархисты, в том числе В. М. Чернов. Как писали «Дни»: «О терроре с отвращением говорили не только левые с.-р., но и сподвижник Махно г. Волин»¹.

По мнению многих выступающих, Штейнберг перевел обсуждение террора в отвлеченную теоретическую плоскость, «забыв» о массовом терроре, неизбежно следовавшем за насаждением большевизма, и ответственность за который частично лежала и на левых эсерах. В прениях приняла участие и известная американская анархистка Эмма Гольдман. Она также очень резко характеризовала большевистский террор, не находя ему оправдания как «террору партии, группы, секты»², однако допускала террор стихийный, массовый и «спонтанный». Солидарен с ней был и анархист В. М. Волин, который оценивал террор с точки зрения того, кто его применял. «Большевицкий террор неприемлем потому, что после Брест-Литовска он вошел в политическое русло, а махновский – был вне политического русла, был – стихийным, а потому приемлем. Что должны делать политические вожди перед стихией?»³.

В ответ на утверждение Штейнберга о том, что большевистский террор был ответом не выступления контрреволюционных сил, Марк Алданов напомнил, что «еще в 1905 г. Ленин проповедовал необходимость беспощадной расправы с буржуазией и с дворянством»⁴.

Чернов в своем выступлении остановился на сложном соотношении борьбы и насилия: с одной стороны, борьба возможна и без насилия, она есть и в толстовстве. А с другой стороны, «национальное или даже личное угнетение в такой же мере, как социальное, могут толкнуть на борьбу и насилие, что борьба начинается часто, когда массы еще не подготовлены, что массы могут, под влиянием чувства мести, вести назад, а не вперед»⁵. Комментируя проблему террора, он опять повторил мысль, высказанную им в статье «Оба хуже» о том, что не только вопрос о массовом терроре, но даже «в отношении отдельных лиц, заведомых извергов»⁶ для эсеров представлялся всегда необыкновенно сложным, примером чего служили мучения Е. Сазонова. Большевики же довели террор до абсурда.

4. Заключение

Отклики В.М. Чернова и социалистов-революционеров на Лозаннский процесс отражают противоречивый результат поиска российскими эмигрантами новых теоретических и практических путей в период после окончания Гражданской войны и вытеснения в эмиграцию. От этого зависело будущее социалистов-революционеров как партии. В конечном счете, зарубежным эсерам не удалось сохранить организационное и идейное единство, выработать новую программу партии. В то же время наследие российских социалистов эмигрантского периода сохраняет значение в плане формирования новой модели демократического социализма, для которой эмигранты, в том числе В.М. Чернов, сделали немало.

Голос социалистической эмиграции остался в 1923 г. в меньшинстве. Однако процесс Конради-Полунина показал, что российские социалистические партии в эмиграции, несмотря на то, что были далеки от монолитного единства в важнейших вопросах полити-

¹ С.Я. Террор и революция // Дни. № 352. 1924. С. 4.

² С.Я. Террор и революция // Дни. № 352. 1924. С. 4.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же. С. 5.

ческой борьбы, в отдельных принципиальных моментах могли совместно выступать перед лицом оправдания политического террора. Это отчетливо выразилось во время кампании 1922 г. по мобилизации европейского общественного мнения на защиту обвиняемых в Москве социалистов-революционеров, вновь подтвердилось во время суда над убийцами Воровского. В конечном итоге взаимоотношения эсеров и меньшевиков в эмиграции приведут к принятию в 1952 г. знаменитого совместного обращения «На пути к единой социалистической партии», где говорилось о необходимости создания партии демократического эволюционного социализма.

Список источников и литературы

1. Васильева, Н. Ю. (2007). *Вацлав Вацлавович Воровский* // Известные дипломаты России: министры иностранных дел – XX век. М.: Московские учебники. С. 156-163.
2. Ганин, А. (2019). «Красный террор» в черно-белом изображении // Родина. № 7. С.126-129.
3. Демидова, О. (2018). *Диалог Варшавы и Парижа об аксиологии эмиграции (на материале писем Д. Философова к З. Гиппиус и газеты «За свободу!»)* // Warszawa: Wydawnictwo Instytutu badań literackich PAN (Seria XXIV). S. 120–136. Doi: 10.18318/napis.2018.1.8
4. Дойков, Ю. В. (2009). *Питирим Сорокин в Праге. 1922–1923*. Архангельск. 146 с.
5. Драгунов, В. П. (1989). Новые факты о гибели В.В. Воровского // *Международная жизнь*. № 4. С. 130-141.
6. Жуковский, Н. П. (1978). *Посол нового мира: О жизни, революционной, литературной, научной и дипломатической деятельности В.В. Воровского*. М.: Политиздат. 318 с.
7. Коновалова, О. В., Фёдорова, В. И. (2016). *В.М. Чернов: от терроризма к пацифизму. Эволюция мировоззрения и реалии Советской России* // *Российская история*. № 1. С. 116–130.
8. Ломоносова, М. В., Агеева, А. И., Васильева, Д. И. (2020). «Существующий кризис власти может быть весьма затяжным». *Страницы переписки Александра Гучкова с Питиримом Сорокиным* // *Наследие*. № 2(17). С.133–145.
9. Мельгунов, С. (1990). *Красный террор в России, 1918-1923* / [Послел. А. Даниеля, Н. Охотина]. М.: СП "РИУСО". 207 с.
10. Морозов, К. Н. (2019). «Это так не было»: дискуссии о терроре в эсеровской партии в годы Гражданской войны // *Идеи и идеалы*. Т. 11. № 1. Ч. 1. С. 327–355. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-327-355
11. «Парижский философ из русских евреев»: Письма М. Алданова к А. Амфитеатрову / Публ. Э. Гарэтто и А. Добкина // *Минувшее: Ист. альманах*. Вып. 22. М.-СПб., 1997. С. 539–621.
12. Речь Обера, произнесенная в защиту Полунина перед судом присяжных в Лозанне по делу об убийстве Воровского: пер. с фр. Белград: Новое время, 1924. 102 с.
13. Сколяр, Ю. Н. (2017). Дело примирения: от дипломатии до культуры. Памяти Вацлава Воровского // *Вестник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова*. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. № 1. С.86-94.
14. «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков. Переписка. 1919-1951. В 3-х томах. Том 2. Сентябрь 1921 – май 1923 / Под ред. О. Будницкого. М.: РОССПЭН, 2002. 672 с.
15. «Современные записки» (Париж, 1920-1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубь. М.: Новое литературное обозрение, 2013. Т. 3. 1016 с.

16. Чистяков, К. А. (2000). *Убить за Россию!: Из истории русского эмигрантского «активизма», 1918-1939 гг.* М.: Изд-во Ипполитова. 139 с.
17. Чистяков, К. А. (2002). *Покушение М. Конради на главу советской делегации В.В. Воровского в Лозанне 10 мая 1923 г.* // Новый исторический вестник. № 6. С. 118-120.
18. Членов, С. Б. (1923). *Речь по делу об убийстве В.В. Воровского.* М.: Типография редакционно-издательского отдела, 22 с.
19. Членов, С. Б. (1924). *Убийство В. В. Воровского и буржуазное правосудие.* Харьков: Путь Просвещения. 50 с.
20. Шмелев, И. С. (1999). *Господину Оберу, защитнику русского офицера Конради как материал для дела* // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 7 (доп.). Это было: Рассказы. Публицистика. М., 1999. С. 402–404.
21. Штейнберг, И. З. (2017). *Нравственный лик революции.* М.: Кучково поле. 416 с.
22. Aubert, T. (1924). *L'affaire Conradi: plaidoirie prononcée pour Arcadius Polounine devant le Tribunal criminel de Lausanne, les 14 et 15 novembre 1923.* Genève: Sonor. 132 s.
23. Capol, G. (2002). *Die Affaire Conradi, 1923* // Bündner Jahrbuch. Chur. S.159–171.
24. Franco, R. M. (2023). *The Conflicting Soviet Responses to the Lausanne Process (1922-1924)* // MGIMO Review of International Relations. 16 (3):81-108. DOI: [10.24833/2071-8160-2023-3-90-81-108](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-81-108)
25. Franco, R. M. (2023). *The Last White Victory: Aleksandr Guchkov and the Conradi-Polunin Process of 1923* // Revolutionary Russia. 36:1, 76-99. DOI: [10.1080/09546545.2023.2210006](https://doi.org/10.1080/09546545.2023.2210006)
26. Gattiker, A. (1975). *L'affaire Conradi.* Berne: H. Lang. 323 s.
27. Senn, A. E. (1981). *Assassination in Switzerland. The Murder of Vatslav Vorovsky.* Madison: Univ. of Wisconsin Press. 220 p.

References

1. Vasil`eva, N. Yu. (2007). *Vaczlav Vaczlavovich Vorovskij* [Vaclav Vatslavovich Vorovsky] in *Izvestny`e diplomaty` Rossii: ministry` inostranny`x del – XX vek.* Moscow. (in Russian)
2. Ganin, A. (2019). «Krasny`j terror» v cherno-belom izobrazhenii ["Red Terror" in black and white image] in *Rodina.* 7. 126-129. (in Russian)
3. Demidova, O. (2018). *Dialog Varshavy` i Parizha ob aksiologii e`migracii (na materiale pisem D.Filosofova k Z.Gippius i gazety` «Za svobodu!»)* [The dialogue between Warsaw and Paris on the axiology of emigration (based on D.Filosofov's letters to Z.Gippius and the newspaper "For Freedom!")] in *Warszawa: Wydawnictwo Instytutu badań literackich PAN (Seria XXIV).* (in Russian)
4. Dojkov, Yu. V. (2009). *Pitirim Sorokin v Prage. 1922–1923.* [Pitirim Sorokin in Prague. 1922–1923]. Arxangel`sk. (in Russian)
5. Dragunov, V. P. (1989). *Novy`e fakty` o gibeli V.V.Vorovskogo* [New facts about the death of V.V.Vorovsky] in *Mezhdunarodnaya zhizn`.* 4. 130-141. (in Russian)
6. Zhukovskij, N. P. (1978). *Posol novogo mira: O zhizni, revolyucionnoj, literaturnoj, nauchnoj i diplomaticheskoy deyatel`nosti V.V. Vorovskogo.* [Ambassador of the New World: About the life, revolutionary, literary, scientific and diplomatic activities of V.V. Vorovsky]. Moscow, Politizdat. (in Russian)
7. Konovalova, O. V., Fyodorova, V. I. (2016). *V. M. Chernov: ot terrorizma k pacifizmu. E`volyuciya mirovozzreniya i realii Sovetskoj Rossii* [V.M. Chernov: from terrorism to pacifism. The evolution of the worldview and the realities of Soviet Russia] in *Rossijskaya istoriya.* 1. 116-130. (in Russian)

8. Lomonosova, M. V., Ageeva, A. I., Vasil`eva, D. I. (2020). «*Sushhestvuyushhij krizis vlasti mozhet byt` ves`ma zatyazhny`m*». *Stranicy perepiski Aleksandra Guchkova s Pitirimom Sorokiny`m* ["The current crisis of power can be very protracted." Pages of correspondence between Alexander Guchkov and Pitirim Sorokin] in *Nasledie*. 2 (17). 133-145. (in Russian)
9. Mel`gunov, S. (1990). *Krasny`j terror v Rossii, 1918-1923* [The Red Terror in Russia, 1918-1923] / [Poslesl. A. Danielya, N. Oxotina]. Moscow, SP "RIUSO": P. S. (in Russian)
10. Morozov, K. N. (2019). «*E`to tak ne by`lo*»: *diskussii o terrore v e`serovskoj partii v gody` Grazhdanskoj vojny`* ["It wasn't like that": discussions about terror in the Socialist Revolutionary Party during the Civil War] in *Idei i idealy`*. 11(1). 327–355. (in Russian)
11. «*Parizhskij filosof iz russkix evreev*»: *Pis`ma M. Aldanova k A. Amfiteatrovu* ["The Parisian philosopher from the Russian Jews": Letters of M. Aldanov to A. Amfiteatrov] / Publ. E`. Gare`tto i A. Dobkina in *Minuvshie: Ist. al`manax*. 22. Moscow, St. Petersburg, 1997. 539-621. (in Russian)
12. *Rech` Obera, proiznesennaya v zashhitu Polunina pered sudom prisyzhny`x v Lozanne po delu ob ubijstve Vorovskogo* [Aubert's speech in defense of Polunin before the jury in Lausanne in the case of the murder of Vorovsky]: per. s fr. Belgrad: Novoe vremya, 1924. 102 s. (in Russian)
13. Skolyar, Yu. N. (2017). *Delo primireniya: ot diplomatii do kul`tury`*. *Pamyati Vaczlava Vorovskogo* [The cause of reconciliation: from diplomacy to culture. In memory of Vaclav Vorovsky] in *Vestnik Mosk.un-ta. Ser. 27. Globalistika i geopolitika*. 1.86-94. (in Russian)
14. «*Sovershenno lichno i doveritel`no!*»: *B.A. Baxmetev – V.A. Maklakov. Perepiska. 1919-1951*. ["Completely personally and confidentially!": B.A.Bakhmetev – V.A. Maklakov. Correspondence. 1919-1951.] V 3-x tomakh. Tom 2. Sentyabr` 1921 – maj 1923 / pod red. O.Budniczkogo. Moscow, ROSSPE`N, 2002. (in Russian)
15. «*Sovremenny`e zapiski*» (*Parizh, 1920-1940*). *Iz arxiva redakcii* ["Modern Notes" (Paris, 1920-1940). From the editorial office archive] / pod red. O. Korosteleva i M. Shruby`. Moscow. Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 3. (in Russian)
16. Chistyakov, K. A. (2000). *Ubit` za Rossiyu!: Iz istorii russkogo e`migrantckogo «aktivizma», 1918-1939 gg.* [Kill for Russia!: From the history of Russian emigrant "activism", 1918-1939]. Moscow, Izd-vo Ippolitova. (in Russian)
17. Chistyakov, K. A. (2002). *Pokushenie M.Konradi na glavu sovetsoj delegacii V.V.Vorovskogo v Lozanne 10 maya 1923 g.* [M. Conradi's assassination attempt on the head of the Soviet delegation, V.V. Vorovsky, in Lausanne on May 10, 1923.] in *Novy`j istoricheskij vestnik*. 6. (in Russian)
18. Chlenov, S. B. (1923) *Rech` po delu ob ubijstve V.V. Vorovskogo* [It's about the murder of V.V. Vorovsky]. Moscow, Tipografija redakcionno-izdatel'skogo otdela. (in Russian)
19. Chlenov, S. B. (1924) *Ubijstvo V. V. Vorovskogo i burzhuznoe pravosudie* [The murder of V.V. Vorovsky and bourgeois justice]. Xar`kov: Put` Prosveshheniya. 50 s. (in Russian)
20. Shmelev, I.S. (1999) *Gospodinu Oberu, zashhitniku russkogo oficera Konradi kak material dlya dela* [To Mr. Aubert, the defender of the Russian officer Konradi as material for the case] in *Sobranie sochinenij*, 7. E`to by`lo: Rasskazy`. Publicistika. Moscow, Russkaya kniga. 402-404. (in Russian)
21. Shteinberg, I.Z. (2017) *Nravstvenny lik revolutsii* [The moral face of the revolution] Moscow, Kuchkovo pole. (in Russian)

Вклад авторов:

А.Ю. Суслов: написание текста рукописи; обзор публикаций по теме статьи;

А.А. Голосеева: получение данных для анализа, анализ полученных данных.

Authors' contributions:

A.Yu. Suslov: writing the text of the manuscript; review of publications on the topic of the article;

A.A. Goloseeva: obtaining data for analysis, analyzing the data obtained.

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-138-145>

УДК 93/94

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ
ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ И ИХ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ЧЕРНОЗЕМЬЯ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Н. А. Жиров

Н. В. Логунова

*Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина,
ул. Коммунаров Д. 28, Елец, 399770 Россия*

Аннотация.

Введение. В статье приводится анализ информационных возможностей метрических книг православных приходов сел Центрального Черноземья за длительный хронологический период с конца XVIII до начала XX вв. В рамках изучения социальной истории исторических поселений Воронежской и Орловской губерний метрические книги использовались наряду с материалами государственной и земской статистики населения в привязке с другими массовыми источниками. **Материалы и методы.** В целях изучения жизни крестьянства и социально-демографических процессов, протекавших в исторических поселениях Черноземья Воронежской (с. Данково) и Орловской (с. Навесное, с. Паниковец) губерний, нами был исследован пласт метрических книг, относящихся к концу XVIII – началу XX вв. Методология исследования основана на применении традиционных методов исторического исследования: методе историзма, историко-сравнительном подходе, ретроспективном и т.д. Кроме того в рамках обработки статистической информации применялись количественные методы, математического анализа, компьютерные технологии. **Результаты.** Информационные возможности метрических книг до начала второй четверти XIX в. весьма скудны, так как в записях о крещениях или об умерших не фиксировали мертворожденных, в отношении бракосочетаний не учитывался возраст брачующихся и т.д. Для качественного изучения демографических процессов требуется наиболее полная подборка хорошо сохранившихся метрик и желательно за относительно длительный срок. К сожалению, метрические книги исследуемого нами хронологического периода по большинству приходов дошли фрагментарно либо совершенно не сохранились. Единственным приходом, отвечающим в полной мере всем исследовательским требованиям, был приход с. Богоявленское (Паниковец) Елецкого уезда, где метрические книги дошли в хорошей сохранности с 1780 по 1917 гг. включительно. К сожалению, для губерний Черноземного центра это редкий пример хорошей сохранности, так в основной массе метрики не уцелели по разным причинам, например, много подобных источников исчезли в первой половине XX в. На примере приходов с. Данково, с. Навесное и с. Паниковец можно проследить эволюцию метрического формуляра и информационные возможности источника в рамках изучения демографических процессов на микроуровне (отдельных населенных пунктов или приходов). Это способствовало комплексному изучению эволюции социальных связей, поведенческих механизмов местного аграрного общества на длительном промежутке времени. **Заключение.** В целом, стоит отметить что, несмотря на все недостатки и неполную информацию метрических книг XVIII – первой половины XIX вв., они все равно представляют ценную информацию о социально-демографических процессах православного населения Российской империи. Метрические

книги второй половины XIX – начала XX вв. имели устойчивый формуляр, активно употреблялись в качестве персональной информации частными лицами, а затем государством, были весьма информативными. После 1918 г. и создания органов ЗАГС необходимость в ведении метрических записей исчезла, учет населения и актовые записи стали прерогативой государства, но ведение метрик продолжалось в первые годы советской власти. В целом, научное использование материалов церковного учета населения в сочетании с данными ревизского учета и иными статистическими источниками своего времени могут дать уникальную информацию о составе семьи, продолжительности жизни, социальной стратификации населения и многом другом.

Ключевые слова: материалы церковного учета населения, крестьянство, православные приходы, демографический анализ, Орловская губерния.

Для цитирования: Жиров Н.А., Логунова Н.В. Информационные возможности метрических книг православных приходов и их роль в изучении демографических процессов в сельской местности Черноземья в конце XVIII – начале XX вв. // История: факты и символы. 2024. № 3 (40). С. 138-145 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-138-145

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00400) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»

Статья поступила: 20.04.2024

Статья принята в печать: 01.06.2024

Статья опубликована: 20.09.2024

© Жиров Н.А., Логунова Н.В. 2024

INFORMATION CAPABILITIES OF THE METRIC BOOKS OF ORTHODOX PARISHES AND THEIR ROLE IN THE STUDY OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN RURAL AREAS OF THE CHERNOZEM REGION IN THE LATE XVIII – EARLY XX CENTURIES

*Nikolay Zhirov
Nadezhda Logunova
Bunin Yelets State University,
st. Kommunarov D. 28, Yelets, 399770 Russia*

Introduction. The article provides an analysis of the information capabilities of the metric books of the Orthodox parishes of the villages of the Central Chernozem region for a long chronological period from the end of the XVIII to the beginning of the XX centuries. As part of the study of the social history of historical settlements in the Voronezh and Orel provinces, metric books were used along with materials from state and zemstvo population statistics in conjunction with other mass sources. **Materials and methods.** In order to study the life of the peasantry and the socio-demographic processes that took place in the historical settlements of the Chernozem region of the Voronezh (village of Dankovo) and Oryol (village of Navesnoye, village of Panikovets) provinces, we studied a layer of metric books dating back to the end of the XVIII – early XX centuries. The research methodology is based on the application of traditional methods of historical research: the method of historicism, historical-comparative approach, retrospective, etc. In addition, quantitative methods, mathematical analysis, and computer technologies were used in the processing of statistical information. **Results.** The information capabilities of the metric books before the beginning of the second quarter of the XIX century were very scarce, since the records of baptisms or the dead did not record stillbirths, the age of the married was not taken into account in relation to mar-

riages, etc. For a qualitative study of demographic processes, the most complete selection of well-preserved metrics is required, and preferably over a relatively long period of time. Unfortunately, the metrical books of the chronological period we are studying have reached most parishes in fragments or have not been preserved at all. The only parish that fully meets all the research requirements was the parish of Bogoyavlenskoye (Panikovets), Yelets county, where the metric books were preserved in good condition from 1780 to 1917 inclusive. Unfortunately, for the provinces of the Chernozem center, this is a rare example of good preservation, since the majority of metrics did not survive for various reasons, for example, many similar sources disappeared in the first half of the twentieth century. Using the example of the parishes of S. Dankovo, S. Navesnoye and S. Panikovets, it is possible to trace the evolution of the metric form and the information capabilities of the source within the framework of studying demographic processes at the micro level (individual settlements or parishes). This contributed to a comprehensive study of the evolution of social ties and behavioral mechanisms of the local agrarian society over a long period of time.

Conclusion. In general, it is worth noting that, despite all the shortcomings and incomplete information of the metric books of the XVIII – first half of the XIX centuries, they still provide valuable information about the socio-demographic processes of the Orthodox population of the Russian Empire. Metric books of the second half of the XIX – early XX centuries had a stable form, were actively used as personal information by individuals, and then by the state, and were very informative. After 1918 and the creation of registry offices, the need for maintaining metric records disappeared, population registration and registration records became the prerogative of the state, but the maintenance of metrics continued in the early years of Soviet power. In general, the scientific use of church population records in combination with audit records and other statistical sources of their time can provide unique information about family composition, life expectancy, social stratification of the population and much more.

Keywords: materials of church population registration, peasantry, Orthodox parishes, demographic analysis, Oryol province

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00400) on the basis of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bunin Yelets State University"

For citation: Zhirov N. Logunova N. Information capabilities of the metric books of Orthodox parishes and their role in the study of demographic processes in rural areas of the Chernozem region in the late XVIII – early XX centuries // History: facts and symbols. 2024. Vol. 40. No. 3, pp 138-145 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-138-145

Received: 20.04.2024

Revised: 01.06.2024

Published: 20.09.2024

© Zhirov N., Logunova N. 2024

1. Введение

Учет населения в России в допетровскую эпоху носил в первую очередь фискальный характер, что находило свое отражение в источниках этого периода – писцовых, дозорных, а позднее в переписных книгах. Учитывалось в основном податное население, платившее налоги, а остальные не податные сословия регистрировались в иных видах источников. Налоговой единицей был двор, поэтому отчетность составлялась на хозяина этого двора. В подавляющем большинстве случаев хозяином был взрослый мужчина, а информация о составе семьи, количестве членов двора оставалась неизвестной. С началом петровских преобразований в начале XVIII в. практика учета податного населения совершенствовалась, сначала были проведены ландратские переписи, а чуть позже установился ревизский учет,

просуществовавший до середины XIX в. [2; 4]. Всего было проведено 10 общероссийских ревизий населения, проводившихся с определенной периодичностью. Методика учета жителей страны постоянно менялась, в ряде переписей сведения о лицах женского пола отсутствовала, что не давало полного представления о числе жителей империи и его половозрастном составе. Для решения этого недочета по указу от 1722 г. в России вводился метрический учет православного населения, который официально был прекращен только в 1918 г.

Научное исследование метрических книг Российской империи стало возможным только в 1990-е гг., когда метрики были переданы из местных архивов ЗАГС в государственные архивы РФ. Вследствие этого источниковедческий анализ материалов церковного учета населения дореволюционной России и их информационные возможности были осуществлены сравнительно недавно. Одной из крупнейших работ, посвященных этой тематике, стала монография Д.Н. Антонова и И.А. Антоновой, в которой дана характеристика метрических книг и методика их изучения и обработки данных [1].

В XXI в. в отечественной исторической науке интерес к изучению метрических книг не ослабевает, появилось большое количество работ, посвященных информационным возможностям метрик, исповедальных ведомостей и т.д. Большая часть исследований в этой области была проведена историками демографами Барнаула, Тамбова, Курска, Санкт-Петербурга и т.д. [5; 6; 7; 8]. На фоне повышенного интереса к метрикам проводились конференции и появлялись сборники научных статей и очерков, посвященных проблематике поиска и обработки информации из материалов церковного учета населения.

В рамках изучения отдельных локальных исторических территорий, отдельных населенных пунктов или православных приходов на длительном хронологическом отрезке информационные возможности метрических книг использовались редко, в том числе в рамках Черноземного региона России. В нашей работе по изучению социальной истории исторических поселений Воронежской и Орловской губерний метрические книги использовались наряду с материалами государственной и земской статистики населения в привязке с другими массовыми источниками по экономической истории региона. Такой подход в рамках изучения локальной истории черноземной деревни позволил выйти за рамки просто изучения демографических процессов на микроуровне (отдельных населенных пунктов или приходов) и способствовал комплексно изучить эволюцию социальных связей, поведенческие механизмы местного аграрного общества на длительном промежутке времени.

2. Материалы и методы

Материалы церковного учета православного населения, к которым непосредственно относятся метрические книги, являются ценным источником по социальной истории России имперского периода. Данный вид документации относится к массовым источникам, с характерными для него признаками: шаблонной формой, достаточно устойчивым формуляром и т.д. Не смотря на это, за свой длительный период существования (вторая четверть XVIII – первая четверть XX вв.) внутренняя форма и внешний вид метрических книг претерпели серьезные изменения как внешне, так и в плане внутреннего содержания.

В целях изучения жизни крестьянства и социально-демографических процессов, протекавших в исторических поселениях Черноземья Воронежской (с. Данково) и Орловской (с. Навесное, с. Паниковец) губерний, нами был исследован пласт метрических книг, относящихся к концу XVIII – началу XX вв. Выбор поселений в рамках нашего исследования не зависел только от наличия метрических книг, хотя это было одной из приоритетных задач [3]. Вследствие этого степень сохранности и информативность метрик в рамках наших православных приходов была различна, например по с. Паниковец Елецкого уезда сохранился почти полностью весь пласт метрических книг с 1780-х по 1917 гг., а вот по с. Данково Воронежского уезда до наших дней дошли в приемлемом виде метрики только по началу XX в. Несмотря на это, комплексное изучение метрических книг по другим населенным пунктам позволило сделать вывод, что информационные возможности источников в рамках ко-

ротких хронологических отрезков позволяет сделать определенные выводы в отношении демографических процессов, протекавших на локальном уровне.

Методология исследования основана на применении традиционных методов исторического исследования: методе историзма, историко-сравнительном подходе, ретроспективном и т.д. Кроме того в рамках обработки статистической информации применялись количественные методы, математического анализа, компьютерные технологии.

3. Результаты

Метрические книги Российской империи имели шаблонную форму и фиксировали три информационных блока: крещения детей, бракосочетания и регистрация умерших прихожан. Жители исследуемых приходов были православными, иноверцев и сектантов, официально зарегистрированных не было. Вследствие этого основные демографические процессы (брачность, уровень рождаемости, смертности и естественный прирост населения) отражены в приходских источниках достаточно объективно.

Информационные возможности метрических книг до начала второй четверти XIX в. весьма скудны, так как в записях о крещениях или об умерших не фиксировали мертворожденных, в отношении бракосочетаний не учитывался возраст брачующихся и т.д.

Для качественного изучения демографических процессов требуется наиболее полная подборка хорошо сохранившихся метрик и желательно за относительно длительный срок. К сожалению, метрические книги исследуемого нами хронологического периода по большинству приходов дошли фрагментарно либо совершенно не сохранились. Единственным приходом, отвечающим в полной мере всем исследовательским требованиям, был приход с. Богоявленское (Паниковец) Елецкого уезда, где метрические книги дошли в хорошей сохранности с 1780 по 1917 гг. включительно¹. К сожалению, для губерний Черноземного центра это редкий пример хорошей сохранности, так в основной массе метрики не уцелели по разным причинам, например, много подобных источников исчезли в первой половине XX в., особенно в годы Великой Отечественной войны.

На примере прихода с. Паниковец можно увидеть эволюцию метрического формуляра и увеличение информации о прихожанах. В сведениях о родившихся за 1780-1781 гг. указаны только даты крещения, без информации о дате рождения, причем записи сделаны не в хронологической последовательности, а в разнорядной. Скорее всего, священнослужитель сделал при ведении метрики записи не сразу, а по прошествии какого-то времени.

В записях о бракосочетаниях не указан возраст брачующихся, а для владельческих крестьян не всегда указано место их жительства, а лишь принадлежность к определенному владельцу-помещику.

Причины смерти и даже возраст умерших в метрике 1780 г. не зафиксированы, только с 1781 г. возраст умерших мужчин стал обязательным, а в отношении женщин это условие не всегда исполнялось². Только с начала 1790-х гг. записи о возрасте умерших стали обязательными для всех полов, а также стала фиксироваться не только дата крещения новорожденного, но и дата рождения, причем разница между рождением и крещением могла достигать до 10 дней. Наличие этой информации указывает на правдоподобную практику крещения, когда в холодные месяцы, в метель или грязь было неудобно сразу после рождения нести ребенка в церковь для соблюдения христианских обрядов. В более поздний период в метриках второй половины XIX-начала XX вв. разница между крещением и рождением стала минимальной, а нередко крестить могли в день рождения, что кажется маловероятным, особенно в отношении жителей отдаленных деревень от приходской церкви.

С наступлением XIX в., в 1810-х гг., постепенно увеличивается доля умерших младенцев в записях об умерших, причем возраст ребенка указывался с точностью до дня. Зна-

¹ ГАЛО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450.

² ГАЛО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 440.

чительная часть умерших детей являлись младенцами в возрасте менее 2-х недель. Таким образом, можно предположить, что в прежнее время в приходе умерших младенцев либо совсем не фиксировали, либо это делали фрагментарно, так как они не проходили обряд исповеди перед смертью, как это было установлено для всех взрослых прихожан, и именно эта информация требовалась для отчета местного духовенства перед консисторией.

С 1831 г. метрики с. Паниковец приобрели более современный формуляр, просуществовавший до 1917 г., с более подробным изложением информации. Например, появляются сведения о причинах смерти прихожан, в том числе и детей. В качестве примера приведем запись о смерти мальчика «Села Паниковца помещицы Пелагеи Кунаковой у крестьянки солдатки сын Борис 5 лет от голодной опухоли»¹.

К сожалению, великолепная сохранность метрических книг по с. Паниковцу является скорее исключением из правил, остальные приходы Елецкого и соседних уездов отличаются фрагментарной сохранностью подобных источников. Именно поэтому были выбраны несколько приходов Ливенского уезда (с. Гатище, с. Круглое, с. Навесное), по которым сохранилась приемлемая подборка метрик начала XIX в. Кроме того, все выбранные приходы составляли некое единое историческое пространство, так как на протяжении второй половины XVII и большей части XVIII в. они входили в единый Богоявленский приход с. Навесное. Метрические книги по с. Навесное Ливенского уезда Орловской губернии первой половины XIX в. сохранились за только с 1830 по 1845 гг., а в приходах с. Гатище и Круглое с 1812 по 1825 гг.².

Записи о возрасте брачующихся стали фиксировать в метрических книгах только с 1838 г., что подтверждается сведениями из документов с. Навесное и с. Паниковец.

Как уже упоминалось выше, по с. Паниковец дошел почти в идеальном состоянии весь пласт метрических книг за вторую половину XIX – начала XX вв., а вот относительно приходов с. Навесное³ и с. Данково⁴ метрические книги сохранились фрагментарно. Несмотря на худшую сохранность и отсутствие информации за ряд лет, идентичность внутренней информации в метриках всех приходов позволяет сделать комплексное исследование демографических процессов на микроуровне (отдельного поселка или сети населенных пунктов в рамках одного прихода православной церкви).

С середины XIX и до начала XX вв. внешний и внутренний вид метрических книг не менялся. Источники представлены тремя разделами: о родившихся, о бракосочетавшихся и об умерших.

В первом разделе «о родившихся» записывали новорождённых детей, которые прошли таинство крещения. Поэтому, фиксировалась не только дата рождения, но и крещения. Далее шла информация о родителях: ФИО, место жительства (населенный пункт, если же родители не были прихожанами храма, в котором крестили ребенка, то указывали полный адрес – губернию, уезд, населенный пункт и приход), сословную принадлежность. Если отца не было, то писали одну мать. Брошенных детей, что было исключительной редкостью, фиксировали подкидышами и записывали фамилию и отчество ребенка по крестному отцу, в семье которого он в дальнейшем воспитывался. В следующей графе указывались крестные родители ребенка, и информация о них была идентичной, как и у родителей – ФИО, место жительства и сословие. В последней графе вносилась запись о священнике и причте, которые совершили обряд крещения. Иногда в метриках можно встретить запись о мертво-

¹ ГАЛО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 441. Л. 163.

² ГАОО. Ф. 101. Оп.1. Д. 1752, 1780, 1802, 1804, 1805, 1806, 1807.

³ ГАОО. Ф. 101. Оп.1. Д. 2850, 2851, 2852, 2853, 2854, 2855, 2856, 2857, 2858, 2859, 2860, 2861, 2862, 2863, 2864, 2865, 2866, 2867, 2868, 2869, 2870, 2871, 2872, 2873, 2874, 2875, 2876, 2877, 2878, 2879, 2880, 2881, 2882.

⁴ ГАВО. Ф. И 331. Оп. 4. Д. 288, 289.

рожденном ребенке, но все выявленные случаи были редкими, и, скорее всего, фиксация такой информации в разделе о родившихся была не обязательной, так как всех умерших регистрировали в другом разделе метрической книги.

Во втором разделе «о бракосочетавшихся» было также несколько блоков информации. Во-первых, это дата бракосочетания (венчания), полная информация о женихе и невесте, аналогично, как и о родителях новорожденных. Единственными отличиями являлось обязательное указание, какой по счету был брак у каждого из супругов и их возраст. Разводы в православии в дореволюционный период были исключительно редким явлением, и в изученных приходах за весь хронологический период не было встречено ни одного такого примера. Свидетелями у новобрачных были только мужчины, по два человека от каждого из новобрачных. Информация о них была представлена так: ФИО, место жительства и сословие.

В третьем разделе «об умерших» указывались все прихожане, погребенные на местном приходском кладбище. Указывалась дата смерти и погребения, ФИО, место жительства, сословие, возраст и причины смерти. Как правило, причина смерти не являлась медицинским заключением, за редким исключением, если умерший находился в больнице или под наблюдением медицинского работника. Таким образом, среди причин смерти мог указываться преклонный возраст, слабое здоровье (часто встречается среди детей, в основном младенцев) и т.д.

Заключение

В целом, стоит отметить что, несмотря на все недостатки и неполную информацию метрических книг XVIII – первой половины XIX вв., они все равно представляют ценную информацию о социально-демографических процессах православного населения Российской империи. Метрические книги второй половины XIX – начала XX вв. имели устойчивый формуляр, активно употреблялись в качестве персональной информации частными лицами, а затем государством, были весьма информативными. После 1918 г. и создания органов ЗАГС необходимость в ведении метрических записей исчезла, учет населения и актовые записи стали прерогативой государства, но ведение метрик продолжалось в первые годы советской власти. С этого момента информативность метрических книг начала падать, во всех изученных приходах стала проявляться крайняя небрежность в заполнении отдельных граф, а нередко и полное отсутствие некоторых записей. В целом, научное использование материалов церковного учета населения в сочетании с данными ревизского учета и иными статистическими источниками своего времени могут дать уникальную информацию о составе семьи, продолжительности жизни, социальной стратификации населения и многом другом.

Список источников и литературы

1. Антонов, Д. Н., Антонова, И. А. (2006). *Метрические книги России XVIII – начала XX вв.* М. 384 с.
2. Водарский, Я. Е. (1977). *Население России в конце XVII – начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение).* М.: Наука. 263 с.
3. Жиров, Н. А., Ляпин, Д. А. (2023). *Эволюция социального поведения сельского общества Центрального Черноземья в XVII-XVIII веках* // Научный диалог. Т. 12. № 4. С. 432-450. DOI:10.24224/2227-1295-2023-12-4-432-450.
4. Кабузан, В. М. (1963). *Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: По материалам ревизий.* М.: Наука. 157 с.
5. Канищев, В. В., Кончаков, Р. Б., Мизис, Ю. А. (1999). Соотношение когортного и сплошного анализа демографического поведения российского крестьянства XIX – начала XX в. (по материалам с. Малые Пупки Тамбовской губернии) // Социально-

демографическая история России XIX-XX вв. Современные методы исследования. Мат-лы науч. конференции. Апрель 1998 г. Тамбов. С. 60-71.

6. Кащенко, С. Г. (2002). Современные исследования по исторической демографии России. Особенности массовых источников и современные проблемы их изучения // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 30. М. С. 182-183.

7. Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник: сборник статей / Под ред. В.Н. Владимирова. Барнаул, 2007. 264 с.

8. Нефедов, С. А. (2005). Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург. 543 с.

References

1. Antonov, D. N., Antonova, I. A. (2006). *Metricheskie knigi Rossii XVIII – nachala XX vv.* [Metric books of Russia of the XVIII – early XX centuries]. Moscow. (in Russian).

2. Vodarskiy, YA. E. (1977). *Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka: (Chislennost', soslovno-klassovyy sostav, razmeshchenie)* [Population of Russia at the end of the XVII - beginning of the XVIII century: (Number, class composition, location)]. Moscow, Nauka, (in Russian).

3. Zhirov, N. A., Lyapin, D. A. (2023). *Evolyutsiya sotsial'nogo povedeniya sel'skogo obshchestva Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVII-XVIII vekakh* [The evolution of the social behavior of the rural society of the Central Chernozem region in the XVII-XVIII centuries] in *Nauchnyy dialog*, 12, (4), 432-450. DOI:10.24224/2227-1295-2023-12-4-432-450. (in Russian).

4. Kabuzan, V. M. (1963). *Narodonaselenie Rossii v XVIII - pervoy polovine XIX v.: Po materialam reviziy* [Population of Russia in the 18th - the first half of the 19th century: Based on the materials of revisions]. Moscow, Nauka. (in Russian).

5. Kanishchev, V. V., Konchakov, R. B., Mizis, Yu. A. (1999). *Sootnoshenie kogortnogo i sploshnogo analiza demograficheskogo povedeniya rossijskogo krest'yanstva XIX – nachala XX v. (po materialam s. Malye Pupki Tambovskoj gubernii)* [The ratio of cohort and continuous analysis of the demographic behavior of the Russian peasantry of the XIX -early XX century (based on the materials of the village of Malye Pupki, Tambov province)] in *Socio-demographic history of Russia of the XIX-XX centuries. Modern research methods. The materials of the scientific conference.* April 1998. Tambov. (in Russian).

6. Kashchenko, S. G. (2002). *Sovremennye issledovaniya po istoricheskoy demografii Rossii. Osobennosti massovykh istochnikov i sovremennye problemy ih izucheniya* [Modern research on the historical demography of Russia. Features of mass sources and modern problems of their study] in *Newsletter of the Association "History and Computer"*. No.30. M. S. (in Russian).

7. *Materialy cerkovno-prihodskogo ucheta naseleniya kak istoriko-demograficheskij istochnik: sbornik statej* [Materials of parish population registration as a historical and demographic source: collection of articles] / Edited by V.N. Vladimirova. (2007). Barnaul. (in Russian).

8. Nefedov S.A. (2005). *Demograficheski-strukturnyj analiz social'no-ekonomicheskoy istorii Rossii* [Demographic and structural analysis of the socio-economic history of Russia]. Yekaterinburg, (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-146-149>

УДК 94(470)

К ВОПРОСУ О «ПОЧВЕННОМ ФАКТОРЕ» В ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

Д. А. Ляпин,

Е. В. Прошунина

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
ул. Коммунаров, д. 28, Елец, 399770*

Для цитирования: Прошунина Е. В. (2024). К вопросу о «почвенном факторе» в истории строительства Белгородской черты // История: факты и символы. № 3 (40). С. 147-152

doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-147-152

Статья поступила: 01.06.2024

Статья принята в печать: 27.07.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-68-00011, <https://rscf.ru/project/24-68-00011/>) на базе ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина"

© Ляпин Д., Прошунина Е., 2024

THE "SOIL FACTOR" IN THE HISTORY OF CONSTRUCTION OF THE BELGOROD LINE

Denis Lyapin,

Ekaterina Proshunina

*Bunin Yelets State University,
Kommunarov St., 28, Yelets, 399770*

For citation: Proshunina E. (2024). The "soil factor" in the history of construction of the Belgorod line in History: facts and symbols, 1 (40), 20-31

doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-146-149

Received: 01.06.2024

Revised: 27.07.2024

Published: 15.03.2024

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>

© Lyapin D., Proshunina E., 2024

В середине XVII в. с целью защиты своих южных рубежей в России была сооружена огромная система оборонительных сооружений – «Белгородская черта». Эта грандиозная постройка протянулась линией почти на 800 км с запада на восток, соединив южные крепости на рубежах страны, создав благоприятные условия для хозяйственного освоения пустых земель Поля. Крымская армия теперь гораздо реже проникала в верховья Дона, а военные рейды за Оку, в исторический центр страны, были исключены. Важно отметить и то, что эта единая система сооружений позволила Москве двинуться дальше на юг и в конечном итоге выйти к Черному морю. Белгородская черта стала частью сплошной линии обороны Российского государства, растянувшейся от р. Ахтырки на западной границе, до Волги. Строи-

тельство этой укрепленной линии стало важным инструментом закрепления за Москвой новых географических пространств и расширения политических границ на юг. Белгородская черта – самое значительное в российской истории, мощное и сложное военно-инженерное сооружение, вобравшее в себя передовые образцы европейской фортификационной мысли.

Изучение истории Белгородской черты, крупнейшего в истории России комплекса военно-оборонительных сооружений относится сегодня к числу наиболее актуальных задач исторической науки. Белгородская черта представляет большой интерес не только как образец успешной коллективной деятельности власти и общества, но и как продукт исторического наследия, который можно полноценно использовать для формирования локальной идентичности регионов Центральной России. Однако полноценное изучение Белгородской черты возможно с учетом всех экономических условий, позволивших осуществить этот грандиозный проект. Кроме того, когда черта была построена и стала функционировать, обеспечение ее жизненно важными ресурсами стало насущной задачей для властей. Тем не менее, несмотря на все трудности, эту задачу удалось решить. Важнейшую роль в обеспечении огромного комплекса военных сооружений сыграли не поставки продовольствия, а местные природные ресурсы и, прежде всего, «хлеб».

В этой связи важную роль в истории Белгородской черты сыграл весь предшествующий ее строительству процесс освоения территории Поля, начало которому было положено еще в середине XVI в. С конца этого столетия, когда русские крепости появились далеко в степи (Воронеж, Белгород, Старый Оскол) русские колонисты начали активно вырабатывать формы и методы хозяйственного освоения этой «дикой», пустой территории. В итоге к 1630-м годам население уже имело важный хозяйственный опыт, позволивший в середине XVII в. обеспечить процесс строительства, а затем и функционирование масштабного сооружения с военным контингентом в несколько десятков тысяч человек.

Для того, чтобы получить целостное, объективное представление о самом историческом феномене Белгородской черты принципиально важно понять условия, в которых она создавалась. Возведение столь масштабного комплекса сооружений было просто невозможным без существующей в регионе хозяйственной базы, связанной с его экономическим развитием. После того, как Белгородская черта была построена и стала функционировать, обеспечение ее контингента жизненно важными ресурсами стало актуальной проблемой для региона. Следует также учитывать, что, занимая новые пространства в XVII в., русское население попадало в непривычную для себя ландшафтно-климатическую зону, освоение которой было сопряжено с целым комплексом трудностей. Как известно, в этот период происходили серьезные климатические изменения, значительно осложнившие процесс колонизации новых земель, и начался т.н. «малый ледниковый период» [8; 9]. Русское население было вынуждено искать подходящие формы взаимодействия как внутри социума, так и с окружающим миром. Приходилось вырабатывать наиболее устойчивые способы интегративной хозяйственной деятельности, позволившие освоить новые обширные территории и возвести оборонительные сооружения в непростых климатических условиях и сложной военно-политической обстановке.

Итак, условия в которых проходил начальный процесс освоения русским населением непривычных для себя степных пространств, были крайне неблагоприятны: военная опасность и набеги крымских татар с одной стороны, целинные земли в суровом климате «малого ледникового периода» с другой. Численность местного населения также нельзя считать достаточно высокой. Большие части территории возникших уездов были пустыми, несмотря на то, что помещики-переселенцы получали «в дачи» огромные участки земли размерами от 50 до 150 Га. По большому счету все население главных уездов, Воронежского, Белгородского и Елецкого, в первой половине XVII в. вряд ли превышало 30 тыс. человек [5]. В 1629 г. общая численность военного контингента южных уездов составляла всего 12 тысяч человек [1, с. 2].

Каким же образом в условиях слабой заселенности, военных действий и сурового климата удалось создать надежную экономическую базу для возведения Белгородской черты? Очевидно, местное население получало урожаи зерна достаточные, чтобы оставаться на этих землях, обеспечивать себя зерном и снабжать ближайшие военные гарнизоны. Более того, зерно, полученное с казенной десятинной пашни, отправлялось донским казакам [2; 3]. Как мы знаем формы и методы социальной организации, выработанные переселенцами, были в основном связаны с концентрацией всех усилий на обработке «дикого поля» [6]. Следовательно, решающую роль играла здесь черноземная почва – именно она позволяла получать достаточные урожаи при тех усилиях, которые были возможны в трудных обстоятельствах освоения степных и лесостепных черноземных пространств.

Таким образом, строительство Белгородской черты стало возможным во многом благодаря «почвенному фактору», который позволил России получить такой важный ресурс как зерно для реализации грандиозного военного проекта. Следует отметить, что и в дальнейшем функционирование армии в этом регионе, объединенной с 1658 г. в Белгородский разряд, было во много связано с регулярным снабжением военного контингента местным зерном, запасов которого было достаточно и для проведения военных реформ [4; 7; 10]. Безусловно успехи Москвы в южном направлении были связаны не только с имеющимся ресурсом – черноземной почвой, дающей большие урожаи, но и с тем, что государство смогло успешно воспользоваться полученной возможностью. Путем больших усилий России удалось не только начать освоение «диких» земель, но и использовать их в военных целях для защиты своих политических и национальных интересов. Черноземная почва, с ее хорошо известной высокой плодородностью, стала тем фундаментом, который был заложен первыми Романовыми для наступления на юг, когда в условиях колонизации и войны, в южных степях была выстроена Белгородская черта.

Представляется особенно важным сегодня обратиться к изучению «почвенного фактора» в истории освоения Россией своих южных рубежей, понять, как на практике работали механизмы хозяйственного освоения огромной территории, как распашка целины влияла на организацию социального пространства местного общества, наконец, каковы были первые урожаи, обеспечивавшие постепенное превращение «дикого поля» в Русское поле. Такую цель ставит проект «Русское поле: почва как фактор исторической динамики социально-демографических процессов лесостепной зоны Европейской России в Новое время (XVI-XIX вв.)», реализация которого осуществляется на базе Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина при поддержке РФФ.

Список источников и литературы

1. Беляев, И. Д. (1846). *О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича*. М.: Университетская типография, 151 с.

2. Добриков, В. В. (2010). *Натуральные налоги на юге Московского государства во второй половине XVII века* // Вестник Воронежского государственного университета. Серия лингвистика и межкультурные коммуникации. № 1. С. 195-199.

3. Добриков, В. В. (2009). *Причины и история донских отпусков* // Страницы российской истории: сборник научных статей. Воронеж: Изд-во ВГУ. С. 15-29.

4. Дудина, О. В., Фурсов, В. Н. (2015). *Создание и функционирование Белгородского разряда как военно-административной и территориальной единицы России второй половины XVII в.* // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. № 4 (204). С. 131-136.

5. Ляпин, Д. А. (2017). *Урбанизация Центрально-Черноземного региона в конце XVI – начале XVIII веков* // Гуманитарные и юридические исследования. № 3. С. 57-64.

6. Ляпин, Д. А. (2020). *На окраине царства: повседневная жизнь населения Юга России в XVII веке*. СПб.: Дмитрий Буланин, 400 с.
7. Петрухинцев, Н. Н. (2018). «Разрядная» военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние в 1658–1660 гг. на южные служилые «города» России (по материалам городов Липецкого края) // *История: Факты и символы*. № 3 (16) С. 106-129.
8. Goldstone, J. A. (1991). *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley-Los Angeles: Los Angeles University Press. 274 p.
9. Parker G. (2013). *Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century*. New Haven and London: Yale University Press. 409 p.
10. Stevens Belkin C. (1995). *Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia*. Northern Illinois: Northern Illinois Press. 344 p.

References

1. Beljaev, I. D. (1846). *O storozhevoj, stanichnoj i polevoj sluzhbe na pol'skoj Ukraine Moskovskogo gosudarstva do carja Alekseja Mihajlovicha* [On the guard, stanitsa and field service in the Polish Ukraine of the Moscow state before Tsar Alexei Mikhailovich]. Moscow, Universitetskaja tipografija. (in Russian).
2. Dobrikov, V. V. (2010). *Natural'nye nalogi na juge Moskovskogo gosudarstva vo vtoroj polovine XVII veka* [Natural taxes in the south of the Moscow state in the second half of the 17th century] In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija lingvistika i mezhkul'turnye kommunikacii*, 1. (in Russian).
3. Dobrikov, V. V. (2009). *Prichiny i istorija donskih otpuskov* [Causes and history of the Don vacations] In *Stranicy rossijskoj istorii: sbornik nauchnyh statej*. Voronezh, VGU Press. (in Russian).
4. Dudina, O. V., Fursov, V. N. (2015). *Sozdanie i funkcionirovanie Belgorodskogo razrjada kak voenno-administrativnoj i territorial'noj edinicy Rossii vtoroj poloviny XVII v.* [The Creation and Functioning of the Belgorod Rank as a Military-Administrative and Territorial Unit of Russia in the Second Half of the 17th Century] In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija. Politologija*, 4 (204). (in Russian).
5. Ljapin, D. A. (2017). *Urbanizacija Central'no-Chernozemnogo regiona v konce XVI–nachale XVIII vekov* [Urbanization of the Central Black Earth Region in the Late 16th – Early 18th Centuries] In *Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija*, 3. (in Russian).
6. Ljapin, D. A. (2020). *Na окраине царства: повседневная жизнь населения Юга России в XVII веке* [On the Outskirts of the Kingdom: Everyday Life of the Population of Southern Russia in the 17th Century.]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin. (in Russian).
7. Petruhincev, N. N. (2018). «Разрядная» военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние в 1658–1660 гг. на южные служилые «города» России (по материалам городов Липецкого края) In *Istorija: Fakty i simvolj* [The "Razryadnaya" Military Reform of Alexei Mikhailovich and Its Influence in the 1658–1660s. to the southern service “cities” of Russia (based on materials from the cities of the Lipetsk region)], 3 (16). (in Russian).
8. Goldstone, J. A. (1991). *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley-Los Angeles, Los Angeles University Press. (in English).
9. Parker G. (2013). *Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century*. New Haven and London, Yale University Press. (in English).
10. Stevens Belkin C. (1995). *Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia*. Northern Illinois, Northern Illinois Press. (in English).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Голосеева Анна Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела политологии Института социально-политических исследований Российской академии наук, Москва, Россия

goloseyeva@gmail.com

Гончарова Ирина Валентиновна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного университета управления, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-7532-8751>

79208195393@yandex.ru

Гуларян Артем Борисович, кандидат исторических наук, доцент, Орловского государственного аграрного университета имени Н.В. Парахина, Орёл, Россия

agularyan@yandex.ru

Жилов Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-8460-9865>

zhilov-nikolai@mail.ru

Ермаков Олег Владимирович, соискатель Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия

<https://orcid.org/0009-0008-2288-3111>

info@ncfu.ru

Кудланов Константин Борисович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Курской Академии государственной и муниципальной службы, Курск, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-9734-3178>

Kudlanov777@mail.ru

Кулачков Вадим Витальевич, кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного инженерно-технологического университета, Брянск, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-3334-6476>

i@vkulachkov.ru

Логунова Надежда Владимировна, научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия

Inst.ikp@yandex.ru

Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>

Lyapin-denis@yandex.ru

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, директор Среднерусского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Орёл, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-3471-5923>

vestniksrvon@mail.ru

Михайлюк Татьяна Владимировна, магистрант Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, Рязань, Россия

<https://orcid.org/0009-0005-9702-6403>

uomtv@yandex.ru

Перов Максим Сергеевич, соискатель Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия

<https://orcid.org/0009-0007-5807-436X>

maksim.perov.96@mail.ru

Попова Анна Дмитриевна, профессор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, Рязань, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-9524-3886>

a.d.popova@mail.ru

Прошунина Екатерина Валерьевна, научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия

Inst.ikp@yandex.ru

Самородова Елена Михайловна, кандидат экономических наук, доцент Среднерусского института управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Орёл, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-5034-3015>

samorodova733096@mail.ru

Суслов Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета, Казань, Россия

plusha131333@yandex.ru

Филонов Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орёл, Россия

filonovvi@mail.ru

Шапиро Бэлла Львовна, доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-5616-8898>

b.shapiro@mail.ru

Чувардин Герман Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Орловского государственного университета имени И.С.Тургенева, Орел, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-7706-3419>

wodantag@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna A. Goloseeva, PhD in History, Senior Researcher, Department of Political Science, Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

goloseyeva@gmail.com

Irina V. Goncharova, PhD in History, Leading Researcher at the State University of Management, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7532-8751>

79208195393@yandex.ru

Artem B. Gularyan, PhD in History, Associate Professor, Parakhin Oryol State Agrarian University, Oryol, Russia

agularyan@yandex.ru

Nikolay A. Zhirov, PhD in History, Associate Professor, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8460-9865>

zhirov-nikolai@mail.ru

Oleg V. Ermakov, PhD student, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

<https://orcid.org/0009-0008-2288-3111>

info@ncfu.ru

Konstantin B. Kudlanov, PhD in History, Senior Lecturer, Kursk Academy of Public and Municipal Service, Kursk, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-9734-3178>

Kudlanov777@mail.ru

Nadezhda V. Logunova, Researcher, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

Inst.ikp@yandex.ru

Vadim V. Kulachkov, PhD in History, Associate Professor of Bryansk state engineering-technological University, Bryansk, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3334-6476>

i@vkulachkov.ru

Denis A. Lyapin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>

Lyapin-denis@yandex.ru

Pavel A. Merkulov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Central Russian Institute of Management - branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3471-5923>

vestniksrvon@mail.ru

Tatyana V. Mikhailuk, student of the Yesenin Ryazan State University, Ryazan, Russia

<https://orcid.org/0009-0005-9702-6403>

uomtv@yandex.ru

Maksim S. Perov, PhD student, Voronezh State University, Voronezh, Russia

<https://orcid.org/0009-0007-5807-436X>

maksim.perov.96@mail.ru

Anna D. Popova, professor, Yesenin Ryazan State University, Ryazan, Russia

<https://orcid.org/0009-0005-9702-6403>

uomtv@yandex.ru

Ekaterina V. Proshunina, research fellow of Bunin Yelets State University, Yelets, Russia
Inst.ikp@yandex.ru

Maksim S. Perov, PhD student, Voronezh State University, Voronezh, Russia
maksim.perov.96@mail.ru

Elena M. Samorodova, PhD in Economics, Associate Professor of the Central Russian Institute of Management - branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5034-3015>
samorodova733096@mail.ru

Aleksey Y. Suslov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia
plusha131333@yandex.ru

Vladimir I. Filonov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Turgenev Orel State University named after I.S. a, Orel, Russia
filonovvi@mail.ru

German S. Chuwardin, Doctor of Historical Sciences, Professor of Turgenev Orel State University, Orel, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7706-3419>
wodantag@mail.ru

Bella L. Shapiro, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5616-8898>
b.shapiro@mail.ru

Scientific journal

**HISTORY:
FACTS AND SYMBOLS**

Научное издание

**ИСТОРИЯ:
ФАКТЫ И СИМВОЛЫ**

№ 3 (40) / 2024

*Литературный редактор, корректор – В. В. Ряполов
Технический редактор – Н. П. Безногих
Техническое исполнение – В. М. Гришин
Дизайн обложки – П. А. Фрольцова (ИАИ РГГУ)*

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 19.09.2024
Дата выхода в свет 20.09.2024
Бумага 77,0 п.л. формат А-4. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 57
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1
E-mail: nauka@elsu.ru
Сайт журнала: <http://history-fas.ru>

Подписной индекс журнала № 43281 в объединенном каталоге «Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1